

Виталий Фурника

от рождения до погребального костра

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Виталий Фурника

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТРА

ТАМИЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (*председатель*), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
и автор послесловия

Н. Р. ГУСЕВА

Фурника В.

Ф 95 От рождения до погребального костра. Тамильские этюды. Послесл. Н. Р. Гусевой. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

200 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

В книге советского журналиста и переводчика, неоднократно бывавшего в Индии, с большой симпатией рассказывается об истории, культуре, нравах, обрядах, обычаях, праздниках и верованиях тамиллов — народа, населяющего южноиндийский штат Тамилнад. об их духовной и культурной жизни и основных нравственных и морально-эстетических принципах. Много страниц в книге автор уделил «магии» чисел и специфике тамильского календаря.

Ф 1905020000-095 212-85
013(02)-85

ББК 63.5(3)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

На протяжении многих десятилетий специалисты-индологи разных стран занимались изучением языков, литературы, истории, культуры и философии народов Индии. Меньше внимания уделялось этнографическим проблемам — сложившемуся на древней индийской земле своеобразному комплексу обычаев. Особому стилю жизни и поведения народов Индии посвящено не более одной десятой части индологических работ.

В этой книге мы расскажем о тамилах — одном из народов Южной Индии. На юге Индии проживает более ста миллионов дравидоязычных народов — тамилы, малаяли, андра и каннада и др. Долгое время ученые не знали еще в достаточной мере о тех или иных сторонах их жизни и быта, не располагали фактическим материалом для изучения их духовной и материальной культуры. Нельзя сбрасывать со счетов почти двухвековое господство англичан, затормозившее естественное развитие народов Индии. Английские власти с большим недоверием относились к русским востоковедам, приезжавшим в Индию с чисто научными целями. На пути исследователей колониальные власти ставили всевозможные препоны, всячески препятствовали сбору материала для научных изысканий.

Интерес отечественных ученых к южноиндийским народам значительно возрос в годы Советской власти. А. М. Мерварт, побывавший в Индии и на Цейлоне (Шри Ланка), издал в Ленинграде «Грамматику тамильского языка». Это была первая работа на русском языке, посвященная тамилам.

В советской индологии появились новые понятия — дравидология (наука о дравидоязычных народах) и тамилистика (наука о тамилах и их культуре).

В конце 50-х годов в СССР начался процесс интенсивного изучения южноиндийских языков, и в первую очередь тамильского. Исследовательская работа велась

в Москве и Ленинграде. На кафедре индийских языков Ленинградского государственного университета началось систематическое чтение лекций по тамильскому языку и литературе. В нашу страну приезжают студенты из социалистических стран, чтобы изучать этот язык. Параллельно в Москве—в Институте востоковедения АН СССР и в МГУ — продолжалась теоретическая и практическая работа по проблемам языка, литературы, истории и культуры Тамилнада.

Уже к середине 60-х годов страна получила первых специалистов в области языка тамиллов. Индийские ученые из Тамилнада охотно откликнулись на просьбу о помощи в деле изучения их языка и культуры. Крупный тамильский ученый, историк, философ и лингвист Мунисами Варадараджан вел систематическую подготовку командированных в Индию советских студентов.

Научные изыскания советских индологов весьма скоро дали ощутимые результаты. Вышли в свет «Тамильско-русский словарь» (1960) и «Русско-тамильский словарь» (1965), грамматика тамильского языка, статьи и монографии. Все это становится основой для развития в нашей стране тамилистики. Делаются также переводы с тамильского языка на русский — литературных памятников и произведений современной литературы.

Усилия советских ученых направлены и на восполнение многих пробелов в изучении прошлого и настоящего тамильского народа. Это тем более необходимо, что в условиях все более расширяющегося сотрудничества СССР с другими народами мира мы должны знать и язык, и культурное наследие разных стран.

Древнее культурное наследие и традиционные образы, нравы и обычаи органически входят в строй мышления тамиллов, отличающихся значительным своеобразием в сравнении с другими народами Индии. Не обладая знаниями, хотя бы самого общего характера, в области древнего культурного наследия, неиндеец, даже если он научится сносно читать текст на тамильском языке, порой не в состоянии понять статью из ежедневной тамильской газеты.

Много поучительного дает знакомство с особенностями жизни тамиллов. То, что на первый взгляд может иногда показаться исполненным мистики, экзотическим и непривычным, на самом деле объясняется глубокой традиционностью, лишенной загадочности и непонятности. Почему в определенные часы в тамильских лавках нельзя

купить спички, керосия или иголки, хотя они, конечно, есть? Отчего поезда в определенные дни ходят почти без пассажиров? Что это за странные узоры, нанесенные порошками на улицах городов и деревень?

Десятки «почему», а ответы связаны с реальной жизнью народа и с его многовековой культурой. Здесь причудливо смешалось прошлое с настоящим. Конечно, почти за сорокалетний период свободного развития в Индии появилось чрезвычайно много нового, но вместе с тем каждый элемент нового явления несет на себе какой-либо штрих многовекового опыта прошлых поколений.

В Индии есть немало пережитков прошлого, тормозящих развитие страны. Прогрессивные силы Индии, ее интеллигенция прилагают огромные усилия, направленные на то, чтобы широкие массы населения, жизнь которых постепенно изменяется к лучшему, осознали настоятельные требования времени. Время вынуждает индийцев, как и другие народы, прислушиваться к изменившемуся ритму жизни. История последних десятилетий наглядно показала, что индийские народы, идя по пути прогресса, умеют сохранять и приумножать свои богатейшие духовные ценности, традиции и культурное наследие.

В книге автор коснулся некоторых сторон жизни тамильского народа — традиций, обычаев, верований, отдельные черты которых характерны и для других индийских народов. Корни глубокой традиционности тамильской культуры явственно проступают в повседневной жизни, быте и укладе тамиллов, придавая этому народу своеобразную оригинальность и колорит, но вместе с тем тамильская культура представляется органической частью общендийской. В основу настоящих очерков положена полевая работа, проводившаяся автором непосредственно в Южной Индии в период десятимесячной стажировки в Тамилнаде, и материалы, собранные во время последующих поездок в Индию в 1981 и 1983 году. Особенно ценны изустно сообщенные сведения, подтверждения которым автор обнаружил в тамильской поэзии, в богатой россыпи рассказов, повестей и романов на языке Тамилнада.

Много приходится читать и слышать об Индии как о стране чудес, загадок, мистики. Конечно, Индия чрезвычайно интересная страна. Но порой в рассуждениях о ней немало досужих вымыслов и поверхностного знания культуры, философии, материальной и духовной жизни ее народов.

Автор книги не ставил своей целью сделать глубокие этнографические или историко-социологические обобщения и выводы — это задача специалистов. Он стремился поделиться с читателем тем, что сильнее всего поразило его воображение своей самобытностью, красотой, высокой человечностью и искренностью. Из сотен тысяч мельчайших черточек и штрихов складывается национальное своеобразие культуры древнего тамильского народа. О некоторых из них и рассказывается в этой книге.

Необычайно полезным и поучительным оказались непосредственное знакомство со страной тамиллов, с сотнями книг, газет, журналов, кино, театром, посещение многих городов и деревень Южной Индии, личные встречи и общение с тамилами и их семьями. Рамки книги не позволяют рассказать обо всем интересном, что есть в жизни тамиллов.

Если, познакомившись с некоторыми сторонами жизни этого народа, вы почувствуете себя прикоснувшимися к чему-то общечеловеческому, захотите узнать еще больше о далеких и близких, больших и малых народах мира, автор будет считать свою задачу выполненной.

Хотелось бы выразить глубокую признательность индийским друзьям — Р. Кришная, журналисту П. Сомасундараму, К. Раманадану, известному прозаику Д. Джеякантану, профессору Н. Дармараджану, переводчикам и журналистам, много лет проработавшим в Советском Союзе, выпускнику московского вуза С. Печчияппану, известной тамильской писательнице Раджам Кришнан, доктору С. Рамакришнану, К. Нилакантану — за всестороннюю помощь, советы при подготовке настоящей книги, а также признательность советским ученым Л. Б. Алаеву, Г. Г. Котовскому, И. Д. Серебрякову, сделавшим ряд ценных замечаний в процессе работы автора над книгой.

TERRA PHANTASIA, ИЛИ КТО ТАКИЕ ТАМИЛЫ

Прекрасна Страна тамиллов. Она дарует
прохладу своими водами, огражденная с севера
горами Венката и с юга,
у Обладательницы браслетов,— океаном.

Иланго Адигаль. Повесть о браслете

Кто такие тамилы и откуда эти представители дравидийской группы народов появились в Индии? И тут сразу же вспыхивают жаркие словесные баталии, и непременно всплывает слово «Лемурия», тревожащее воображение как строго мыслящих ученых, так и фантастов. Неудивительно, что самых горячих сторонников существования в былые времена легендарной земли под этим названием можно найти среди тамиллов — ведь речь идет о земле их праотцов, якобы реально существовавшей и пропавшей в пучине Индийского океана, как исчезли без следа с лица земли десятки городов.

Скептики начисто отрицают, что много тысяч лет назад к югу, а точнее, к юго-западу от Индийского субконтинента могла находиться огромная по площади суша, где обитали древние люди, создавшие цветущие города, скрытые ныне под толщей воды. Но даже у самого язвочного скептика, возможно, исчезнет недоверчивая улыбка, когда неугомонные приверженцы существования Лемурии изложат немаловажные факты и доказательства, приводимые крупнейшими учеными, представляющими самые разные науки.

До наших дней дошли древние памятники литературы тамильского народа, созданные две и более тысячи лет назад. В них наряду с существующими ныне и широко известными географическими названиями — Гималаями, Шри Ланкой, древним городом Мадурой, рекой Кавери — упоминаются, например, реки Кумари и Пахрули, исчезнувшие с лица земли. Крайняя южная оконечность Индийского субконтинента сохранила название Кумари — Каньякумари или, как ее еще называют, мыс

Коморин. Но если указания на горы, реки и ныне здравствующие города не вызывают сомнений, то почему, спрашивают приверженцы гипотезы о существовании Лемурии, не следует доверять тем же древним авторам, которые утверждали, что были и другие реки, города, государства и даже материки?

В «Повести о браслете», созданной в начале нашей эры, так же как и в сборнике стихов «Калиттохей», упоминается суша южнее мыса Коморин, которая якобы скрылась в глубинах Индийского океана. Именно поэтому, добавляет «Калиттохей», после того как столица древних тамилев Южный Мадурай погрузилась в океанскую пучину, новая столица была перенесена севернее, на место, где стоит и ныне город Мадурай, некогда блистательная столица южноиндийского царства.

«Да живет повелитель южной земли, да распространится его могущество на Ганг и Гималаи! В стремлении показать свое могущество другим царям он бросил вызов великому врагу с могучим оружием — самому океану, который поглотил реку Пахрули, реку Коморин с окружающими горами»¹. Так из глубины веков доносит до нас «Повесть о браслете» свидетельство событий, удаленных на тысячелетия. Сведения о затонувших землях содержатся в не менее древней тамильской поэме «Паттина паллей» («Песнь о городе»), созданной в начале нашей эры.

Во многих индийских мифах часто говорится о потопе. Широко известны мифы о странах, которые некогда погрузились в океанскую пучину. Тамильский народ до сих пор хранит память о Тамизахаме — Стране тамилев, своей прародине. В древнейшей тамильской грамматике «Толкаппиям», создание которой многие ученые относят ко времени, предшествовавшему началу нашей эры, упоминается территория Страны тамилев, которая в древности состояла из пяти областей — горной, лесистой, пустынной, области обработанных полей и морского побережья. Здесь обитали племена земледельцев, пастухов, рыбаков, охотников и кочевников.

В буддийских хрониках на Шри Ланке сохранились упоминания о том, что большие территории соседней с ней суши подверглись опустошительному набегу морских волн, поглотивших навсегда города, реки и даже горы.

Крупнейшие ученые XIX—XX вв. разработали много

¹ Иланго Адигаль. Повесть о браслете. М., 1966, с. 83.

гипотез, но происхождение дравидов, к которым относятся тамилы, до сих пор остается тайной, хотя древность и самобытность их культуры не вызывают сомнений.

Если верить геологам, доказывающим, что 20—30 тысяч лет назад был «Берингийский мост», по которому осуществлялась миграция из Азии в Америку², то почему бы не допустить мысли о наличии некогда суши, соединявшей Африку с Южной Индией? «Геологические данные позволяют считать, что Южная Индия была частью того мира, который первым принял форму материка»³. Такое предположение высказал крупнейший знаток дравидийской культуры Мунисами Варадараджан. Н. Н. Миклухо-Маклай с удивлением отмечал парадоксальный факт, заключающийся в том, что прибрежная фауна Красного моря имеет весьма близкое сходство с фауной южноиндийских и цейлонских прибрежных вод⁴.

Тем не менее бесспорными доказательствами того, что Лемурия действительно существовала, наука пока не располагает. Не исключено, что так же, как были недавно обнаружены десять античных городов, затонувших у побережья Турции⁵, будут найдены и следы древнейшей культуры тамиллов, тщательно охраняемые сейчас водами Индийского океана. И тогда, может, будут найдены скрытые под волнами горса Южный Мадурай и Кабатапурам, бывшие некогда, согласно упоминаниям, столицами тамильского царства, которое, по преданию, называлось Пандья. Возможно, наступит время, когда мы с уверенностью сможем сказать, что Лемурия — вовсе не *Terra Phantasia* — «Вымышленная земля»...

Мы не будем здесь приводить ни гипотезы многих ученых XIX—XX вв., ни возражения их авторитетных оппонентов о существовании Лемурии. Эта работа добросовестно проделана нашим современником А. М. Кондратовым, автором ряда интересных книг, горячим сторонником существования Лемурии. В одной из своих книг А. М. Кондратов писал: «Как видите, вопрос о существовании Лемурии остается вопросом, гипотезой, в пользу которой говорят факты различных наук, могущие, однако, быть объясненными и другими гипотезами. Оконча-

² В. А. Тишков. Страна кленового листа: начало истории. М., 1977, с. 5.

³ История индийских литератур. М., 1964, с. 41.

⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений. Т. III. М.—Л., 1952, с. 425.

⁵ «Азия и Африка сегодня». 1977, № 10, с. 44.

тельный же ответ на вопрос, стоящий в заголовке этой книги, „Адрес — Лемурия?“, дадут лишь дальнейшие исследования дна Индийского океана... Быть может, совсем неподалеку, на дне Индийского океана, сокрыто столь же реальное чудо? Только чудо не зоологии, а истории и археологии, затонувшая земля Лемурия, „колыбель“ человечества и древнейшей цивилизации планеты?»⁶.

Многие ученые — в Индии и за ее пределами — занимались и занимаются изучением доступных им фактов, пытаясь составить представление о древних тамилах, живших 2—3 тысячи лет назад.

Крупный знаток тамильского языка и культуры, английский ученый прошлого века Р. Колдуэлл, заложивший основы сравнительного изучения дравидийских языков, анализируя словарь древнетамильского языка, дал свое описание отдаленной от нас многими веками жизни тамиллов: «У древних тамиллов были свои цари, обитавшие в хорошо укрепленных строениях и правившие на небольших территориях. У тамиллов были свои поэты, чьи песни звучали на праздниках. Тамильский народ пользовался своим алфавитом, буквы которого наносились на пальмовые листья с помощью стило. Эти листья шивали затем в своеобразные „книги“. Тамилы верили в существование бога Ко... В честь него воздвигали храмы — *коиль* („дом бога“). Тамилы жили по своим законам и обычаям и не знали судей... Они знали секреты обработки металла. У них была развита медицина. Тамилы жили в деревнях и городах, строили лодки и даже небольшие суда... Знали путь к Шри Ланке»⁷.

Естественно, что по отрывочным, а порой и противоречивым сведениям трудно составить целостную картину, воспроизводящую жизнь народа в весьма отдаленном прошлом. Ученые продолжают по крупицам собирать факты, анализируют и сопоставляют их. Не исключено, что им удастся пролить свет на историю дравидийских народов отдаленного времени.

Сегодня тамилы — народ со сложившейся культурой, языком и традициями. В самой Индии тамиллов насчитывается около 50 млн. Они также живут в Шри Ланке (около 2,5 млн. человек), Малайзии (0,6 млн. человек), Сингапуре (около 100 тыс. человек), Австралии и Океании (несколько десятков тысяч человек). В Индии тамил-

⁶ А. М. Кондратов. Адрес — Лемурия? М., 1978, с. 125, 131.

⁷ «A Glimpse of Tamilology». Thiruchirappally. 1968, с. 3.

лы проживают на юго-восточном побережье Декана в штате Тамилнад (до 1969 г.—штат Мадрас). Штат занимает площадь в 130 тыс. кв. км на Коромандельском побережье. В наше время Тамилнад — один из густонаселенных штатов Индии. Плотность населения здесь достигает 300 человек на 1 кв. км.

Многие ученые, в том числе и советские⁸, считают, что задолго до прихода арьев на территорию Индостана там обитали разные народы, в том числе и дравиды, которые вели оседлый образ жизни. У дравидов существовала высокоразвитая культура. Древнейшие литературные памятники тамиллов ученые относят к первому тысячелетию до нашей эры. Тамильская грамматика «Толкаппиям» свидетельствует о существовании богатой литературы тамиллов. К сожалению, время сохранило для нас не все.

«Сладкозвучней, чем тамильский, не сыскать мне языка» — так писал в одной из своих песен великий тамильский поэт Субраманья Баради (1882—1921). Известно, что тамильский язык — явление удивительное. Это один из древних языков, сумевших сохранить неувядаемую молодость. Людей, говорящих на этом языке, можно встретить не только в Индии, на Шри Ланке, в Сингапуре, Малайзии, но и в Индонезии, в странах Южной и Центральной Африки, Британской Гвиане, на островах Индийского, Тихого и Атлантического океанов — Фиджи, Мартинике, Мадагаскаре, Тринидаде, Реюньоне, Маврикии и даже во Вьетнаме.

Дошедшие до нас записи, с неподражаемым мастерством выполненные на пальмовых листьях, свидетельствуют, что еще до начала нашей эры у тамильского народа уже существовала устойчивая и самобытная литературная традиция. Этот факт говорит о том, что сам язык тамиллов еще более древней. В то время как санскрит считался культурным и научным языком Севера Индии, на Юге этого огромного субконтинента такую роль играл тамильский.

«Тамильский сохранил свою силу и молодость,— писал Мунисами Варадараджан,— и до сих пор остается одним из наиболее культурных языков мира»⁹. Доктор Уинслоу в предисловии к своему тамильско-английскому словарю сообщал: «Отнюдь не будет преувеличени-

⁸ «Азия и Африка сегодня». 1978, № 9, с. 54—56.

⁹ История индийских литератур. М., 1964, с. 47.

ем сказать, что в своих поэтических формах тамильский более развит и точен, чем древнегреческий, и что в обоих своих диалектах с их заимствованиями он богаче латинского»¹⁰.

Слово *тамыж* («тамильский») жители Тамилнада, большие патриоты своей родины, трактуют по-разному, но неизменно с точки зрения человека, беззаветно влюбленного в родную культуру. Одни считают, что это слово значит «приятный, ласкающий слух». Другие говорят, что слово тамыж делится на *там* — «свой, родной» и *ыж* — «сладостная речь», так что тамыж — это «наш приятный язык».

Точная и бесспорная этимология слова «тамыж» пока не установлена. Однако непреложным фактом является древность и удивительная живучесть тамильского языка. Вполне допустимо, что этот язык, один из основных в дравидийской семье, остался живым и таким же гибким, как и в древности, благодаря поразительно логичному внутреннему строю и необычайно продуктивным лексическим возможностям.

Темп речи говорящих на тамильском языке — один из самых высоких в мире. В среднем тамилы произносят до семи слогов в секунду! Древние грамматики даже ввели специальный термин *маттирэй*, то есть «время одного мигания глаза», в течение которого произносится 5—7 слогов.

На первый взгляд может показаться странным, что книги, газеты, журналы, научные статьи, даже письма пишутся на литературном языке, на котором сами тамилы не говорят: он звучит только в театре или в выступлениях по радио либо на торжественных митингах. Литературный тамильский язык изучают в школах, высших учебных заведениях, именно он является предметом углубленных исследований тамильских ученых — пандитов. Язык разговорный, или *пэччу тамыж*, служащий основным средством общения десятков миллионов тамиллов, живет своей жизнью на положении пасынка. Удивительно, но это реальный факт. И такой «водораздел» между разговорными и литературными формами одного и того же языка приводит порой к невероятным ситуациям.

Так, иностранец, потративший несколько лет на прилежное изучение тамильского языка у себя на родине,

¹⁰ Там же.

оказавшись в Тамилнаде, попадает в довольно плачевное положение: казалось бы, он язык знает, но собеседники его не понимают, да и он с трудом разбирает, что они говорят. Представьте себе, что этот иностранец не знает к тому же и английского, который во всех штатах Индии понимают. Тогда этот человек становится просто «немым». Ему не остается ничего другого, как, призвав на помощь все свое мужество, снова начать изучать язык.

Но и тут иностранца поджидают новые трудности — множество диалектов, наречий и особенностей произношения одних и тех же слов у жителей разных сословий и районов. Даже в столице штата — Мадрасе — в роскошных особняках, спрятавшихся в благодатной тени буйной зелени в районах Мамбалама или Майлапура, говорят не так, как в знаменитых мадрасских *чери* — трущобах.

Существует легенда, согласно которой один завоеватель Индии отправил гонцов по всей стране с суровым наказом вернуться через год и, познав языки разных народов страны, приветствовать на них повелителя.

Прошел год. Подданные возвращались и громко приветствовали владыку на разных языках, но не было среди них посланного в Страну тамиллов. Удивился повелитель: ведь он послал на юг самого преданного и исполнительного слугу. Подумав, что гонец погиб, завоеватель решил отправить туда другого.

Но тут вернулся гонец с юга. Вид у него был измученный, что свидетельствовало о немалых страданиях и лишениях, выпавших на его долю. Он молча упал к ногам владыки, прижимая к себе небольшую шкатулку.

— Что же ты не приветствуешь меня на языке тамиллов?— воскликнул потерявший терпение повелитель.

— Вели меня убить, о великий! Я не выполнил твоего приказа.

— Но почему? Ты изучил много языков завоеванных мною народов. Отчего же ты не сделал этого в Стране тамиллов?— грозно спросил повелитель.

Несчастный поднял шкатулку над головой и потряс ею. Послышался drobный стук камешков.

— Что это?— удивился завоеватель.

— Я показываю тебе, о великий, как говорят в Стране тамиллов. Кто и как может понять или выучить такой язык, звучащий, словно камушки, срывающиеся с горы, язык мелодичный и стремительный, словно полет

твоей стрелы? Четыре сотни восходов и закатов встретил я в этой стране, но так и не понял ни одного слова. Это загадочный язык, о повелитель!..

В словах отчаявшегося подданного есть известная доля истины.

Действительно, тамильский язык одновременно и мелодичный и интонационно выразительный. Обусловлено это как слоговым характером языка, придающим речи ритмичность и музыкальность, так и наличием сдвоенных согласных. Попробуйте, например, произнести фразу: «Нан киттаттата аираттытолляиратты муппаттетту каттадангаль парттэн» («Я увидел примерно 1938 зданий»), и вы отчетливо почувствуете ритмико-слоговой характер речи тамиллов.

Естественно, что в изучении тамильского, как и всякого другого иностранного языка, имеются свои трудности. Тем не менее интерес к этому языку растет в разных странах мира.

В Советском Союзе уже много лет изучаются культура и язык этого народа. В свою очередь, в Тамилнаде идет интенсивное изучение русского языка — в Мадрасском, Мадурайском университетах, а также в других учебных центрах, где советские и индийские педагоги ведут преподавание русского языка.

Советских студентов посылают на учебу в Индию, и в частности в Тамилнад. Студентов-тамиллов мы можем встретить сегодня на улицах Москвы и Ленинграда. Все это способствует сближению народов СССР и Индии, помогает укреплению традиционной дружбы и взаимопонимания.

Тамильский язык, согласно конституции, — один из равноправных языков свободной Индии. Он не только сам обогащался за счет других языков, но и дал миру несколько слов, органично вошедших во многие языки других народов. Некоторые из тамильских слов проникли в русский язык.

Трудно, пожалуй, встретить человека, которому не было бы известно значение слова «катамаран», ставшего поистине интернациональным. Однако не многие знают его происхождение. Словом «катамаран» большинство языков мира обязаны тамильскому *каттумарам*, что значит «связанное дерево», «плот» (*катту* — «связывать», *марам* — «дерево»).

Искусство строительства катамаранов насчитывает десятки веков — следовательно, древние тамилы были

умелыми и отважными мореплавателями. Они использовали для морских путешествий суда, построенные по принципу механического соединения из отдельных элементов. Такой сборный катамаран и сейчас можно увидеть в Тамилнаде. Он представляет собой собранную из 4—6-метровых обработанных бревен плот-лодку. Каждое бревно на концах заострено и приподнято. Ряд таких бревен, связанных между собой подвижно и скрепленных с одним или двумя противовесами, и представляет собой простейший катамаран. Их можно увидеть, например, на берегу Бенгальского залива в Мадрасе. Ныне катамараны используются мадрасскими рыбаками в основном для ловли рыбы в открытом море.

Каждый «марам» (высушенное в течение многих лет под палящим солнцем тропиков бревно) соединяется с соседними обычно с помощью тонкой и прочной веревки, изготавливаемой из волокон внутренней оболочки кокосового ореха. Веревка из этих волокон не подвержена гниению. Изготавливают ее путем вымачивания волокон в морской воде, затем очищают, теребят, просушивают. Из пакли сучат веревки, которыми связывают бревна в катамаран.

Ошибочно думать, будто катамаран — это лодка с бортами в обычном нашем представлении. В первоначальном виде катамаран — нечто среднее между плотом и лодкой, в которой плещется морская вода. Но, несмотря на это, катамаран удивительно устойчив и практически непотопляем. Управляется он командой, состоящей из одного или нескольких человек, орудующих либо веслами, либо длинными шестами. Часто катамаран оснащают мачтой, к которой крепят своеобразной формы парус.

С течением времени такой метод строительства плавательных средств был заимствован у тамиллов многими народами, а позднее катамаран «вышел» на сушу и даже «поднялся» в воздух. Так, в Англии катамаран — это также и гидросамолет. В Канаде словом «катамаран» обозначают еще и огромные сани, с помощью которых осуществляется траление леса.

В русский язык слово «катамаран» проникло из европейских языков.

Какие бы формы ни принимал катамаран, для каких бы нужд человечества ни использовался, его название в разных вариантах встречается во многих языках. Этим мы обязаны языку тамиллов, с успехом использующих у себя на родине и в наши дни наряду с реактивными са-

молетами древнейшее средство сообщения — катамаран.

Слово «пария» тоже живет во многих языках мира. По-тамильски оно звучит как *парэйян* и значит «человек, принадлежащий к низкой касте». Родственное этому слову — *парэй* («барабан», а также «заявлять во всеулышание, объявлять»).

Члены касты парэйян с давних времен занимались тем, что провозглашали указы, законы, вердикты, распоряжения, новости и т. п. Для этой цели они использовали громко звучащий барабан *парэймелам*. Стоя на возвышении и ударяя в определенной последовательности по инструменту, глашатай делал нужные объявления. Церемония провозглашения была детально разработана. Социальное положение парэйянов регламентировалось определенным моральным кодексом; их семьи жили отдельной общиной, и по своему положению они стояли на самой низшей ступени общества, что и определило известное к ним отношение. Представители других каст, подвергавшиеся по каким-либо причинам остракизму, были потенциальными кандидатами в ряды тех, кто попадал под определение «париев», вошедшее в западную литературу. Они могли стать неприкасаемыми, отверженными, изгоями общества. Парии вынуждены были селиться отдельно от других каст, им позволялось выполнять только самую черную работу. Фактически эти десятки тысяч людей, лишенные всяких прав, стояли вне закона. Тамильскому «парэйян» соответствует слово *ачхут* («неприкасаемый») в языках индоарийской группы. Тем, кто случайно задел неприкасаемого, индуизм предписывает выполнение определенных очистительных ритуалов. Вход в храмы неприкасаемым (в последние годы их стали называть *хариджанами*, то есть «божьими людьми») строго запрещался.

Значительно изменилось положение хариджан с достижением Индией независимости. Конституция страны уравнивала членов всех каст в гражданских правах. Особое внимание было уделено бывшим неприкасаемым. В законодательном порядке представителям этой общины ежегодно выделяется определенное число мест в колледжах, университетах, они получают государственные стипендии, а по окончании учебы им гарантируется служба в учреждениях, работа на фабриках, заводах либо в сельском хозяйстве. Кроме того, им выделяют льготные займы, участки земли, оказывают помощь в постройке жилищ.

Однако самым трудным в вопросе о хариджанах, пожалуй, является психологический барьер. Очень точно наблюдение народного художника СССР, лауреата премии имени Джавахарлала Неру С. А. Чуйкова. В своей книге «Образы Индии» он писал: «Снова и снова мысль возвращается к судьбе „неприкасаемых“. Какая невероятная, загадочная и мрачная, трагическая судьба многомиллионной массы людей труда, тысячелетия живших в атмосфере презрения и отчужденности... Невозможно без содрогания думать о судьбе этих обездоленных, ни в чем не повинных людей, обреченных быть отверженными и презираемыми... В быту, в сознании людей, в привычках и обычаях кастовое деление и нетерпимость еще ох как сильны!..»¹¹.

Трудности, стоящие на пути решения этой проблемы, реакционные силы нередко используют в своих целях, способствуя тем самым межобщинным распрям и столкновениям, жертвами которых нередко становятся десятки тех, на ком все еще лежит невидимая, но страшная печать отверженных. Поистине восхищения заслуживают прогрессивные деятели страны, неуклонно, день за днем ведущие труднейшую работу по вовлечению вчерашних отверженных в активную жизнь общества. Коммунисты, прогрессивная молодежь, студенчество Тамилнада, как и всей Индии, на митингах и собраниях постоянно выступают в защиту таких членов общества, часто пишут об этом в прессе.

Без сомнения, устремленная в будущее свободная Индия окончательно решит и этот сложный вопрос, деление людей на касты перестанет существовать, как в свое время ушел в прошлое *сати* — страшный обычай саможжения вдов. То же произойдет и со словом «пария» — оно станет анахронизмом.

¹¹ С. Чуйков. Образы Индии. М., 1976. с. 225.

Народ без фамилий и отчеств

От хорошего человека остается имя,
от дурного — ржавчина.

Поговорка

Много любопытных поверий и примет связано у тамиллов с именами и их выбором, который европейцу может показаться неожиданным. Трудно, например, представить себе такое газетное сообщение: «Сегодня во дворце культуры состоится выступление ленинградского аккордеониста Бориса Петровича». Удивление читателей, вызванное подобным сообщением, будет вполне понятным: здесь отсутствует главный компонент — фамилия. У нас принята трехступенчатая система имен — фамилия, имя, отчество. Известно, что в России фамилии появились в XVI веке. Мы настолько к этому привыкли, что иную структуру трудно себе представляем. При знакомстве с тамилом вы можете услышать:

— Меня зовут Шанмуга Сундарам.

— А как ваша фамилия?— спросите вы.

— У нас нет фамилий.

— Разве Сундарам — не фамилия?

— Нет, нет,— заверит он вас.— Сундарам — мое имя, точнее Шанмугасундарам, и оно состоит из двух имен. Я пишу их вместе или отдельно. Мое полное имя обычно пишется так: В. Шанмуга Сундарам или Вадивелю Шанмуга Сундарам. Вадивелю — имя моего отца.

— Значит, ваше отчество — Вадивелю?

— Нет, Вадивелю — имя отца. Отчества у нас не приняты.

Наш знакомый прав. У тамиллов не приняты ни фамилии, ни отчества. Можно привести другие трехступенчатые тамильские имена, например Арумуга Чоккалингам Пиллей, или даже четырехступенчатое — Вараханери Венката Субраманья Айяр, и в каждом из приведенных

имен мы тщетно будем искать привычные нам фамилии или отчество их носителей. Конечно, это вовсе не значит, что тамилы не знают своих отцов, не помнят своего рода-племени. Все дело здесь в тех или иных вековых обычаях, привычках и представлениях, очень прочных и устойчивых, нередко находящихся под воздействием индуизма.

Изучением имен индусов вообще, а тамиллов в особенности, занимаются как историки, лингвисты, этнографы, так и литературоведы. Не менее интересно и полезно знать об этом и неспециалистам: ведь сфера общения с жителями Индии у нас год от года расширяется.

В 1964 году «Вечерняя Москва»¹² сообщала, что в столице СССР проживает не менее 90 тысяч Ивановых, 78 тысяч Кузнецовых, 30 тысяч Волковых, Соколовых и Гусевых. Любопытно то, что среди 90 тысяч Ивановых насчитывалась тысяча Иванов Ивановичей Ивановых! И это в одной только столице.

В Тамилнаде с его почти пятидесятиmillionным населением трудно встретить двух людей с одинаковыми именами, как, впрочем, и вообще в Индии. Достаточно просмотреть адресные книги Мадраса за несколько лет, чтобы убедиться в том, что людей с тождественными именами встретить не так-то просто, хотя отдельные компоненты имен встречаются, естественно, у многих (специалисты по изучению имен собственных — ономатологи — еще довольно слабо изучили этот вопрос применительно к народам Индии). Здесь имеются свои сложности, связанные с определенными запретами, накладываемыми индуизмом на круг проблем, связанных с именами собственными. Не будем вдаваться в историю ономастики и пытаться решать сложные вопросы этого раздела языкознания. Попробуем лишь объяснить, почему у тамила Шанмугасундарама нет и не может быть фамилии и отчества.

Общепризнано, что имя служит функции различения. В этом смысле сложившийся исторически механизм системы присвоения имен собственных в Индии действует до сих пор и почти исключает повторяемость и полное совпадение имен. Учтено здесь и требование социально-различительной функции, когда один из трех компонентов имени служит показателем принадлежности к касте или подкасте, к религиозно-общинной ячейке общества —

¹² «Вечерняя Москва», 13.V.1964.

молетами древнейшее средство сообщения — катамаран.

Слово «пария» тоже живет во многих языках мира. По-тамильски оно звучит как *парэйян* и значит «человек, принадлежащий к низкой касте». Родственное этому слову — *парэй* («барабан», а также «заявлять во всеулышание, объявлять»).

Члены касты парэйян с давних времен занимались тем, что провозглашали указы, законы, вердикты, распоряжения, новости и т. п. Для этой цели они использовали громко звучащий барабан *парэймелам*. Стоя на возвышении и ударяя в определенной последовательности по инструменту, глашатай делал нужные объявления. Церемония провозглашения была детально разработана. Социальное положение парэйянов регламентировалось определенным моральным кодексом; их семьи жили отдельной общиной, и по своему положению они стояли на самой низшей ступени общества, что и определило известное к ним отношение. Представители других каст, подвергавшиеся по каким-либо причинам остракизму, были потенциальными кандидатами в ряды тех, кто попадал под определение «париев», вошедшее в западную литературу. Они могли стать неприкасаемыми, отверженными, изгоями общества. Парии вынуждены были селиться отдельно от других каст, им позволялось выполнять только самую черную работу. Фактически эти десятки тысяч людей, лишенные всяких прав, стояли вне закона. Тамильскому «парэйян» соответствует слово *ачхут* («неприкасаемый») в языках индоарийской группы. Тем, кто случайно задел неприкасаемого, индуизм предписывает выполнение определенных очистительных ритуалов. Вход в храмы неприкасаемым (в последние годы их стали называть *хариджанами*, то есть «божьими людьми») строго запрещался.

Значительно изменилось положение хариджан с достижением Индией независимости. Конституция страны уравнила членов всех каст в гражданских правах. Особое внимание было уделено бывшим неприкасаемым. В законодательном порядке представителям этой общины ежегодно выделяется определенное число мест в колледжах, университетах, они получают государственные стипендии, а по окончании учебы им гарантируется служба в учреждениях, работа на фабриках, заводах либо в сельском хозяйстве. Кроме того, им выделяют льготные займы, участки земли, оказывают помощь в постройке жилищ.

Однако самым трудным в вопросе о хариджанах, пожалуй, является психологический барьер. Очень точно наблюдение народного художника СССР, лауреата премии имени Джавахарлала Неру С. А. Чуйкова. В своей книге «Образы Индии» он писал: «Снова и снова мысль возвращается к судьбе „неприкасаемых“. Какая невероятная, загадочная и мрачная, трагическая судьба многомиллионной массы людей труда, тысячелетия живших в атмосфере презрения и отчужденности... Невозможно без содрогания думать о судьбе этих обездоленных, ни в чем не повинных людей, обреченных быть отверженными и презираемыми... В быту, в сознании людей, в привычках и обычаях кастовое деление и нетерпимость еще ох как сильны!..»¹¹.

Трудности, стоящие на пути решения этой проблемы, реакционные силы нередко используют в своих целях, способствуя тем самым межобщинным распрям и столкновениям, жертвами которых нередко становятся десятки тех, на ком все еще лежит невидимая, но страшная печать отверженных. Поистине восхищения заслуживают прогрессивные деятели страны, неуклонно, день за днем ведущие труднейшую работу по вовлечению вчерашних отверженных в активную жизнь общества. Коммунисты, прогрессивная молодежь, студенчество Тамилнада, как и всей Индии, на митингах и собраниях постоянно выступают в защиту таких членов общества, часто пишут об этом в прессе.

Без сомнения, устремленная в будущее свободная Индия окончательно решит и этот сложный вопрос, деление людей на касты перестанет существовать, как в свое время ушел в прошлое *сати* — страшный обычай саможжения вдов. То же произойдет и со словом «пария» — оно станет анахронизмом.

¹¹ С. Чуйков. Образы Индии. М., 1976. с. 225.

Народ без фамилий и отчеств

От хорошего человека остается имя,
от дурного — ржавчина.

Поговорка

Много любопытных поверий и примет связано у тамиллов с именами и их выбором, который европейцу может показаться неожиданным. Трудно, например, представить себе такое газетное сообщение: «Сегодня во дворце культуры состоится выступление ленинградского аккордеониста Бориса Петровича». Удивление читателей, вызванное подобным сообщением, будет вполне понятным: здесь отсутствует главный компонент — фамилия. У нас принята трехступенчатая система имен — фамилия, имя, отчество. Известно, что в России фамилии появились в XVI веке. Мы настолько к этому привыкли, что иную структуру трудно себе представляем. При знакомстве с тамилом вы можете услышать:

— Меня зовут Шанмуга Сундарам.

— А как ваша фамилия? — спросите вы.

— У нас нет фамилий.

— Разве Сундарам — не фамилия?

— Нет, нет, — заверит он вас. — Сундарам — мое имя, точнее Шанмугасундарам, и оно состоит из двух имен. Я пишу их вместе или отдельно. Мое полное имя обычно пишется так: В. Шанмуга Сундарам или Вадивелю Шанмуга Сундарам. Вадивелю — имя моего отца.

— Значит, ваше отчество — Вадивелю?

— Нет, Вадивелю — имя отца. Отчества у нас не приняты.

Наш знакомый прав. У тамиллов не приняты ни фамилии, ни отчества. Можно привести другие трехступенчатые тамильские имена, например Арумуга Чоккалингам Пиллей, или даже четырехступенчатое — Вараханери Венката Субраманья Айяр, и в каждом из приведенных

имен мы тщетно будем искать привычные нам фамилии или отчество их носителей. Конечно, это вовсе не значит, что тамилы не знают своих отцов, не помнят своего рода-племени. Все дело здесь в тех или иных вековых обычаях, привычках и представлениях, очень прочных и устойчивых, нередко находящихся под воздействием индуизма.

Изучением имен индусов вообще, а тамиллов в особенности, занимаются как историки, лингвисты, этнографы, так и литературоведы. Не менее интересно и полезно знать об этом и неспециалистам: ведь сфера общения с жителями Индии у нас год от года расширяется.

В 1964 году «Вечерняя Москва»¹² сообщала, что в столице СССР проживает не менее 90 тысяч Ивановых, 78 тысяч Кузнецовых, 30 тысяч Волковых, Соколовых и Гусевых. Любопытно то, что среди 90 тысяч Ивановых насчитывалась тысяча Иванов Ивановичей Ивановых! И это в одной только столице.

В Тамилнаде с его почти пятидесятиmillionным населением трудно встретить двух людей с одинаковыми именами, как, впрочем, и вообще в Индии. Достаточно просмотреть адресные книги Мадраса за несколько лет, чтобы убедиться в том, что людей с тождественными именами встретить не так-то просто, хотя отдельные компоненты имен встречаются, естественно, у многих (специалисты по изучению имен собственных — ономатологи — еще довольно слабо изучили этот вопрос применительно к народам Индии). Здесь имеются свои сложности, связанные с определенными запретами, накладываемыми индуизмом на круг проблем, связанных с именами собственными. Не будем вдаваться в историю ономастики и пытаться решать сложные вопросы этого раздела языкознания. Попробуем лишь объяснить, почему у тамила Шанмугасундарама нет и не может быть фамилии и отчества.

Общепризнано, что имя служит функции различения. В этом смысле сложившийся исторически механизм системы присвоения имен собственных в Индии действует до сих пор и почти исключает повторяемость и полное совпадение имен. Учтено здесь и требование социально-различительной функции, когда один из трех компонентов имени служит показателем принадлежности к касте или подкасте, к религиозно-общинной ячейке общества —

¹² «Вечерняя Москва», 13.V.1964.

индуизму, христианству и т. д. Имя всегда служило социальным знаком его носителя. Индуизм, как и любая другая религия, кодифицировал древнюю систему присвоения имен своим последователям, обставив ее множеством обрядов, церемоний, запретов и поверий. Имена различаются и по признаку приверженности к разным течениям индуизма — шиваизму и вишнуизму.

Из глубины веков доносит до нас тамильская литература упоминания имен героев и авторов поэм и стихотворений. 15—18 веков назад у тамилы бытовали такие, например, имена, как Аувайяр, Кабилар, Наккирар; были также прозвища, впоследствии ставшие именами собственными. Так, имя прославленного барда Сембулы Пейанирара — не что иное, как строка из стихотворения: «Написавший о соединении дождя и земли». Имя поэтессы Велливидийяр представляет собой псевдоним и звучит: «Та, которая живет на Серебряной улице». Выходец из Ераккаттурской области поэт Тайям Каннанар присоединил к своему имени географическое название Ераккаттур, чтобы подчеркнуть свое происхождение. Поэт Сундарамурти, живший в IX веке, добавляет к своему имени слово «Свами» (буквально «господин, наставник»), дабы напомнить окружающим, что он — выходец из брахманской касты. Прославленный еще при жизни поэт Маниккавасахар (IX—X вв.) получил пышный титул, ставший его именем: «Изрекающий рубиновые слова».

Многие имена древних тамилы представляли собой клички или прозвища, возникшие на основе тех или иных особенностей во внешнем облике человека: например, Перунталэй Саттанар — это «Саттанар с большой головой» и т. д. Сложившаяся система имен у тамилы оказалась весьма живучей и дошла до наших дней в малоизмененном виде.

Выбор имени новорожденного в Тамилнаде зависит не только от принадлежности к касте и от округа, в котором он родился. В деревнях, например, нередко внук носит имя дедушки, а внучка становится наследницей имени бабушки. Если младенец родился в день праздника какого-либо бога, то можно с уверенностью сказать, что ребенок будет носить имя этого бога или богини. Если вы встретили носительницу имени Лакшми, то почти безошибочно можно сказать, что она родилась в среду — день, считающийся благоприятным для всего, что находится под «опекой» богини богатства и счастья

Лакшми. Не случайно в Индии так много носительниц этого имени. И, напротив, в Тамилнаде Маннанькатту— имя довольно редкое (буквально «мизер, пустячок, ерунда»). Оно выбирается в тех случаях, когда родители по какой-либо причине не желают больше иметь детей.

Особо следует сказать об именах касты брахманов. В состав их имен входит часть, напоминающая фамилию. Это явление присуще *готре* (роду), насчитывающему до сотни и более членов. Хотя брахманы имеют свои кастовые имена (например, Айяры, Айянгары, Састри), но каждый род в пределах касты и подкаст называет себя еще одним именем, как правило, санскритизированным, — именем мифического родоначальника, который, как считается, был одним из *риши* — древнеиндийских мудрецов, например Найтраба Кашьяба. Полное имя представителя этой готры может звучать так: Найтраба Кашьяба Кайласа Айянгар, что значит: «Мужчина по имени Кайласа (Кайласа — священная гора в Гималаях, где якобы обитает бог Шива) из брахманской касты Айянгар, рода Найтраба Кашьяба». Число готр у брахманов не так уж велико.

Браки не должны совершаться в пределах одной готры. Спутника семейной жизни обычно подыскивают среди членов другой готры.

«Не давай имени ребенку до его рождения», — говорят тамилы, потому что у них принято выбирать имя после того, как факт рождения свершился. Это связано с тем, что здесь, как и всюду в Индии, широко практикуется выбор имени с помощью *джосияра* — астролога.

Часто замужня женщина перед родами стремится вернуться в дом родителей. За этим кроется не только естественное стремление дочери быть в столь ответственный момент поближе к матери, под кровом отчего дома, но и необходимость составить гороскоп на новорожденного у своего джосияра. Пользуясь картами звездного неба и таблицами, астролог принимает во внимание северную и восточную долготу, вычисляет географическое положение населенного пункта, место рождения ребенка. Зная точное время рождения (часы и минуты), день, число, месяц, время суток, год шестидесятигодичного цикла, знаки Зодиака и положение небесных светил в момент рождения, а также ряд других символов, джосияр устанавливает для младенца первый слог имени, затем все имя. Это может быть, предполо-

жим, Кришнан, потому что первый слог соответствует именно такому знаку Зодиака, или *риши* (всех знаков Зодиака двенадцать).

Если знак Зодиака в соответствии с таблицей указывает на слог, например, *ма*, тогда вероятными могут быть имена Махадеван («Великий бог»), Махалингам («Великий Лингам») или Мани. Если же на слог *ми*, тогда у девочки может быть имя, например, Мина. Предположим, таблица указывает на слог *ша*. В этом случае имя может быть Шанмуга («Сын бога Шивы»). Присоединяя к этому имени еще одно — Сундарам, получают имя Шанмугасундарам. Однако перед именем обязательно ставятся буквы, соответствующие начальным в названии городка или деревни, где он родился, и в имени отца. Так, если родным местом для него является, скажем, город Дарапурам, а отца зовут Вадивелу, то полное имя этого человека будет Дарапурам Вадивелу Шанмугасундарам, или Д. В. Шанмугасундарам.

Вообще из четырех дравидийских народов Южной Индии — тамилы, малаяли, каннада и телугу — только первые сохранили привилегию включать в состав своего имени в качестве компонента имя отца. Не случайно блестящий поэт Субраманья Баради воспел Тамилнад как «Страну Отцов», в то время как Индию он неизменно прославлял как Родину-Мать. Тонкий знаток родной культуры и народных традиций современный прозаик Д. Джеякантан писал: «Возьмем мое имя. Д — это сокращенное имя моего отца М. Дандапани Пиллея (*пиллей* — название подкасты земледельческой касты *веллалов* в Тамилнаде.—В. Ф.), в чьем имени, в свою очередь, М — имя его отца и, следовательно, моего дедушки Муругесам Пиллея. По традиции у тамилы в составе имени сына первым элементом обычно входит имя отца... У меня есть друг телугу Балламари Венкатесваралу. Я попросил его объяснить свое имя. Выяснилось, Балламари вовсе не является именем его отца. Знакомый малаяли по имени С. А. Балан тоже сказал, что в составе этого имени нет упоминания о его отце, ибо С может значить или название его родного места, или может обозначать род, семью; А — здесь имя дяди по материнской линии — Аччутхаменон. Так что ставить сокращенное имя отца перед собственным именем — традиция исключительно тамильская»¹³.

¹³ Д. Д ж е я к а н т а н. Размышления. Мадрас, 1982, с. 105—106 (на тамил. яз.).

В зависимости от касты третий компонент меняется и от воли родителей или астролога не зависит, он наследственный, как у нас фамилия. Так, у крестьян Тамилнада третий компонент — имя Каундар или Муттусами; у торговцев — Четтияр, у плотников — Асари, у сборщиков плодов — Надар и т. д.

Может показаться, что третий компонент имени тамиллов как раз и выполняет функцию фамилии. Однако это далеко не так. Хотя у тамиллов с древних времен он и играл роль социального знака, однако указывал на принадлежность к той или иной касте, социальный статус которой веками находился в очень жестких рамках.

Чрезвычайно симптоматично, что в течение последних трех-четырех десятилетий у тамиллов, как, впрочем, и у других народов Индии, система имен претерпевает ряд изменений.

От внимательного взгляда исследователя тамильской литературы не может ускользнуть такой загадочный, на первый взгляд, факт, как сокращение тамильских имен до двух компонентов. Что это? Может быть, мода?

Нет, это свидетельство огромных перемен, происходящих в современной Индии. Дело в том, что третий компонент имени исчез не совсем. Он продолжает жить, напоминая о том, что кастовая система еще далеко не изжита. Однако сдвиги есть, и немалые.

В последние десятилетия в печати и официальных документах, по радио и телевидению, во многих сферах жизни прогрессивные представители народа не упоминают третий компонент своего имени — знак принадлежности к касте. Происходит невиданный доселе в Индии процесс стирания социальной функции имени. Этот факт, бесспорно, свидетельствует о том, что третий компонент имени не мог и не может быть фамилией. Оставшихся компонентов вполне достаточно для выполнения именем различительной функции.

Приметой нового времени у тамиллов является и тот факт, что некоторые жители штата вместо имени оставляют только два инициала. Правда, это привилегия наиболее известных граждан штата — писателей, ученых и артистов. Тамильский ученый и писатель, ныне покойный Мунисами Варадараджан, например, известен в Индии и за ее пределами как доктор Му. Ва.

В послеколониальной Индии с именами подчас происходят удивительные вещи.

В Тамилнаде выступает популярная народная музы-

кально-драматическая труппа «Вилисей кужувинар». Ее душой и организатором стал сын батрака по имени С. М. Горький. Согласно гороскопу он должен был носить имя Пулиюран, но мальчик, увлекшись рассказами о Максиме Горьком, взял себе имя великого писателя. Теперь его все называют С. М. Горьким. Инициалы расшифровываются так: С — сокращенное название родного городка Сивагири, М — начальная буква имени его рано умершего отца Муккайдэвара.

Автору приходилось встречать в Мадрасе тамилы с именами Крупская, Зоя (в честь Зои Космодемьянской), Нина. Известная в Мадрасе врач, активный член индосоветского культурного общества носит имя Россия.

Как видим, С. М. Горький — вовсе не единственный тамил, носящий русское имя. В Мадрасе, например, живут два Ленина. Один из них — уважаемый всеми профессор М. Ленин Тангаппа, литератор. Он перевел на английский язык многие стихи тамильских авторов о В. И. Ленине, об Октябрьской революции, о дружбе между советским и индийским народами. Сочетание русского и тамильского имен не выглядит искусственным, ибо имя Ленина известно сотням миллионов индийцев с начала XX века. То, что Ленин Тангаппа (буквально «Золотой парень по имени Ленин») носит это имя — не только дань уважения имени великого вождя, но также свидетельство бытующего поверия, будто известное всему человечеству имя может защитить его носителя от трудностей жизни и уберечь от несправедного пути (*адхармы*).

Известно, что сотни тысяч жителей Тамилнада носят нетамильские имена. Обычно с принятием христианства или мусульманства тамилы выбирают себе имена, присущие представителям этих религий, например Джесудасан («Последователь Иисуса»).

Судьба имен у народов мира вообще поразительна. Нередко случается так, что некоторые из них, с виду, казалось бы, ничем не примечательные, становятся символами национальной гордости, произносятся с любовью и благоговением. Такими стали у нас имена героев Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Сусанина, Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. В Индии имена также часто имеют нарицательный смысл и отражают отношение народа к историческим лицам или явлениям. «При имени Хайдар Али даже плачущий малыш мгновенно умолкает», — обычно говорят та-

милы, вспоминая неукротимого мусульманского воителя, покорившего в свое время Юг Индии.

Нередко в наши дни в Тамилнаде писатели в качестве псевдонимов берут имена своих жен или матерей, а редакторы называют свои журналы именами дочерей или жен. Считается, что женское имя приносит счастье и удачу.

Основоположник короткого тамильского рассказа В. В. С. Айяр первые рассказы, опубликованные в 1915—1918 гг., подписывал женским именем Т. П. Лакшми Амаль. Только спустя несколько лет историки литературы с изумлением узнали, что псевдонимом В. В. С. Айяра было имя его жены.

Во всех приведенных случаях мы не найдем указания на существование у тамиллов фамилии. «У многих народов Востока вообще нет фамилий,—справедливо замечает советская исследовательница А. В. Суперанская,—и люди называют друг друга по именам, в состав которых, помимо личного, могут входить и прозвища, и характеристики человека, и определение „категории людей“, к которой данный человек принадлежит (мальчик, юноша, мужчина, старик, дядя, тетя, дедушка, мать, отец и т. д.), и название рода, из которого этот человек происходит, и имена его родственников (отца, матери, деда, бабушки, дочери или сына), и название местности, в которой он родился»¹⁴.

Следует заметить, что тамилы, как и все индийцы, при обращении к вышестоящим по положению и старшим родственникам избегают употреблять личные имена. Традиционный этикет запрещает жене обращаться к мужу по имени и на «ты». Во всех подобных случаях вместо имени пользуются словами «невестка», «деверь», «матушка», «свекор» и др., имеющимися на все случаи жизни. Их немало, и на первый взгляд они кажутся сложными. Сами тамилы легко овладевают этой премудростью с детства. Старшие могут называть младших по основному компоненту имени, причем оно имеет уменьшительные или ласкательные формы: например, Субраманию домашние могут звать просто Суббу. Бытуют ласкательные прозвища. Очень распространены обращения типа *тамби* («мальчик, малыш, милый»), *каннэ* («милый, милая») и др.

¹⁴ А. В. Суперанская. Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964, с. 3.

Младшие используют такие обращения, как *айя* («господин»), *амма* («матушка»), *свами* («господин»), *тирумати* («госпожа») и др. Широко используется тамилами английское слово «сэр», произносимое повсеместно как *сар*.

Обращаясь к мужу, жена говорит *маччан* (буквально «кузен»), *аттан* («лицо, старшее по положению и возрасту»). Младшие братья и сестры называют старшего *аннан* («старший брат»).

Забота о здоровье и благополучии малышей — огромная радость для семьи. Родители и близкие всеми силами стараются уберечь детишек от болезней и страданий, от «дурного глаза» и влияния «злых духов».

У тамиллов бытуют свои приметы и поверия в отношении имен. Случается, что ребенок получает уничижительное имя, например *Куппан* («Глупыш»), *Куппамаль* («Глупышка»), *Паккири* («Факир Нищенствующий»), *Пиччей* («Нищий») и т. д.

Такой обычай связан со стремлением родителей уберечь заболевших детей от смерти. Наивная вера в чудеса вынуждает отчаявшихся родителей давать богам обещание назвать ребенка одним из пренебрежительных имен, лишь бы боги оставили дитя в живых.

Случается иногда и так, что долгожданные сыновья после рождения умирают, а девочки выживают. По тамильским обычаям, в таких случаях вновь родившемуся и оставшемуся в живых мальчику дадут уничижительное имя *Мукканди* («Бродяжка с проткнутой ноздрей»). Чтобы уберечь этого малыша от напастей, ему непременно протыкают ноздрю.

В низших кастах чаще всего встречаются имена *Вэлейян* («Белый»), *Каруппан* («Черный»), *Паччей* («Зеленый»). Отголоски культа плодородия сказались в обыкновении давать новорожденным имена, так или иначе связанные с этим культом, а также с растительным миром.

До сих пор в Индии можно встретиться с большим количеством пережитков прошлого. Одни из них легко, другие с трудом, но все же уходят в небытие. Симптоматично, что даже в одной из наиболее консервативных сторон жизни общества — в сфере употребления имен собственных — заметны ощутимые сдвиги.

Судьба некоторых имен

Тамильская земля помнит не только существование на юге Индии трех дравидийских царств — Чолы, Черы и Пандьи, но и вторжение с севера армий мусульманских правителей, а также воинственных маратхов и приход англичан и французов. Титанические усилия делал народ, чтобы сохранить независимость от европейских пришельцев. Тамильский народ выдвинул своих национальных героев, подобных национальному герою Типу Султану из соседнего Карнатака, успешно противостоявших колонизаторам.

Имена великих людей подобны верстовым столбам на извилистой и полной неожиданных поворотов исторической дороге народов мира.

В Тамилнаде знают и чтут имя патриота Каттабоммы (1765—1799), получившего почетный титул героя — Вирапандия. В конце XVIII века, а точнее, в 1792 году, Ост-Индская компания активно вторгалась в глубь Тамилнада. Хорошо организованная и вооруженная армия английских наемников силой и хитростью брала города и деревни, продвигаясь на северо-запад Индостана. Многие крупные феодалы перешли на сторону англичан. Среди тех, кто не склонил головы перед пришельцами, был тридцатилетний Каттабомма, глава органа местного самоуправления на юго-восточном побережье страны (округ Тирунелвели). Каттабомма считал, что землей должны управлять только индийцы. Он дал клятву сражаться против пришельцев и призвал соседних феодалов поддержать его.

В жаркий летний день отряд англичан приближался к землям, которыми управлял Каттабомма. Наслышавшиеся о зажиточности тамошних крестьян, завоеватели предвкушали легкую победу, сытную пищу и золото.

Неожиданно отряд был атакован с обоих флангов. Он пытался оказать сопротивление, но несколько сотен индийских бойцов нанесли англичанам столь стремительный, неожиданный и блестяще организованный удар, что уцелевшие завоеватели рапортовали своему начальству о появлении некоего регулярного индийского войска. Каково же было удивление английских офицеров, когда они впоследствии узнали, что их отряд разбили простые крестьяне и ремесленники, во главе которых стоял мужественный Каттабомма. Врожденный ум, боль-

шие организаторские способности и личное мужество сделали его предводителем народного ополчения. Каттабомма предвидел неизбежное столкновение и сумел подготовиться к вооруженной схватке, выработать и осуществить тактический план. Шесть лет — с 1792 по 1798 год — шли упорные бои между англичанами и народным ополчением Каттабоммы.

Хорошо зная, что враг готовит решающий бой, Каттабомма собрал соотечественников и призвал их строить укрепления. В заключение своей страстной речи Каттабомма сказал:

— Как нельзя выпрямить хвост собаки, так не следует от белых ждать ничего доброго. Эти люди с далеких маленьких островов подобны земляному червю, который пытается подражать танцу нашей божественной кобры. Мои лазутчики донесли о силах врагов. Их много, они жадные и жестокие. Нас здесь немного, но помните: даже крохотный огонек безнаказанно не завернешь в широкие европейские одежды. За дело!

В короткий срок были возведены фортификационные укрепления. Как гласит предание, Каттабомма повелел возвести стены из камней, скрепляя их песчаным раствором, замешанным на соке кокосового ореха. Дни и ночи трудились крестьяне и ремесленники, запасаясь продовольствием, водой и оружием, укрепляя стены.

Настал день, когда английские войска во главе с майором Бенерманом приступили к осаде крепости. К удивлению горожан, они не предприняли атаки, а выслали парламентаров, которые в соответствии с насаждаемым завоевателями порядком потребовали, чтобы в знак признания владычества британской короны Каттабомма выслал причитающийся пришельцам *каппам* — своего рода дань новым правителям.

Каттабомма выслушал парламентаров и невозмутимо ответил:

— Небо дает нам воду. Мы обрабатываем землю, и она родит нам хлеб. Мы сами себя кормим и ничего ни у кого не просим. Почему же мы должны отдавать англичанам наше золото и зерно? Кто они, эти белые? Может, родители или братья, которым мы, по обычаю, обязаны помогать? Они никто нам. Если уж они дошли до такой нужды, что, подобно нищему, должны униженно молить о *каппам*, пусть приходят к городским воротам, но без оружия. Так и быть, я вынесу им подаяние.

Оскорбленные парламентары ушли, а вскоре орудия

англичан начали бешеный обстрел крепости. Храбро сражалась горстка мужественных ремесленников и крестьян из окрестных деревень, но силы были слишком неравными. С несколькими оставшимися в живых храбрецами Каттабомма отступил в глубь Тамилнада, лелея планы организации новых боевых отрядов.

Англичане обещали немалую сумму за Каттабомму. Народ всячески оберегал своего вожака и помогал ему. Но предатель все-таки нашелся. Нэкто по имени Еттаппан соблазнился деньгами пришельцев и выдал местопребывание Каттабоммы. Англичанам удалось схватить Каттабомму. Долгое время они пытались склонить вожака на свою сторону, но ничто не могло сломить воли гордого тамила. Английский губернатор велел повесить дерзкого и непокорного Каттабомму, а затем отрубить ему голову и выставить на стенах крепости.

— На землю наших отцов пришла белая обезьяна, но дни ее, я уверен, сочтены,— заявил перед казнью Каттабомма.

Он призвал соотечественников не уступать иноземцам ни пяди своей земли. Вблизи городка Еттаппурама, на перекрестке двух дорог, где был казнен Виранпандия Каттабомма, за десятилетия вырос рукотворный холм. Так как англичане не позволили поставить памятник герою, простой народ увековечил память о нем весьма своеобразно: каждый, кто проезжает или проходит мимо этого перекрестка, непременно оставляет на месте казни Каттабоммы принесенный с собой камешек. О Каттабомме звучат песни, о нем слагают стихи. Тамильский кинематограф запечатлел его образ на пленке — великолепно играет эту роль мастер национального кино Шиваджи Ганешан.

Что касается предателя Еттаппана, то вот уже много десятилетий, как его именем так и не был назван ни один сын тамила. Это имя умерло, став синонимом двурушника и предателя. Слово «еттаппан» звучит оскорбительно для тамила. И поныне тамильская пресса использует его для обозначения отступничества, вероломства и подлости.

Имена Каттабоммы и его братьев — Уммейтурейя и Севаттейя — до сих пор окружены ореолом славы и романтизма. Они стали символом вольнолюбия тамильского народа. Каттабомме сооружен величественный памятник.

ЧЕТЫРЕ СТУПЕНИ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Добродетельный образ жизни приносит всеобщее уважение и потому должен цениться выше, чем сама жизнь.

Тируккурал

Повсеместно в среде индусов распространено убеждение, что человек из «чистой» касты должен пройти четыре последовательные ступени жизни. В нынешние времена такое деление выглядит довольно архаично, но все же оно сохраняется в реальной жизни.

Наиболее наглядным примером служит жизнь брахмана. Согласно индуистским установкам, сын брахмана до пятилетнего (иногда — до восьмилетнего) возраста должен расти в семье, получая от родителей первые уроки нравственно-эстетического воспитания. По достижении указанного возраста проводится церемония под названием *упанаянам*, когда мальчику повязывают священный шнур «дваждырожденного». С того времени считается, что он ступил на жизненный путь, состоящий из четырех периодов — *ашрамов*.

Первая ступень теоретически выглядит так: юный ученик — *брахмачарин* должен переселиться в дом своего наставника для заучивания древних текстов и получения предписанных традицией знаний. Жизнь его должна идти размеренно и при полном воздержании от всяческих соблазнов. Этот первый этап жизни молодого человека продолжается десять-двенадцать лет. Получив нужные знания, он должен возвратиться в отчий дом. Наступает второй этап жизни: родственники подыскивают ему подходящую спутницу жизни, он женится и становится *грихастха* — «домохозяином», возлагает на себя бремя отцовских обязанностей и должен обеспечивать благополучие семьи. В преклонные годы, дождавшись внуков, он, согласно традиции, обязан пройти и третий этап, *ванапрастху*, то есть удалиться в леса вместе с женой с целью очищения от скверны мирской суеты и привязанности к преходящему. По прошествии ряда лет он ступает на путь *саньясина* — «одинокого стран-

ствующего аскета» и живет только тем, что ему подадут грихастха.

Примерно так выглядит эта довольно сложная система четырех ступеней жизни в индуистском обществе. Наибольшее значение индуизм придавал второму периоду, когда взрослый мужчина нес на себе всю тяжесть жизни и обязан был поддерживать существование тех, кто находился на трех прочих ступенях. Однако этим ступеням даже в более отдаленные времена едва ли следовали все. А. Бэшем считал, что «эта картина, конечно, отражает скорее идеальную схему, нежели действительность»¹⁵.

У тамилгов издавна сложилась довольно четкая система деления человеческой жизни на более дробные возрастные периоды в пределах названных ступеней. Любопытно, что каждый период жизни человека «привязан» к тому или иному божеству-покровителю. Хотя тамильская литература и упоминает о возрастных периодах жизни мужчин и женщин, но более цельное и наглядное представление о них, пожалуй, можно почерпнуть из скульптуры, канонизировавшей представления и о возрастных градациях человеческой жизни. Человек сотворил фигуры богов, воплотивших представление об идеале и гармонии *самсары* — круговорота земного существования людей. Индийская скульптура богата символикой.

По заведенной у тамилгов древней традиции считается, что дети с рождения и примерно до пятилетнего возраста находятся под незримым покровительством забавного, шаловливого и умного слоноголового божка (в Тамилнаде он известен под именем Пиллеяр, в Индии повсеместно он — Ганеш). Есть у него еще много других имен: Сумугар («Милое лицо»), Викнесвара (буквально «Устраняющий препятствия»), Экатандар («Обладающий одним бивнем») и т. д. — всего около двух десятков.

Изображения этого божка символом мудрости весьма популярны среди населения Индии. Внешне этот божок похож на животное (слоновья голова) и на человека (человеческое туловище). У Пиллеяра нет одного бивня — он потерял его, согласно мифу, в потасовке с неприятелем.

Вступив в школьный возраст, дети, согласно тради-

¹⁵ А. Бэшем. Чудо, которым была Индия. М., 1977, с. 171.

ции, переходят под покровительство бога Балана (он же Балакришнан), скульптуры и изображения которого у тамилдов тоже популярны. Считается, что Балан охраняет ребят до пятнадцатилетнего возраста (как известно, дети за этот период проходят интенсивный курс обучения). Девочкам с двенадцати до двадцати лет покровительствует богиня науки и искусства четырехрукая Сарасвати, почитаемая во всей Индии. Она изображается в скульптуре и рисунках в виде светлокожей четырехрукой красавицы, сидящей или стоящей на лотосе. В двух руках она держит вину, в третьей руке особое стило (по-тамильски *ежуттани*), которым выдавливают буквы на пальмовых листьях, в четвертой руке у нее находится обработанный для письма пальмовый лист *эду*. Один глаз Сарасвати символизирует букву, другой — число. Таким образом, богиня являет собой воплощение знаний.

Не забыла традиция и о такой ступени жизни, как ученичество. Тамилы уверяют, что брахмачарин символически представлен мифическим персонажем Хануманом, воинственным предводителем обезьян. Действительно, Хануман — холостяк, ведет аскетический образ жизни, никогда не обзаводится домом и хозяйством, сторонится слабого пола. Такая жизнь закалила его, сделала могучим и выносливым. Как известно, Хануман оказал немало услуг Раме — герою знаменитого эпического сказания «Рамаяна».

Весьма распространены скульптуры и изображения Муругана — так тамилы называют второго сына бога Шивы. Другие популярные имена Муругана (всего их более двадцати) — Сканда, Субраманиям и Кумаран. Именно Муругану вменено в обязанность покровительствовать тамильским юношам в возрасте от пятнадцати до двадцати четырех лет.

Муруган — символ юности. Он изображается рядом с павлином, на котором обычно ездит. С образом павлина поэтическая традиция связывает любовные танцы и игры. Муруган — шестиголовый и двенадцатирукий.

В руке у Муругана дротик — символ охотника и воина. Следовательно, он в состоянии защитить не только себя, но и семейно-родовой очаг и границы земель своей родины. Этот возраст в тамильском фольклоре и литературе называется еще и «петушиным».

Муруган женат. Видимо, это свидетельство того, что еще в далеком прошлом возраст от пятнадцати до двад-

цати четырех лет считался наиболее благоприятным для женитьбы. У него, рассказывают мифы, есть две жены — Валли и Дэваяней. Видно, в прошлые века у тамиллов не считалось зазорным иметь две жены. Впрочем, двоеженство встречается здесь и в наши дни.

Мужчине в возрасте от двадцати четырех до шестидесяти лет, то есть тогда, когда он является главой семьи (*грихастха*), покровительствует Каннан — так тамилы называют бога Вишну. В эти годы человек наиболее плодотворно трудится, поэтому данному возрасту отводится исключительно важное значение. Обилие упоминаний имени Каннан в поэзии, песнях, рассказах и повестях говорит о необычайной популярности этого божества и о том значении, которое придавалось и придается положению домохозяина в индуистском обществе.

Смуглое божество Каннан женат на прелестной богине счастья и благополучия Лакшми — вот почему его мужественное лицо всегда озарено блаженной улыбкой. Божество возлежит на гигантской змее или стоит на лотосе. Покровительствуя главам семей, Каннан как бы постоянно напоминает им об основных моральных установках, которым должен следовать грихастха. При этом глава семьи должен избегать, во-первых, употребления *сараям* — спиртных напитков (ему запрещается даже думать о них). Сама мысль о сараям греховна и недостойна высокого положения грихастхи. Во-вторых, глава семьи должен умерять в себе желание иметь многих женщин и, в-третьих, не должен стремиться к обогащению. Всякое отклонение от правил, говорят индуистские догмы, неизбежно приводит грихастху к физической и духовной деградации.

Тамилы уверяют, что супруга Каннана Лакшми покровительствует замужним женщинам с двадцатилетнего возраста и до преклонных лет. Ее имя и высокие достоинства много веков вдохновляют поэтов, танцоров и певцов. Индуистская традиция Южной Индии канонизировала восемь ипостасей богини Лакшми, представляющих собой восемь идеальных качеств супруги грихастхи. Каждый атрибут, присущий Лакшми, отражает чисто земные устремления торговцев, ремесленников, земледельцев. Так, одно из имен Лакшми — Даналакшми («Дарующая») — говорит о том, что высокое положение жены грихастхи обязывает ее неустанно заботиться о приумножении благосостояния семьи, чтобы иметь возможность одаривать брахманов и аскетов. О попу-

лярности Лакшми среди земледельцев говорит тот факт, что другое ее имя — Тания («Богиня хлеба и зерна»). Известна Лакшми и под именами Паккиялакшми («Та, которая всю жизнь дарит счастье»), Виралакшми («Все-ляющая отвагу»), Карахалакшми («Хранительница очага»), Кантаналакшми («Дарующая детей») и, наконец, Витьялакшми («Дарующая знания»). Тамилы уверяют, что Лакшми обычно посещает дом новобрачных. Поэтому стены жилищ люди украшают литографиями с изображением этой богини, а в храме поклоняются ее скульптуре.

Обычно в одной из четырех рук Лакшми держит плод священного дерева тулси, в другой — цветок лотоса. Как рассказывают мифы, Лакшми родилась из цветка лотоса — этим подчеркивается ее важность для культа плодородия.

Индийский ученый П. С. Субраманиям в книге, посвященной тамильской культуре, пишет: «Горечь жизни, неустроенность людей преклонного возраста вынуждают их покидать родные места и искать утешения в далеких скитах»¹⁶. Отчаявшись, старики снимаются с насиженных мест и уходят искать утешение в лесной тиши.

Исход стариков обусловлен, согласно литературным памятникам и современной художественной литературе тамиллов, не столько религиозным рвением, сколько экономическими причинами. Стареющие люди, чаще всего лишенные пенсионного обеспечения, становятся в тягость семье. Остро чувствуя горькое одиночество и свою ненужность, они сами заводят разговор об уходе в многолетнее паломничество по святым местам. Дети пытаются отговаривать их, но в конечном счете, повздыхав и поплавав, вынуждены прощаться с родителями, которые покидают родные места, нередко навсегда, ища покровительства и защиты у бога Шивы и его супруги Сивахамы (Парвати). Такой исход называют *ванапрастха*.

П. С. Субраманиям отмечает, что в среднем из каждых ста старых женщин девяносто стремятся покинуть дом в надежде найти исцеление от недугов. Бывает и так, продолжает индийский ученый, что муж берет в дом вторую жену. «Отодвинутая на задний план состарившаяся первая жена, чувствуя, что выключена из жизни, накладывает на себя руки либо уходит в лесной скит,

¹⁶ П. С. Субраманиям. Тайна дравидийской скульптуры. Танжавур, 1963, с. 270 (на тамил. яз.).

отрекаясь от мирской жизни, которая столь жестоко обошлась с нею. Дети обычно остаются с отцом...»¹⁷.

Следует сказать, что институт ванапрастха постепенно приходит в упадок под натиском новых времен. Заметно поубавилось в Индии и бродячих аскетов. Зато вместо них все чаще встречаются здесь молодые люди из стран Запада, ведущие бродячий образ жизни. Они часто организуются в небольшие группы и пытаются подражать индийским аскетам, не вникая ни в суть индуизма, ни в его религиозные догмы. На этот путь их толкает или глубокое разочарование в морально-этических принципах «свободного» мира, или задание органов разведки. Но это уже другая тема.

По древним путям

Все, кому довелось жить в Индии, не могли не обратить внимание на то, что в определенных местах страны регулярны огромные стечения народа. Среди этих людей не только местные жители. В основном люди прибывают из далеких мест с целью совершить *ятру*, или *яттирей* — паломничество по святым местам.

Ятра весьма широко распространена в Индии. С давних времен сотни тысяч жителей этой страны тянулись к местам, освященным непререкаемым авторитетом миллионоустой молвы. В наше время паломники добираются до святых мест самолетом, поездом или приезжают на автомобиле, а чаще всего едут в повозках или идут пешком — мужчины и женщины, старики и дети. Иногда они совершают путь в тысячи километров.

Малоисследованная проблема, связанная с паломничеством, постепенно привлекает все большее внимание ученых разных стран мира. Советский исследователь Я. В. Васильков, например, рассматривает паломничество в Индии как «культурно-общественный институт»¹⁸, нашедший свое яркое отражение еще в «Махабхарате». В ее дидактических текстах говорится о многих паломничествах братьев Пандавов во время двенадцатилетнего изгнания; о сорокадвухдневном паломничестве¹⁹ к святым местам удрученного Кришны после провала мирных переговоров, поставившего страну на грань брато-

¹⁷ Там же, с. 277.

¹⁸ «Литературы Индии». М., 1979, с. 4.

¹⁹ Там же.

убийственной войны между Пандавами и Кауравами.

Индийские тексты изобилуют рассказами о пилигримах. Целый ряд важных факторов культурного и социально-экономического характера сопутствовал становлению института паломников. Старинные пути пилигримов являлись также «основными торговыми артериями»²⁰ страны, что было весьма важно для развития экономики разных регионов Индии. По пути к святым местам к паломникам присоединялись певцы, сказители, музыканты и танцоры из разных уголков страны, что создавало предпосылки для «культурного обмена». Они исполняли сказания, сочиняли и доносили до сотен слушателей новые повествования. По существу, певцы и сказители были своего рода пропагандистами и носителями культурных и религиозных традиций многочисленных народов Индии. Певцы и барды «помогали паломникам заполнить досуг во время вынужденных перерывов в путешествии...»²¹.

Не меньшей популярностью пользовалось паломничество на Юге Индии и в средние века, в период существования Виджаянагарской империи. Дошедшие до нас медные таблички с надписями пестрят упоминаниями святынь Южной Индии, куда приносились богатые дары. Это были города Канчи, Чидамбарам, Кумбаконам, Тируванандапурам (Тривандрам), остров Рамешварам и другие вишнуитские и шиваитские святыне места. В пути пилигримы останавливались, как указывает известный индийский историк К. А. Нилаканта Шастри, в особых домах, где им предлагалась еда, вода и молоко.

«Они трогались в путь обычно на рассвете. Когда жара становилась нестерпимой, они разбивали временный лагерь в тенистых рощах, у водоемов со свежей водой или под раскидистым баньяном»²².

Тяга к паломничеству не ослабела в Индии и в наши дни.

На первый взгляд может показаться странным, что десятки тысяч людей вдруг в одно и то же время оставляют насиженные места, большие и малые заботы, семьи и друзей и отправляются в края, подчас вовсе не близкие. Более пристальное знакомство с причинно-следственными связями паломничества позволяет выявить опре-

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 10.

²² К. А. Nilakanta Sastri. *Development of Religion in South India*. Madras, 1963, с. 132—133.

деленные начала, кроющиеся в этом достаточно устойчивом феномене. «Маршрутный лист» и предписание паломники получают у джосияра. Чаще всего кандидатами в паломники становятся больные, страдающие различными недугами, или старики.

По совету астролога одни собираются в дальнейшее путешествие в святейший город Варанаси, на берега Ганга, другие устремляются к овечьей легендами реке Кавери, третьи совершают ритуалы на берегу деревенского пруда или местной реки, в том месте, где установлено, скажем, изображение змеи. Заметим, что астролог в каждом конкретном случае подходит к своим клиентам строго индивидуально. Сделать это ему не так уж трудно, так как он обычно знает своих «подопечных» на протяжении многих лет. Направляя паломников в те или иные места, астролог снабжает их подробной инструкцией о том, какие обряды, где, когда и как следует выполнять.

Регулярное посещение паломниками местных священных уголков — своего рода «малый яттирей». Есть места паломничества, пользующиеся общенациональной известностью, посетить которые считает своим долгом каждый верующий индус. Туда устремляются десятки тысяч людей — это и есть «большой яттирей».

Издавна самым «святым» местом в Индии считается город Варанаси, переименованный в свое время англичанами в Бенарес. После достижения Индией независимости древнему городу возвращено его исконное имя.

Тысячи паломников отправляются в путь к святыням в день и час, объявленный астрологом. По традиции перед дорогой пилигримы полизают голову храмового слона соком кокосового ореха, принося тем самым жертву богам. Впереди их ждут трудности — долгий путь, разлука с семьей и непредвиденные обстоятельства. Тамильские паломники, собираясь в Варанаси, сначала посещают мыс Коморин. Там, в храме, они берут воду из освященного колодца и горсть земли, чтобы бросить ее потом в воды Ганга. Многовековая практика паломничества вызвала к жизни появление ночлежных домов, закусовых, базаров. Небезынтересно отметить, что на своем многодневном пути странники следуют точным указаниям, зафиксированным в древних пуранах. Эти советы касаются многих сторон жизни пилигрима. Они предписывают, как вести себя в пути, что есть, где, под какими деревьями спать, в каких водоемах совершать омовения, из каких источников пить воду, какие

обряды совершать, какие делать переходы, с кем отправляться в путь. Так, например, страдающая бесплодием женщина должна отправляться в паломничество вместе с мужем.

Однако в Индии существует еще один ритуал, которому следуют не только паломники. В Индии он известен с древнейших времен и, возможно, принесен сюда арьями, поклонявшимися Солнцу. Древние индийские трактаты подчеркивают значение Солнца и отводят светилу первостепенную роль в жизни человека, утверждая, что оно излучает энергию семи видов, символически представленную в виде семи коней. Эта сила, говорят знатоки индуизма, жизненно важна для людей, животных и растений. Вот почему истинный индус должен совершать по утрам *сурья намаскарам*, то есть поклонение восходящему Солнцу.

Считается, что рано утром Солнце, посылая на землю мягкие лучи, еще не набрало «сил». В этот благодатный час зарождающегося нового дня лучи Солнца можно, с точки зрения их силы и нужности, сравнить, пожалуй, лишь с молоком животного, кормящего новорожденного детеныша. Как молоко коровы «грубеет» по мере того, как теленок вырастает, так и поток энергии, излучаемой Солнцем в течение дня, постепенно становится все более сильным. Индуизм давно зафиксировал время суток, когда атмосфера и солнечное излучение наиболее благоприятны для всего живого на земле. Раннее утро и предзакатные часы — вот время, которое считается самым лучшим для человека с точки зрения здоровья и гармонии сил в организме. Поэтому *сурья намаскарам* принято совершать по утрам.

Традиция гласит, что простирающийся в немом восторге перед светилом человек обретает особую благодать, потому что свет обычно ассоциируется со знаниями. В конечном счете, утверждают приверженцы индуизма, *сурья намаскарам* — это преклонение перед знанием, освещающим многотрудную дорогу жизни человека. Что касается медиков, то они утверждают, что в эти минуты организм ежедневно получает необходимую дозу солнечной энергии. Поклоняющиеся Солнцу лежат распростертыми перед светилом, показывая таким образом полную покорность источнику всего живого на земле. Затем, поднявшись, они складывают ладони вместе и касаются ими лба и груди — совершается *намаскарам*, традиционный индийский жест приветствия. Такая мане-

ра здороваться возникла у индусов давно и основана на их вере в душу, которая питается животворным солнечным теплом.

Не следует думать, будто паломничество — дело легкое. На практике это далеко не так. Оно требует огромных материальных затрат, физического и нравственного напряжения. Десятки тысяч передвигающихся (идуших и едущих) паломников в сущности предоставлены сами себе, они лишены всякой помощи и защиты. Те небольшие отряды полиции и армии, которые время от времени выделяет правительство, явно не в состоянии обеспечить безопасность путников. Из-за огромного скопления людей на небольших пространствах в десятки раз повышается вероятность эпидемий. Многие европейские авторы отмечали значительные трудности, на которые обрекают себя паломники.

Так, чехословацкий индолог Милослав Краса, описывая религиозное паломничество на Кумбхамелу (место, расположенное неподалеку от города Аллахабада), сообщал: «Верующие живут тут целый месяц, однако некоторые дни (при определенном положении планет) считаются особенно благоприятными для общего омовения. В эти дни стечение народа просто невообразимо и превышает ограниченные возможности пространства. В 1954 году, например, число паломников Тривенисангама достигло шести миллионов, и, когда где-то в толпе началась паника, было затоптано и раздавлено около 300 человек... Я был в числе двух миллионов участников первой после освобождения Индии Ардхкумбхамелы, и на меня она произвела неизгладимое впечатление. Я словно попал в другой мир и в другую эпоху. Троеугольное пространство между обеими реками (имеются в виду Ганг и Джамна.—В. Ф.) и окраинными районами города изменилось до неузнаваемости. На огромной площади выросли тысячи временных пристанищ, палаток современного типа, построек из бамбука, наподобие тех, в которых обитали в древности индийские жрецы. Над всем возвышался лес деревянных шестов с цветными обрядовыми флажками религиозных сект и групп. Специальные поезда ежедневно привозили новых паломников, а дороги в округе были уже забиты традиционными средствами транспорта — воловьими упряжками, легкими и быстрыми конскими повозками. Многие приходили просто пешком и располагались с семьями под открытым небом. Они шли на значительные материальные затра-

ты, преодолевали большие расстояния и с колоссальными трудностями, перенося лишения и страдания, добирались сюда. Некоторые должны были отправиться в путь за три-четыре месяца до начала празднеств»²³.

Проходит немало дней, прежде чем усталые люди ступают на улицы Варанаси, другого места паломничества, одного из древнейших городов мира, расположенного на берегах великого Ганга. Город окружен двумя притоками реки — Варуной и Аси. Отсюда и название города.

Цветущий Варанаси издавна славился как место паломничества. Город насчитывает две тысячи храмов. Предание гласит, будто некогда здесь жили все боги. Но однажды раджа, ослепленный гневом, выгнал из города богов. Шива, затосковав о прекрасном Варанаси, обратился за помощью к Брахме, и тот решил подвергнуть строптивного раджу испытанию. Приняв лик старого брахмана, он явился к радже и попросил его принести в жертву небесам сотню лошадей. Втайне Брахма полагал, что раджа не сможет сделать этого, так как обряд сопряжен с весьма сложными церемониями. Но раджа с успехом выполнил волю старца. *Гхаты*, крутые ступени, ведущие к Гангу, где якобы было проведено это жертвоприношение, считают одним из наиболее святых мест Варанаси.

Жизнь на гхатах начинается с рассветом. Сюда стекаются пилигримы со всех концов Индии для совершения омовения в водах Ганга.

Считается, что оно помогает избавиться от многих болезней. Естественно, если купание в так называемых «святых» водах иногда способствует выздоровлению, то неизбежно возникает вопрос: почему?

Индийские медики не делают из этого тайны. Они утверждают, что воды некоторых водоемов весьма целебны и богаты минеральными и органическими веществами. Купания в таких водоемах, как и грязевые ванны, способствуют исцелению — джосияр, предписывая больным посещение тех или иных мест, точно знает свойства, которыми они обладают. Вот почему в целебных свойствах воды нет ничего мистического или сверхъестественного.

Ганг занимает особое место в практической и духовной жизни индийцев. Для верующих обязательным пра-

²³ Боги, брахманы, люди. М., 1966, с. 257—259.

вилом считается совершить хотя бы раз в жизни ритуальное омовение в священных водах этой реки. Люди пьют эту воду, очищаясь от грехов, везут ее с собою в сосудах, чтобы поделиться с друзьями и близкими. Вода, взятая в «священных» местах Ганга, долгое время не портится, не «стареет», и этот факт вызывает благоговейное к ней отношение. Поразительная способность вод Ганга к самоочищению давно привлекает внимание индийских ученых, людей далеких от мистики и опирающихся на неопровержимую силу фактов и тщательно проверенных лабораторных анализов. В наши дни уже получены научные ответы на некоторые «загадки Ганга»²⁴.

Действительно, в центрах религиозного паломничества и поклонения индусов, в том числе и в шумном Варанаси, воды Ганга, хотя и сильно загрязнены стоками, обладают высокими бактерицидными свойствами и способностью к самоочищению, тайна которого еще до конца не разгадана. Существует предположение, что высокая устойчивость вод реки против заражения смертоносными бациллами (не на всем, правда, протяжении Ганга) обусловлена наличием множества ионов различных минералов и металлов (например, серебра), «облагораживающих» воду реки. По мнению ученых, эти взвеси очищают Ганг, убивая болезнетворные микробы и бактерии.

Кроме названных, в Индии есть немало других мест, куда устремляются паломники. Страдающие, например, нервными расстройствами могут исцелиться, прожив определенное время на севере страны, в предгорьях Гималаев. Лечению нервных расстройств здесь помогают благоприятные климатические условия, тишина, целебный воздух и живописнейшая природа.

Как тысячи других людей устремляются из городов к рекам и морям, чтобы подышать чистым воздухом, сменить обстановку, вырваться из примелькавшегося круга вещей и обстоятельств, так и верующие в храме бессознательно поддаются очарованию тишины, покоя и торжественности обстановки. Полумрак, необычная архитектура, простор, благодатная прохлада, тишина, нарушаемая только потрескиванием светильников, особые ароматические вещества, воскуриваемые здесь, негромкая музыка — все это успокаивает, снимает состояние подавленности.

²⁴ «Азия и Африка сегодня». 1979, № 2, с. 40.

ЭТА ВЕЧНАЯ РАДОСТЬ

Моя семья твоей не знала.
Твоя семья моей — нимало.
Но нам — судьбы иное слово:
Земля и влага дождевая,
Сливаемся мы, отдавая
Друг другу все, что есть благого.
Сембула Пейанирар

«Ребенок — никогда не приедающийся плод, так же как вода — напиток, никогда не вызывающий отвращения», — любят повторять тамилы. Поэтому все, что связано с томительно-радостным ожиданием младенца, исполнено для родителей и их близких особого значения.

Отзвенела шумная тамильская свадьба, разъехались многочисленные родственники, разобран свадебный навар — *пандал*, завершены окончательные подсчеты расходов, определена сумма долгов. Постепенно жизнь входит в свою обычную колею. Вздохнул свободнее отец: он выполнил одно из тридцати двух предписанных традицией благих деяний — выдал замуж девственницу-дочь.

Для молодой супружеской четы начался неизведанный этап совместной жизни. Утряслись страсти, кипевшие на семейно-родовом совете, где решался вопрос о том, жить ли молодым с родителями жениха либо перейти на положение отделившихся от традиционной «большой» патриархальной семьи. В любом случае решающим критерием становится семейный достаток. В последние десятилетия в Индии, особенно в городах, заметно возросла тенденция к отделению молодой семьи. Молодожены стремятся поскорее занять собственное жилье, для чего они арендуют или покупают квартиру, дом или часть дома с отдельным входом и желательно с небольшим клочком земли, где можно устроить цветник и крохотный огород. В этих случаях многое зависит от возможностей родителей и родственников. Не следует забывать, что стоимость жилья, осо-

бенно в крупных городах, постоянно растет, а проблема хронической безработицы в Индии продолжает оставаться нерешенной. Поэтому молодой супружеской чете приходится считаться с реальными материальными условиями и соизмерять свои желания с возможностями.

В подавляющем большинстве случаев молодая семья — в сельской местности или в крупных промышленных центрах — неизбежно вынуждена опираться на помощь и поддержку своей обширной родни, а в результате — каждый шаг молодых супругов находится на виду у десятков глаз, их успехи, ошибки и оплошности неизбежно вызывают оживленные толки и пересуды. Родственники, которые прямо или косвенно помогают, должны быть твердо уверены, что их усилия не останутся втуне. Это дает родственникам моральное право действовать довольно активно.

Механизм индусской общины устроен столь тонко, что если какой-либо род позволит одной из своих семей или члену семьи нежелательные отклонения от установленных норм поведения в повседневной жизни, то бдительная община непременно вмешается и окажет давление на весь род с целью устранения нестандартных ситуаций. Так что пока не столь уж часто можно встретить смельчаков, отваживающихся открыто бросать вызов неписаным правилам морали. Тем не менее современная молодежь все отчетливее обнаруживает тягу к освобождению от многочисленных запретов, вступающих в явное противоречие с быстро меняющейся действительностью.

В Тамилнаде существуют свои критерии оценки физической и духовной красоты мужчин и женщин. Традиционная мораль, например, настаивает на четырех качествах, так необходимых любой женщине: застенчивость, наивность, мягкосердечность и скромность. Главным качеством представительниц прекрасного пола в Индии считается верность, преданность мужу и семейному очагу. Тамильская литература выработала представление о *мангалияккари* — женщине, которая с достоинством носит эмблему замужества — *тали*. Присутствие такой женщины весьма желательно и благотворно на празднествах. Именно замужняя женщина придает всякому фестивалю и домашнему празднику приподнятость и торжественность, она излучает доброту и ласку, она — средоточие материнства. Присутствие же на народных гуляниях, свадьбах и прочих торжествах вдовы

абсолютно недопустимо. Ее удел — пребывать в сторонке, ей не пристало мозолить глаза людям и накликать своим видом беду на замужних женщин, у которых есть здравствующие мужья, дети, благопристойная семья и прекрасная репутация.

Едва ли следует полагать, будто абсолютное большинство тамилок — образец беспрекословного повиновения всем домостроевским установкам. Как и во всяком обществе, здесь соседствуют семейные драмы, счастье и горе, смех и слезы. Люди везде остаются людьми. У тамиллов также встречаются отклонения от норм семейно-нравственных отношений — не зря в языке народа издавна бытуют такие понятия, как *сакотан* (сын, зачатый до брака), *кундан* (сын замужней женщины, зачатый вне брака) и т. п. Хотя такие случаи редки, но они имеют место. Однако основные три желания всех индийских женщин — любой ценой выйти замуж, обладать имуществом и иметь детей.

Среди тамиллов встречаются сектантские или кастовые группы, придерживающиеся особых обычаев.

Приведем любопытный пример крошечной общины, совершенно уникальной и мало известной даже в самой Индии. В небольшой крепости городка Шривайкунди (дистрикт Тирунелвेलи) много веков обитает община — настоящая загадка для ученых. Называется она *коттэй витту пиллеймары*, то есть «пиллеймары из крепостных домов». Имена у пиллеймаров вполне тамильские, но они не считают себя потомками тамиллов. Пиллеймар — «человек из земледельческой касты». Однако сами пиллеймары давно забыли, когда занимались сельским хозяйством. Основные ритуалы и обычаи нескольких сот представителей пиллеймаров не имеют аналогов среди тамильских. Эти люди говорят по-тамильски, но не следуют тамильским обрядам, хотя индуизм для них является основной религией.

Самое удивительное в жизни пиллеймаров состоит в их стремлении к крайней изоляции от внешнего мира, особенно это касается женщин, которые из века в век проводят всю свою жизнь в крепости с высокими мощными стенами толщиной более трех с половиной метров. Крепость занимает площадь около пяти гектаров, оборудована четырьмя прочными воротами, да и те обычно на запоре. За главными воротами выстроена кирпичная стена — своего рода экран от нескромных взоров. Едва ли какой-нибудь мужчина городка рискнет про-

никнуть на территорию крепости, чтобы увидеть местную красавицу или попытаться увести ее с собой. Да и посторонних женщин обитатели крепости пускают к себе весьма неохотно. Пиллеймары с гордостью говорят, что за последнюю тысячу лет ни одна их женщина не покинула стен крепости.

Для тамиллов — людей довольно энергичных и предприимчивых — столь затворнический образ жизни не характерен. Пиллеймары объясняют такой необычный уклад жизни стремлением уберечь честь и добродетель своих женщин и рассказывают историю, воспринимаемую ими как быль.

Тысячу лет назад жили пиллеймары в Кашмире и занимали министерские и казначейские посты при дворах раджей. Тогда у них были другие манеры и носили они другие одежды, говорили на другом языке, да и уклад жизни был иной. Только они имели особую привилегию водружать корону на головы раджей. Были они столь прославленными знатоками тонкостей придворного этикета, что пригласил их к себе в блистательную столицу тамильского царства Пандья сам царь и просил остаться в качестве придворных. Они придали блеск и парадность двору Пандьев. Когда между династиями Пандьи и Тенавараяна вспыхнул конфликт из-за престола, пиллеймары вынуждены были бежать из Мадурая, спасая себя и своих жен от верной смерти. Они даже готовились к самому худшему — принести себя в жертву судьбе и совершить массовый уход в небытие. Но вступивший на престол новый царь Пандьев — Паракрима поклялся предоставить им убежище и подарил недалеко от Мадурая пять гектаров земли и триста небольших домов. Эту территорию их предки обнесли крепостными стенами. Так пиллеймары выжили и сберегли память о своих предках.

Жители городка Шривайкундам не вмешиваются в дела обитателей крепости, хотя поддерживают с ними экономические связи. Мужчины-пиллеймары служат клерками в близлежащих городах, они регулируют и направляют жизнь общины, а их женщины находятся в полной от них зависимости.

Когда северо-восточные ворота крепости со скрипом открываются, жители городка знают: всевышний забрал к себе еще одну женщину пиллеймаров. Даже мертвую они не позволяют обследовать ни врачам, ни полицейским. Никто чужой не смеет лицезреть ее ни живой, ни

мертвой. Ничего подобного в традиционных тамильских обрядах нет. Пиллеймары заворачивают покойницу семь раз в ткань — она бывает белой или пестрой (белый цвет саванных одеяний умершей свидетельствует о том, что покойница — вдова). Тела мертвых пиллеймары кремируют за пределами крепости.

С точки зрения жителей городка, затворнический образ жизни женщин у пиллеймаров доведен до абсурда. Здесь любят рассказывать об этом одну историю.

Однажды юная жительница крепости, обуреваемая любопытством, рискнула взобраться на высокую стену, чтобы хотя бы издали полюбоваться праздничным шествием в городке, но была за это жестоко наказана своей общиной — в назидание остальным обитателям крепости ее сожгли.

Сами пиллеймары с негодованием отвергают это: «Разве сможет женщина взобраться на эти высокие стены? Абсурд какой-то! Наши женщины слишком хорошо воспитаны, чтобы решиться на подобное безрассудство. Они не только не покидают крепость, даже из дома-то редко выходят!»

Действительно, это так. Когда мужчины отправляются по своим делам в городок, женщины идут друг к другу в гости. В крепости есть небольшой индуистский храм, но женщины его посещают очень редко. Женщины ведут хозяйство. Их учат грамоте, достаточной, чтобы они могли читать дешевые тамильские журналы. Для этого приглашают платных учительниц. О существовании кино или телевизора здесь не знают. Транзисторы да кипы журналов — вот и весь культурный реквизит местных женщин.

Весьма любопытны брачные обряды пиллеймаров. Венчание, как правило, совершается ровно в полночь. Никто не знает, когда и почему для этого светлого события была выбрана ночь. Муж переходит в дом тестя и живет там до тех пор, пока не выдадут замуж самую младшую сестру его жены, после чего тесть помогает старшей дочери обрести наконец собственное жилище, а дом отца наследует самая младшая дочь.

Браки обычно заключаются между членами общины, число которых не столь уж велико. Нередко случается, что какому-то молодому человеку невесты не достается. По обычаям пиллеймаров, он вынужден оставаться холостяком.

Для девушек из крепости замужество обязательно.

Если ей не достанется жених, тогда она становится второй женой мужа старшей сестры.

Может возникнуть вопрос: как обходятся женщины из крепости без медицинской помощи?

В экстренных случаях сюда привозят женщину-врача. Однажды у обитательницы крепости начался приступ аппендицита. На всю округу в то время был единственный хирург — и тот мужчина. Невероятный переполох вызвала в крепости перспектива визита чужого мужчины, а тем более для осмотра юной пациентки.

— Пока хирург добирался до крепости, болезнь, благодаря всевышнему, прошла сама собой. Вообще-то мы болеем редко, — с гордостью говорят пиллеймары.

Для поддержания экономических контактов с жителями городка в крепость допускается крайне ограниченное число слуг и женщин, а также престарелый жрец. Конфликты среди пиллеймаров улаживаются без посторонней помощи. В 1973 году в крепости по неизвестным причинам произошло убийство, но полиции не дали произвести расследование этого дела. После трагического случая крепость покинули несколько семей. Среди них оказался юноша, который должен был жениться на девушке, оставшейся в крепости. В результате ей пришлось выйти замуж за старого мужа своей старшей сестры.

Ушедшие пиллеймары довольно быстро адаптировались к новой жизни, хотя, как рассказывают, одна старая женщина, впервые увидевшая в городе автобусы, слонов и толпы людей, в ужасе закричала и потеряла сознание.

Много проблем ставит современная жизнь перед крохотной общиной. Как она разрешит их — покажет время.

Хотелось бы рассказать еще об одной общине в Тамилнаде; члены ее называют себя *надарами* (в старину их называли еще *саннарами*). С жизнью этих людей автору удалось поближе познакомиться в 1983 году. Община надаров весьма интересна как пример возвышения некогда забитой и отброшенной назад в своем развитии народности, насчитывающей сейчас около четырех миллионов человек. Еще совсем недавно, 70—80 лет назад, надары занимались производством *тодди* — пальмового вина, вели мелкую торговлю, обитая в основном в южных дистриктах штата. Профессии эти,

мягко говоря, не престижны. Социальный статус надаров регламентировался суровой традицией — они относились к самым низким кастам.

Местные жители рассказывают, что надарам, например, запрещалось приближаться к брахману на расстояние свыше тридцати шагов и двадцати шагов — к представителям других «высоких» каст. Строго соблюдалось и такое правило: надары должны были строить только одноэтажные жилища. В индуистские храмы доступ надарам возбранялся, и хотя они имели право устраивать свои общинные праздники, но при этом не смели проносить и провозить своих идолов по улицам, где жили представители «высоких» каст. В отдельных городах и селениях надаров женщины, по древней традиции, должны были ходить с обнаженной грудью.

Видимо, вековые притеснения со стороны «высоких» каст, униженное положение надаров способствовали тому, что в их среде вырабатывались сплоченность и коллективизм. Не случайно даже та часть надаров, которая порвала с индуизмом и приняла христианство, не отчуждается от своей общины, сохраняет присущие тамилам привычки.

В основном надары шиваиты, у них есть свои храмы, сооруженные в честь богини Марьямман. Их обычно возводили на окраинах городов и деревень, куда надаров вытесняли более «высокие» касты.

Но и в пределах их общины существовало и сохраняется до наших дней имущественное и социальное неравенство. Достаточно сказать, что община представлена пятью подкастами. Местные жители, перечисляя их, указывают, что последняя в их ряду — калла — это «подлые», «невежественные», то есть самые угнетенные в среде надаров люди.

Весьма любопытны предания и легенды, связанные с происхождением надаров. Одни рассказывают, что надары произошли от семерых сыновей богини Парвати (Баттиракали), супруги бога Шивы. Другие утверждают, что они ведут свое происхождение от семи сыновей, рожденных семью небожительницами от древнего бога Индры.

Согласно одной легенде, вскоре после появления на свет мальчиков легкомысленные красавицы-матери оставили их на земле и вернулись на небеса. Сердобольная богиня Баттиракали долго бранила ветреных небожительниц и взяла под свое покровительство сирот.

Шли годы, и когда ребята превратились в стройных юношей, произошло наводнение на реке Вайгей, омывавшей древнюю столицу тамиллов Мадурай. Над городом нависла беда, и тогда царь Пандья приказал всем мужчинам носить в корзинах землю к берегам реки для строительства дамбы. Но братья категорически отказались выполнять эту работу, ссылаясь на то, что не пристало им носить на головах грязные корзины, ибо судьбой им предначертано надевать лишь короны. Разъяренный царь приговорил строптивых братьев к смертной казни. Два старших брата были зарыты по шею в землю, и по ним прогнали слонов. Умирая, старший брат, к ужасу окружающих, воскликнул:

— Я все равно не прикоснусь к корзине с землей!

Второй брат поддержал его:

— Истинно так!

Перепуганный царь приказал освободить оставшихся в живых братьев, которые стали, согласно легенде, основателями пяти подкаст надаров.

Другая легенда гласит, что родоначальницей общины надаров была Ади, мать богини Мариямман. Именно Ади, считают надары, научила их взбираться на пальмы, подпирающие небо, и при этом не падать. Это Ади посвятила их в тайны выращивания кокосовых пальм, добывания сока из орехов, прекрасно утоляющего жажду, и показала, как готовить из него тодди. Это она раскрыла тайны съедобных пальмовых молодых побегов и обучила искусству плетения циновок, корзин и матов.

До сих пор пальма кормит надаров, она является сырьем при изготовлении нужных в хозяйстве поделок. Надар — владелец пальмовой рощи — обеспеченный и уважаемый человек. Сейчас около двадцати процентов членов общины надаров занято земледелием и выращиванием пальмовых рощ. Этот факт входит в противоречие с легендой, в которой говорится о презрительном отношении семерых братьев к земле. Видимо, мы имеем дело с подкастой надаров, занимавшейся когда-то земледелием.

За счет эксплуатации более «низких» каст своей общины с конца прошлого века стали возвышаться состоятельные члены общины — ростовщики и оптовые торговцы. Они приобрели кофейные плантации на Шри Ланке, каучуконосы в Малайзии, построили ряд сахарных заводов в Тамилнаде. В Мадурай богатые надары

постепенно прибрали к своим рукам оптовую и розничную торговлю, потеснив другие общины. Нынче торговцы из числа надаров прочно удерживают ключевые позиции в торговом бизнесе этого города и в прилегающих к нему дистриктах. Расторопные и деловые надары построили на паях сеть торговых баз в Тамилнаде, открыли сотни магазинов и лавок. В наши дни верхушка касты процветает, она способна значительно влиять на политико-экономическую жизнь штата. Этому способствует крепкая внутриобщинная дисциплина. В каждом населенном пункте, где проживают надары, имеется совет старейшин, который регламентирует жизнь представителей общины, защищает их интересы, разбирает споры и конфликты, наказывает провинившихся.

Так, за непочтительное отношение к девушке юноша может получить от 30 до 50 ударов сандалиями. За отказ выполнить распоряжение совета старейшин виновного или его семью подвергают крупному штрафу или остракизму, а это означает почти верную социальную смерть. Совет старейшин осуществляет также сбор определенной суммы денег с каждой семьи надаров. Образуется внушительный фонд, часть которого по тщательно разработанной системе пополняет главные фонды надаров в городах и дистриктах. Эти средства идут на ремонт и строительство водоемов и оросительной системы, развитие торговли, защиту и охрану жизненных интересов членов общины, их торговых и перевалочных баз. Советы старейшин внимательно следят, чтобы споры и конфликты, случающиеся между надарами, ни в коем случае не выходили за пределы общины.

У надаров есть своя ассоциация «Махаджана сангам» со штаб-квартирой в Мадураи. Ее отделения имеются практически во всех городах Тамилнада. Ассоциация располагает своими школами, учебными заведениями, содержащимися за ее счет. Она тратит ежегодно около 500 тысяч рупий на стипендии студентам, нередко посылает их учиться за рубеж.

— Наша сила — в сплоченности, — заявляют надары.

Они с гордостью вспоминают, что при поддержке общины ее видный деятель Камарадж Надар смог в 1954 году прийти к власти и стать главным министром штата Тамилнад и видной фигурой в Индийском национальном конгрессе (ИНК). В 1981 году, например, в законодательном собрании штата насчитывались 21 член из общины надаров и четыре члена парламента.

Престиж надаров, конечно, вырос. Среди них едва ли встретишь нищих, хотя немало семей этой общины живут на грани нищеты. Трудолюбие, энергия и расторопность — вот характерные черты надаров, социальный статус которых неизмеримо вырос после достижения Индией независимости.

Многие общетамильские обычаи и традиции сохраняются у надаров, хотя время внесло и в них известные коррективы. Надары стремятся дать образование своим детям, особенно дочерям. В наше время это престижно. Образованная девушка легче находит спутника жизни, хотя брак ее по-прежнему устраивается старшими. Смотрины и сватовство среди надаров проходят обычно в дни ежегодного праздника в честь богини Мариямман. Раньше, лет 50—60 назад, жених имел право требовать у родителей невесты определенное количество золота и денег. Этот обычай сохранился, но в довольно завуалированной форме.

Любопытно, что в отличие от других общин свадьба у надаров, как и раньше, проходит без помпезности и блеска, на нее не зовут священнослужителей. Процессия во главе с женихом проходит под свадебный пандал, жених повязывает невесте золотую цепочку с эмблемой замужества, после чего старшие произносят наставления, затем следует угощение гостей. Что касается свадебных расходов, то обе стороны принимают в этом равное участие, причем каждая заботится о своих гостях.

После свадьбы молодая семья экономически обособляется, готовит пищу отдельно, даже если живет вместе с родителями и родственниками. Надары стремятся приучить молодых жен быть экономными и бережливыми хозяйками, умело распоряжаться мужниным заработком. Некоторые жены надаров тоже работают — учителями, врачами, медсестрами.

Как мы видим, многое в тамильском обществе меняется, пусть медленно, но неуклонно.

Утолить жажду материнства

За понятием *путтиракамиям*, обозначающим «жажду иметь детей», кроется целая гамма человеческих чувств, присущих жителям Тамилнада. Будь то *балатанам* — обряд, сопровождающий фактическое вступление

в брак, или *карпнатанам*, совершаемый с целью вызвать зачатие,— все направлено на упорное достижение конечной цели — рождение ребенка.

Тщательно разработанная индуизмом обрядовая система, включающая в себя церемонии, связанные с зачатием, беременностью и родами, в почти неизменном виде сохранилась в основном в Южной Индии, в частности в Тамилнаде. Весь комплекс родильных обрядов направлен на достижение главного — появления на свет здорового ребенка, предпочтительно сына.

Следы активного вмешательства индуизма в семейно-интимную сторону жизни членов общин обнаруживаются достаточно четко. На дравидийском юге до сих пор почитается богиня Такканангу. Считается, что она вселяет в людей любовную страсть, толкает женщин в объятия мужчин и способствует деторождению.

Нередко женщины обращаются за помощью к разного рода знахарям, просят научить их искусству вызывать страсть у мужей. К этому женщин нередко вынуждают тревожные признаки бездетности, драматическим эхом отзывающиеся в сердцах супругов и вызывающие обеспокоенные перешептывания родителей, колкие взгляды недоброжелателей и пересуды кумушек. Более состоятельные и образованные слои населения в таких случаях предпочитают обращаться к врачам. Широким слоям населения — рабочим, сезонным сельскохозяйственным кули, крестьянам и ремесленникам — такая роскошь недоступна. Вот почему они прибегают к молитвам, заклинаниям, жертвоприношениям — ко всему тому, что, по их мнению, можно с успехом использовать для устранения зловещего недуга.

Любопытными представляются поверия, бытующие среди тамиллов в связи с бездетностью супругов. О них рассказывали автору этих строк жители Южной Индии.

Одно из наиболее распространенных в Тамилнаде поверий, связанных с бездетностью, заключается в вере в *нагасапам*. Среди разного рода проклятий нагасапам считается особым, ибо оно, как полагают, является следствием сознательного или нечаянного убийства кобры, совершенного человеком в прошлом рождении, и о котором он, естественно, не помнит. Суеверные люди каким-то образом связывают убийство кобры с бездетностью.

Одно поверие неизбежно рождает другое, подчас совершенно фантастическое. Вера в проклятие, исходящее

от зменного рода, вынуждает тамиллов искупать грех убийства кобры, который замаливается поклонением каменному изображению этого пресмыкающегося.

Бесплодие поражает многих, особенно тех, у кого от рождения слабое здоровье, кто рос в неблагоприятных жилищных условиях, скудно питался. Душный воздух тесных хижин, отсутствие элементарных гигиенических условий и прочие неблагоприятные факторы способствуют развитию бесплодия не только у женщин. Оно считается в Индии одной из самых проклятых болезней.

По неписаным законам муж вправе оставить бесплодную жену и заключить второй брак. Для отвергнутой женщины это — социальная смерть. Немудрено, что в Индии женщина часто может утвердить свой статус, подкрепив его лишь одним убедительнейшим аргументом — рождением детей. Престиж матери прямо пропорционален числу детишек.

Бесплодные женщины предпринимают отчаянные усилия, чтобы любой ценой избавиться от грозного недуга. И чем меньше шансов на благополучный исход болезни, тем больше стремление больной стать матерью. Если помощь квалифицированных врачей ощутимо сказывается на семейном бюджете, то советы астрологов обходятся гораздо дешевле.

Конечно, среди астрологов порой встречаются откровенные шарлатаны, но в большинстве случаев джосияры считаются вполне добропорядочными людьми. По традиции они взимают весьма умеренную, подчас чисто символическую плату со своих подопечных. Как йогам, достигшим вершин в овладении искусством управлять своим телом, желаниями, волей, традиция запрещает демонстрировать свое умение, выдавая его за «чудеса», так и астрологам не приличествует превращать свои знания в источник больших доходов. Иначе, считается, их профессиональному искусству будет нанесен непоправимый ущерб.

Беседы со своими клиентами астрологи ведут в доверительно-доброжелательном тоне, вникая во все детали и обстоятельства дела, выясняя мельчайшие детали жизни пациента, пришедшего за советом. Уверенный и волевой тон астролога вселяет в сердца больных надежду. Астролог дает подробные предписания и советы и, естественно, не посвящает обратившегося за помощью человека в тайны механизма воздействия на больного тех или иных обрядов и предписаний. Здесь связь меж-

ду причиной и следствием как бы размыта, невидима, хотя часто она лежит на поверхности.

Например, женщина может получить такой совет: в течение определенного времени ей следует созерцать изображение *наги* (змеи) на берегу водоема. Изображение наги по давней традиции высекают из камня и устанавливают под деревом. Церемония установки сопровождается определенными обрядами. Многие поколения тамиллов верили и продолжают верить в целебную силу дерева. Известные обряды, предписываемые больной для совершения их под этим деревом вокруг изображения наги, представляют собой не что иное, как физические упражнения.

Неудивительно, что, посылая больных на чистый воздух, который в сочетании с определенного рода упражнениями и специальной диетой помогает восстановлению здоровья и жизненных сил, астролог подчас в самом деле добивается выздоровления. Обряды у изображения наги совершаются систематически, в течение длительного времени, определенное число раз (108, 216, 324 или 432)²⁵ в бодрящие часы утренней прохлады. Выполняя упражнения, больные, следуя советам астролога, внушают себе мысль о полном выздоровлении. «Болезнь покидает меня. Она испугалась священной наги и уходит навсегда. Я стану матерью. У меня родится много девочек и мальчиков» — такой примерно формулой убеждает себя страдающая бесплодием женщина.

Многие индийские медики признают, что наблюдались случаи, когда больные с незапущенными формами болезни действительно выздоравливали. При этом они добавляют, что никаких чудес в этом нет, потому что высеченная из камня змея едва ли может кому-нибудь помочь. Нага — это всего лишь повод заставить больную заниматься упражнениями, средство «привязать» ее внимание к чему-нибудь зримому, осязаемому, материальному. Основные же факторы, способствующие восстановлению сил, — свежий воздух под кронами деревьев, упражнения, диета, самовнушение, глубокая вера и страстное желание исцелиться.

Признанным средством для избавления от бесплодия, как мы уже говорили, считается паломничество к святым местам. Многие тамилки искренне убеждены, что следствием паломничества для них будет желанное материнство.

²⁵ Данные числа, как и многие другие, считаются «магическими».

Счастливым период ожидания

Период беременности — радостное и вместе с тем тревожное время для семьи. Родится ли ребенок здоровым? Будет это мальчик или девочка? В какой день и час он появится и под какой звездой? Такие вопросы часто дискутируются в любой индусской, в том числе и тамильской, семье и оживленно обсуждаются многочисленной родней.

Авторитет и социальный статус беременной женщины, особенно той, которая впервые готовится стать матерью, значительно возрастают. Ее окружают любовью, уважением и восхищением. Ей искренне завидует менее счастливая в этом отношении соседка или подруга.

С того момента, когда беременность женщины стала фактом, не вызывающим сомнений, автоматически срабатывает сложный механизм, отработанный в религиозно-философской системе индуизма. В орбиту родовых ритуалов вовлекается *пурохита*, в них принимают участие жрецы храмов, вездесущие тетушки, близкая и дальняя родня. Это они вовремя напомнят, подскажут, устроят тот или иной обряд, с воодушевлением примут участие в его проведении.

Цикл родовых обрядов начинается на шестой—восьмой день беременности и завершается на шестом—восьмом месяце очистительным обрядом *симантам*. Знающие люди дадут кучу советов, поспешат истолковать не только сны, но и пятна на коже беременной, уверяя ее в том, что это не что иное, как признак красоты будущей матери. Ей объяснят причину специфического состояния, когда возникает недомогание, тяга или отвращение к тем или иным блюдам. Будущей матери приготовят и дадут едкое и острое лекарственное средство против рвоты и тошноты, будут внимательно следить за ее здоровьем.

Особенно тщательно готовятся в тамильских семьях к обряду *симантам*. Он проводится только один раз в жизни над женщиной, у которой наступила первая беременность. В день, назначенный астрологом, возжигается жертвенный огонь. Считается, что он придаст силы беременной женщине, сбережет младенца в ее утробе и поможет матери благополучно разрешиться от бремени. Женщины брахманских каст, участвующие в церемонии, помогают будущей матери совершить тщательное омовение. Они надевают на нее новое сари. Затем пу-

рохита разделяет ее волосы на прямой пробор, читает *мантры* — священные заклинания, смысла которых присутствующие обычно не понимают. Кроплением головы беременной жертвенным маслом завершается церемония.

Браслет, который обычно покупают будущей матери, играет роль охранительного амулета. На пятом — седьмом месяце беременности свекровь или сестра мужа ведут будущую мать в храм, где происходит церемония надевания браслета. Естественно, они посещают храм не с пустыми руками. Проведение этих обрядов, услуги астролога, пурохиты, подношения храму, угощение родственников и друзей — все это требует расходов.

Особо следует сказать о подарках, которые преподносят беременным. В этом смысле будущих матерей приравнивают даже к радже и духовным лицам. «Не приличествует идти с визитом к радже, беременной женщине, духовнику и в храм с пустыми руками», — говорят в Индии. Традиция здесь канонизировала вопросы, касающиеся даров беременным.

Чаще всего им дарят украшения, новые одежды, шафран, цветы, фрукты, листья бетеля или орехи арековой пальмы. В народе давно подмечено, что беременные испытывают особую тягу к специфическим яствам, к особой расцветке тканей — вот почему тамилы стремятся всячески угодить пожеланиям и даже капризам будущих матерей. В конечном счете они делают приятное ожидаемому младенцу и вместе с тем задабривают духов, якобы незримо присутствующих возле женщины. Эти злые духи, как считают верующие, стараются навредить женщине и младенцу и готовы заразить ее и ребенка чумой, тифом или холерой. В качестве противоядия от козней невидимых духов тамилы широко используют листья маргозы, которые, считается, отпугивают зловредных духов.

Исследования, проведенные в последние годы в индийских медицинских учреждениях, подтвердили высокие лечебные свойства листьев маргозы. Так что традиция не зря считала их полезными, хотя и приписывала им божественную силу и наделяла волшебными свойствами. До сих пор в Тамилнаде существует обычай, когда отец обязан посадить маргозовое дерево до или после рождения ребенка. В литературе, поэзии, песнях и поговорках постоянно присутствует образ этого полезного дерева, листья которого повсеместно использу-

ются как оздоровительное средство в период беременности и родов.

В течение всей беременности будущей матери предписывается совершать омовения особенно тщательно. Если для удаления обычной грязи с тела вполне достаточно пресной воды, то для снятия некоей «магнетической» скверны следует пользоваться «священной» водой. Для ее получения достаточно произнести определенное заклинание. Такой водой очищаются и после родов.

Традиция предписывает родственникам, друзьям и соседям навещать будущую мать и оказывать ей разные знаки внимания. Они говорят ей ласковые слова, всячески выказывают радость и выражают благоговение перед ней. Это своего рода социальная психотерапия, цель которой заключается в подготовке женщины к акту деторождения, в снятии психологического напряжения и естественного страха перед родами. Родственники всем своим поведением и отношением к будущей матери пытаются дать ей понять, что появление нового члена их общины желательно.

Тот факт, что женщины в период беременности редко болеют, был подмечен давно. Вот почему в Индии сложилось поверие о неких таинственных силах, оберегающих мать и младенца. Неудивительно, что подарки ей рассматриваются как дары духам, оберегающим младенца в утробе.

Есть еще целый ряд поверий, связанных с деторождением. Так, например, считается, что женщина в положении ни в коем случае не должна спать в одиночестве. Возле нее обязательно должен находиться кто-то из близких, готовый в любой момент прийти на помощь. С наступлением ночи беременной не следует выходить из дому. Ей надо остерегаться делать резкий переход из темноты к свету, воздерживаться от пряных, ароматных и жгучих блюд, избегать быстрой ходьбы и подъема по крутым ступеням или в гору.

Любопытно, что с появлением фотоаппарата родилось новое поверие: беременные не должны фотографироваться. Известны случаи, когда иностранные туристы, снимавшие на улицах все подряд, направляли свои камеры на беременных, чем вызывали возмущение окружающих, и вынуждены бывали откупаться и приносить извинения, при этом искренне не понимая сути происходящего.

На здоровье будущей матери, считают в народе, мо-

жет неблагоприятно сказаться переход вброд через реку или ручей. А наиболее ортодоксальные мужья в период беременности жены перестают бриться и стричь ногти, так как это, по их мнению, может неблагоприятно сказаться на здоровье ребенка.

Ввиду скорого появления младенца делаются необходимые запасы продовольствия, тканей, домашней утвари. Заготавливают *каям* — растительные лекарства, облегчающие роды, устраивают комнату или отгораживают угол для матери и ребенка. Если под крышей такого дома вьют гнезда птицы — это хорошая примета, значит, роды пройдут без осложнений.

Тот, кто спасает от ада

Рождение ребенка — огромное событие в тамильской семье, роде и общине. На этот случай в Тамилнаде, как и в других районах Индии, разработан уникальный в своем роде цикл родильных обрядов и обычаев. В них нашли отражение существовавшие, по всей вероятности, в глубокой древности обычаи, основанные на первобытной культовой магии. В системе сохранившихся родильных обрядов у тамиллов насчитывается множество очистительных, умиловительных и предохранительных обрядов. Не исключен их синкретический характер, отмеченный чертами древних культов племен и упорядоченный впоследствии индуизмом, впитавшим в себя обряды, обычаи, церемонии и поверия всех народов Индии.

Общим для индусов является мнение, что и мать и младенец осквернены вследствие родов. Вот почему в течение 5—15 дней ребенок и роженица считаются неприкасаемыми. Они находятся в отдельном помещении, доступ к ним запрещен. Лишь по истечении этого срока их могут посетить самые близкие люди, помочь обмыть ребенка и принести новые одежды.

Для окружающих не только мать и ребенок, но и весь их дом считается оскверненным. Проходит примерно две недели, прежде чем мать и новорожденный будут подвергнуты очистительным церемониям. Женщины напомнят матери о необходимости совершить особое церемониальное купание с использованием растительного масла, помогут приготовить все необходимое для этой цели. После купания младенцу спешат опоясать живо-

тик «магической» черной ниткой (нередко на нее надевают золотую пластинку-амулет), после чего ребенку дают имя. Из числа близких выбирается женщина, играющая роль крестной матери. После этого в дом, где появился новорожденный, приходят родственники и друзья с подарками и лакомствами.

Родители не откладывают в долгий ящик и церемонию протыкания мочек ушей у ребенка. Отныне и до погребального костра человека будет сопровождать весь комплекс сложных, порой дорогостоящих ритуалов, церемоний, правил и ограничений. Чем бдительнее будет следить община за строгим соблюдением этого комплекса, тем больше надежд, что в результате вырастет правоверный индус, глубоко впитавший в себя систему религиозных и морально-этических догм.

При составлении гороскопа младенца астролог принимает во внимание созвездие, под которым тот родился, причем имеются в виду двадцать семь так называемых «лунных созвездий», где поочередно пребывает месяц. В связи с этим тамильский ученый Сомале писал, что жители Тамилнада верят, что если мальчики или девочки рождаются под созвездием Сувати (пятнадцатое «лунное созвездие»), это сулит им несчастье. Рождение мальчиков под созвездием Мулам (девятнадцатое «лунное созвездие») приносит семье благополучие; рождение под этим созвездием девочек — слезы, ссоры и неудачи. И уж совсем дурным знаком считается рождение мальчика под знаком созвездия Кеттей (Скорпиона), а рождение его в месяц читтирей (апрель—май) приведет его отца к нищете, к бродяжничеству. По этому поводу существует популярная у тамилгов поговорка: «Отец родившегося в месяц читтирей станет бродягой, а эта семья отмечена знаком безотцовщины».

Есть у тамилгов немало поверий в отношении пола ребенка и того, каким по счету в семье он родился. Так, например, если девочка рождается пятым по счету ребенком, то это принесет семье благосостояние. Вообще лучше, если девочки появляются на свет нечетными по счету — они считаются более счастливыми.

Весьма приветствуется рождение близнецов — мальчиков или девочек. Трудно даже перечислить все приметы, касающиеся рождения детей. Такие приметы и представления с особой прочностью держатся в деревне и по большей части среди женщин. Там слепо верят в приметы и, естественно, даже не пытаются дать им ни здра-

вого объяснения, ни вникнуть в их суть. Одни из них известны только в определенных областях штата. В городских условиях, особенно среди молодежи, вера во всякого рода приметы постепенно уходит в прошлое, а говорить о них юное поколение даже считает немодным.

Особую радость и восторг вызывает в семье рождение сына-первенца. Причина этой радости, кроме всего прочего, кроется в том, что именно старший сын должен впоследствии выполнить некоторые важнейшие обряды в отношении покойных родителей, без чего, считается, их души будут терпеть невероятные мучения. Правда, образованные индусы, прекрасно понимающие грань, разделяющую культовые условности и конкретные требования социально-экономической жизни общества, объясняют желание иметь сыновей чисто практическими, житейскими соображениями. Они связаны с вопросами наследства, чести семьи и рода, с благополучием семейной ветви и реальной материальной помощью и защитой.

«Рождение сына — рождение царя. Появление дочери — несчастье» — эта поговорка до сих пор в ходу у тамилгов. Не зря почтенные отцы семейств в Индии с подчеркнутой гордостью произносят слово *махан* (сын, сильный, великий), что в широком значении подразумевает «того, кто спасает родителей от ада». Рождение дочери хотя и менее предпочтительно, но тоже воспринимается с радостью — ведь, по поверью, бездетным супругам, уготована после их смерти дорога в ад. Даже если сын или дочь вырастают безнравственными и испорченными — такое случается у многих народов, — все равно традиция запрещает родителям отворачиваться от них, ибо отстранение от родимого дитя приравнивается к уничтожению священного дерева. «Даже если дерево ядовито, разве срубят его те, кто посадил?» — говорят тамилы.

Вступивший в жизнь младенец сразу же окружается плотным частоколом поверий, подчас фантастических, основанных на умозрительных, абстрактных представлениях. Во внимание принимаются и тщательно анализируются окружающими сопутствовавшие рождению ребенка обстоятельства: время суток, месяц, число, день недели, сезон, место рождения и прочие слагаемые. Родился, например, ребенок ровно в полдень или полночь — это плохая примета!

Особенности климатических условий Южной Индии не могли не сказаться на традициях и обычаях, имеющих отношение к деторождению. Давным-давно наблюдательные, склонные к классифицированию и систематизации люди подметили связь между неблагоприятными жаркими днями года и повышенной смертностью среди детей, родившихся в этот период. Вот почему чадолюбивые родители стремятся избежать рождения в месяц читтирей. Это стремление породило в народе устойчивый обычай под названием *адикку ажейттал*. Это выражение буквально значит «приглашение взрослой дочери в месяц ади», длящийся с середины июля до середины августа. Он мало чем примечателен, разве, пожалуй, только тем, что между ним и месяцем читтирей насчитывается число месяцев, в среднем соответствующее естественному периоду внутриутробного развития плода. Чтобы предотвратить возможное зачатие в нежелательный месяц ади, родители под благовидным предлогом приглашают замужнюю дочь к себе. Иногда такое приглашение следует от близких родственников, проживающих в других городах. Муж обычно не чинит препятствий супруге. Так что цель такого обычая заключается в добровольном воздержании супругов от близости в интересах здоровья и благополучия потомства.

Особой традицией у тамиллов, как и у всех индусов, считается первое обривание волос младенца. Обычно волосы ребенка дарят храму или божееству в качестве жертвы. Казалось бы, какой смысл делать божееству подобное приношение? Но обычай ревностно поддерживается. И даже в более позднем возрасте дети, посещающие святыни вместе с матерями, нередко оставляют свои волосы в храме. Молодые женщины и девушки, бывает, с благоговением стригут волосы и возлагают их у стоп каменного идола. Это — словно их обещание поклоняться ему. Такие публичные акты в храме служат поддержанию престижа религии и всячески поощряются служителями культа. Волосы сотен верующих в храмовых мастерских обычно превращаются в пышные парики и сбываются по сходной цене.

Вообще носить длинные волосы у тамильских мальчиков не принято, так же как и у взрослых. Когда сыну исполняется пять лет, родители, полистав индуистский календарь и посоветовавшись с пурохитой, выбирают подходящий день для проведения ритуала обривания во-

лос. В состоятельных семьях для придания ритуалу помпезности нанимают музыкантов и приглашают гостей. На помощь отцу приходит опытный цирюльник. Отец мальчика срезает прядь волос, после чего к делу приступает цирюльник и снимает волосы с головы под звуки музыки и священных заклинаний, которые произносят отец и пурохита. Набожные тамилы считают, что заросшая волосами голова маленького индуса подобна участку сада, заросшему буйными сорняками. Как участок с сорняками непригоден для выращивания овощей, так и покрытая длинными волосами голова является «нечистой» для проведения тех или иных обрядов. Мальчикам из брахманских каст оставляют небольшой хохолок на самой макушке — он понадобится для последующих церемоний.

Почти во всех кастах у тамиллов через десять дней после рождения мальчика или девочки проводится обязательная церемония протыкания мочек ушей. Считается, что это помогает от «сглаза» и способствует умственному развитию ребенка.

Таким образом, дети проходят через сложную систему обрядов и ритуалов, свойственных индуизму. Мы назвали здесь важнейшие — составление гороскопа, выбор имени и обривание волос. Существует еще несколько ритуалов, связанных с разными возрастными периодами детей. Назовем такие, как первый вынос ребенка на солнце, первый показ малышу Луны и церемония первого кормления ребенка густой пищей.

Любовь к детям возведена у индийцев в своеобразный культ. Это заметно у разных каст и сословий не только в обыденной жизни. Утонченная тамильская поэзия дает прекрасные образцы, посвященные периоду детства и детям. До сих пор поэты создают так называемый *тал* — колыбельную песню с особыми ритмами, одну из десяти частей традиционной поэмы о детстве. Поэма без тала считается ущербной и лишенной достоинств. В произведениях, описывающих стадии детства, поэт не забывает также вставить и канонизированный раздел, посвященный матери, которая ласково приглашает ребенка сделать первые шаги, подойти и обнять ее. «Разве неземная сладость *амриты* (нектара) выдержит сравнение с рисовой кашей, которой касается крошечная ручонка?» — этот классический афоризм древнетамильского мудреца Тируваллуvara известен всем тамилам.

КАК СТАТЬ ВЗРОСЛЫМ

До пяти лет обращайся с сыном, как с царем, с пяти до пятнадцати — как со слугой, после пятнадцати — как с другом.

Древнеиндийский афоризм

Задолго до замужества тамильские женихи и невесты проходят ряд обязательных добрачных обрядов. Хотя эти обряды утвердились в рамках индуизма, однако у народов, населяющих Северную Индию, особого распространения не получили. Причиной тому был целый ряд исторических и социально-экономических условий и особенностей развития народов Индийского субконтинента. Так, например, обычай умыкания девушек был в древности более распространен в Северной и Центральной Индии. Если в северных регионах страны в известные периоды ее истории девушек и женщин, особенно тех, которые блистали красотой и свежестью, озабоченные отцы иногда прятали и предпринимали всяческие меры предосторожности во избежание вероятного похищения, то в южных областях ситуация в этом отношении была почти противоположной. Здесь следовало извещать общество о подросших дочерях и возмужавших сыновьях. Перезрелая дочь, оставшаяся в доме отца, считалась в Индии бременем и проклятием семьи.

Многие зарубежные ученые неоднократно отмечали, что в Индии расходы семьи, связанные с выдачей дочери замуж, прямо-таки убийственные. Не зря у тамиллов существует пословица: «Если у раджи родилось шесть дочерей, то даже ему грозит нищета». Естественно, что чадолюбивые родители, стремясь сохранить социальный престиж своей семьи и рода, пытаются уменьшить возможную брешь в бюджете, предпринимают порой большие усилия, чтобы не упустить возможный шанс, и спешат заключить брачный союз своей дочери.

Индуские вероучители, бдительно следившие за жизнью своих последователей и направлявшие их дела и мысли, включили добрачные обычаи разных народов страны в орбиту религиозного законодательства, освятив и канонизировав ряд основополагающих моментов жизненной практики. Так и в Тамилнаде родились своеобразные добрачные церемонии. Самые распространенные из них — это «омовение куркумовой водой», «маленькая свадьба», «обновление созвездия» и «обновление месяца *карттিকেя*».

Что значит «омовение куркумовой водой»? Желтый порошок или паста из корня куркумы *Curcuma Longa* (турмерика) — манжаля, равно как и сам корень, давно ценятся в Индии за особые свойства, приписываемые этому растению. Растворенный в воде порошок куркумы — неперенный «участник» множества празднеств, церемоний и обрядов в Индии. Желтый цвет считается у женщин счастливым, символом изобилия и благополучия. Одно из главных мест занимает куркума и в добрачных обрядах.

Омовение в некоторых областях Тамилнада, как, например, в дистрикте Рамнадпурам, имеет другое название — «цветение». Тем самым подчеркивается, что девочка, словно бутон, подрастая, превращается в очаровательную девушку, которую отныне станут называть *самартти* — «умная, способная и расторопная». Но прежде ей предстоит пройти обряд посвящения в девушки.

Этому обряду подлежат 12—13-летние девочки из индуистских семей, и совершается он спустя три дня после появления у девочек первых месячных.

В течение нескольких дней, предшествующих обряду, девочка находится в отдельной комнате: до тех пор, пока у нее не закончится естественный физиологический цикл, она считается оскверненной. В это время старшие женщины развивают бурную деятельность: оповещают близких и друзей, запасаются необходимыми предметами и продуктами, приличествующими событию.

В день, когда девочка вновь станет «чистой», в дом приглашают старших подруг и родственниц. Из числа мужчин присутствовать при совершении обряда могут только самые близкие, да и то лишь те, которые достигли почтенного возраста.

Прежде всего девочка совершает омовение обычной водой. Затем на нее надевают широкую и длинную, до пола, юбку и кофточку и, выведя ее к собравшимся, при-

носят медный или глиняный сосуд (у богатых людей он чаще бывает серебряным) емкостью до 15 литров. В сосуде находится куркумовая вода. Старшие женщины льют на девочку воду, в то время как окружающие поют песни наставительно-шутливого содержания, намекающие на то, что теперь ей наверняка встретится суженый, красивый и благородный, мужественный и трудолюбивый, вместе с которым она обретет семейное счастье, уважение и любовь окружающих. Нередко воду брызгают и на присутствующих женщин.

После смены одежд (кстати, мокрые одежды у тамиллов, как и у многих индусов, особенно при посещении храмов, свидетельствуют о том, что верующая идет туда с чистыми помыслами) девочку облачают в новое сари, которое зачастую является первым в ее жизни, усаживают в специально приготовленный по этому случаю паланкин.

Для приготовления паланкина зажиточные люди за особую мзду приглашают соответствующих мастеров, которые приносят с собой все необходимые материалы для его сооружения — бамбук, шесты, ткани и т. п. После обряда мастера паланкин уносят — он еще сослужит свою службу в домах других односельчан. Установленный на видном месте паланкин пышно украшают свежесрезанными цветами — розами и жасмином, символизирующими чистоту. На голову девочки прилаживают *сутти* (*чутти*) — особое украшение лба. Сидя в паланкине, девочка принимает благословения и пожелания, подарки и вкусные угощения. Чтобы уберечь ее от «дурного» глаза, перед нею держат сосуд с куркумовой водой, зажигают яркие светильники. Гости и родственники поют народные песни-пожелания.

Одна из главных целей добрачных обрядов заключается в воспитании у юного поколения серьезного отношения к семейным обязанностям. Лет пятьдесят-шестьдесят назад, когда в газетах и журналах еще не давали матримониальных объявлений, добрачные обряды и церемонии играли весьма важную роль в социальной жизни разных общин Тамилнада. В наши дни, когда печать и реклама в сфере семейно-брачных отношений имеют значительный вес, роль добрачных обрядов падает, особенно в крупных городах. Однако в деревнях значение этих обрядов все еще значительно.

Церемонии, связанные с добрачными обрядами у тамиллов, варьируются от касты к касте, порой значитель-

но. Так, если в общине торговцев, например, заказывают пышный паланкин и поют песни, то в брахманских кастах отсутствует как первый, так и второй элемент обряда. Здесь центральный момент — чтение на санскрите *мантр* — священных заклинаний. Для этого приглашают духовника семьи, который и совершает предписанные церемонии. Смысл обряда мантр сводится к тому, что отныне девочка находится под защитой и благоприятным воздействием *гандхарвов* — небесных певцов, которые будут ей покровительствовать.

Участвующим в добрачных обрядах девочкам ставят на лбу пятнышко сандаловой пастой, подводят сурьмой глаза, на шею надевают огромные благоухающие гирлянды цветов. Тот факт, что им впервые в жизни оказывают столь высокие почести со стороны родственников, друзей и соседей, появление их на людях одетыми в сари свидетельствуют, что община пополнилась еще несколькими потенциальными невестами, которых как бы выставили напоказ: смотрите, они уже взрослые и скоро могут стать женами и матерями.

Известный тамильский ученый Сомале отмечает, что в среде представителей земледельческой касты *веллала* округа Тирунелвели до сих пор живет любопытный добрачный обычай «маленькой свадьбы». Он заключается в следующем.

Девочек, которым уже исполнилось 7—9 лет, собирают в чьем-либо доме, где им торжественно надевают на шею золотую цепочку с нанизанными на нее девятью крошечными золотыми колокольчиками. Надеть цепочку должна либо бабушка, либо дядя по материнской линии или его жена. Присутствующий жрец совершает соответствующие церемонии. Каждая девочка получает в дар мраморный светильник, который должна сама зажечь.

В некоторых кастах при проведении обряда из волос девочки вынимают цветок и в благоприятное время, указанное астрологом, укрепляют на крыше дома. На девятый день цветок снимают и поливают молоком, затем зарывают в землю.

В общинах торговцев Южной Индии известен такой добрачный обряд для девочек, как «обновление созвездия». Обряду подлежат девочки в возрасте 13 лет. Проводится он в дни месяца *маркажи* (середина декабря — середина января), вычисляемые астрологом. Обряд предписывает девочкам в сопровождении подружек ходить

с песнями от дома к дому и получать подарки и благословения у старших. Любопытно, что некоторые элементы этих обрядов зафиксированы в древнетамильской поэме «Манимехалей» (около 2—3 вв. н. э.). Юная героиня поэмы, узнав, что ей для искупления прегрешения предстоит некоторое время просить подавание, обращается с чашей к мудрой женщине по имени Атирэй.

— Да уничтожишь ты голод на земной тверди!— восклицает Атирэй, наполняя едой чашу.

В тот же миг, как гласит поэма, на земле исчез голод. Помня об этом волшебном событии, девушки и теперь воспевают его, желая односельчанам обилия и благополучия,— в обряде этом отчетливо слышны отголоски культа плодородия.

В системе добрачных обрядов у тамиллов не забыты и мальчики. У представителей общины торговцев существует обряд «обновление месяца карттикея». Обряд посвящения в мужчины проходят мальчики, достигшие 13-летнего возраста. Его совершают в определенные дни месяца карттикей, длящегося с середины ноября до середины декабря. Мальчика одевают в новые позолоченные одежды, пышно наряжают. Его голову венчает особый тюрбан. Верхом на лошади (всадник — символ мужественности) он едет в храм. Обычно в эти дни в округе находится немало мальчиков, достигших 13-летнего возраста, поэтому в храме собирается много людей. После соответствующих церемоний в храме мальчики верхом отправляются по домам. Лошадь, взятую напрокат, возвращают владельцу. У входа в дом зажигают светильники с камфарным маслом, посвящаемого обходят с огнем, после чего начинается угощение приглашенных (разумеется, без спиртных напитков), прием подарков и поздравлений.

Как бы ни различались добрачные церемонии в разных районах и общинах Тамилнада, но главный их смысл остается общим — широко объявить миру о появлении потенциальных невест и женихов.

После совершения добрачных обрядов и церемоний юноши и девушки обретают определенный статус взрослого члена социальной ячейки. Теперь родители имеют формальное право приступать к поискам подходящей пары своим детям.

Следует сказать, что добрачные обряды и связанные с ними церемонии для мальчиков из индуистских семей весьма важны также и для другой цели. Совершив эти

обряды, сыновья получают право зажигать погребальный костер после смерти отца. Считается, что душа усопшего родителя в этом случае получит покой и умиротворение. Кроме того, все последующие обряды культа предков должен тоже совершать сын. То, что он получает столь исключительные права, подчеркивает его значимость в глазах окружающих. Поэтому понятно, почему рождение сыновей в индуистских семьях рассматривается как весьма желательное событие. Прошедшие добрачные обряды юноши и девушки считаются взрослыми, и на них накладываются известные обязанности.

Добрачные обряды требуют немалых материальных затрат. Изготовление одного только паланкина, например, поглощает подчас месячный заработок рабочего средней квалификации. Добавим сюда еще траты, связанные с проведением церемоний, для которых придется закупать исходное «сырье» в виде цветов, фруктов, куркумы и т. п., а также подарки и угощение гостям, и мы поймем, каких усилий и жертв требует зачастую от родителей проведение таких обрядов. Немалая часть «жертвуемых» товаров остается жрецам.

Не случайно все больше городских семей вынуждены отказаться от проведения еще недавно столь престижных, красочных, но крайне разорительных для трудового человека обрядов. В среде образованных и демократически настроенных людей часто можно наблюдать отказ от подобных обычаев либо замену их символическим скромным угощением и покупкой новой одежды для дочери или сына. Не последнюю роль в таких случаях играет противодействие проведению этих обрядов со стороны самих юношей и девушек. Кроме того, добрачные обряды в той или иной мере имели или имеют отношение к практике детских браков, с которой прогрессивная общественность Индии ведет решительную и небезуспешную борьбу как с тяжелым пережитком прошлого.

ГЛАВНАЯ СТУПЕНЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Пусть светит светильник, пылает огонь,
сияет солнце, луна, звезды — без газелеокой
этот мир окутан мраком.

Древнеиндийский афоризм

В древней традиции насчитывается три основные цели, которым следуют представители индуизма: *дхарма* — сложный комплекс религиозно-нравственных уложений и догм, считающийся наиважнейшим и самым высоким по сравнению с двумя другими; *артха* — стремление к благосостоянию семьи, рода и общины и, наконец, *кама* — достижение чувственных удовольствий и наслаждений.

Эротическая сторона жизни человека у индусов связывается с полным поэзии образом бога любви Камадевы, или Камы. Внутренняя им любовь — пролог к браку. Стрелы Камадевы, судя по богатейшей поэзии разных народов Индии, поражают все живые существа на земле. Чуткий слух индийца улавливает и отзвуки любви в голосах птиц. В поэзии мы встречаем, например, перепела, попугая, каудари (индийскую куропатку), лебедя, павлина и голубя. От внимательного глаза индийца не ускользнула и птица анриль, или краунча, замечательной особенностью которой является ее исключительная преданность избраннику.

Чары Камадевы волнуют и гигантов-слонов, которые впадают в любовный экстаз, и многократно воспетый поэтами нежный цветок *аниччам* (недотрога), роняющий, по повериям, лепестки в период любовного томления, стоит только понюхать их. «Ты нежен, цветок аниччама, не спорю, но много нежнее любимая моя недотрога»²⁶, — так сказал около двух тысяч лет назад тамильский мудрец Тируваллувар.

²⁶ Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. — Библиотека всемирной литературы. Серия I. М., 1977, с. 122.

Кама агни — огонь страсти. Этот божественный огонь, по мысли древнеиндийских врачей, — один из трех, присущих живым созданиям. И властвует над ним всемогущий Камадева. Он получил от земных жителей много имен, эпитетов и титулов. Ему, беспощадному небожителю, мучающему миллионы сердец земных жителей, даны в Индии выразительные имена, вполне раскрывающие сущность этого игриво-беспечного бога. Амбадху — «Живущий в душе», Ананга — «Бестелесный», Смара — «Напоминающий о себе», Маноджа — «Рожденный в душе», Мадан — «Пьянящий», Манматха — «Возмутитель сердец». Эпитеты, которыми народ награждает его, говорят сами за себя. Он скрывается то под именем Камы — «Любовь», то Васантана — «Весенний». Этот ловкий и стремительный небожитель повсюду подстерегает «зазевавшихся» сынов и дочерей Земли, а подкараулив, останавливается. Миг — и он беспощадно разит стрелой сердца людей.

Камадева не любит бродить пешком. Он предпочитает легкую и стремительную колесницу, роль которой выполняет *тенрал* — ласковый и мягкий южноиндийский ветерок, предвестник весны и обновления жизни. Вот почему Камадеву в Тамилнаде называют «Восседающим на колеснице тенрал». Зонтом, защищающим от лучей жаркого солнца, ему служит Луна. Индийские барды называют Камадеву Лучником. И не зря самое грозное, меткое и в то же время обвораживающее оружие Камадевы — лук с пятью цветочными стрелами (атрибуты в равной степени фантастические и исполненные притягательной поэтической мощи).

Камадева изображается вечно молодым и прекрасным юношей. Традиция считает, что он меняет колесницу — иногда это весенний ветер, иногда попугай, который с удовольствием возит на себе бога, натягивающего тетиву своего замечательного лука из стебля сладкого сахарного тростника. Тетива — это жужжащие пчелы, а пять стрел божественного Лучника — пять цветков, наиболее любимых народом. Здесь вы увидите сначала большой цветок лотоса. Среди этих цветов есть и жасмин. Из множества сортов благоухающего цветка расчетливый Лучник выбрал самый душистый, цветы которого появляются в ноябре, и тогда Камадева пожинает их, сооружая стрелу под названием «заигрывание».

Не забывает Лучник положить в свой колчан цветок *ашоки* — «беспечального дерева» с красноватыми листь-

ями и красными цветами. Согласно поверию, этот цветок обладает волшебным свойством: он зацветает только после того, как его ствола или корня коснется нога красивой женщины.

Не забыл Кама и о голубой водяной лилии. Правда, некоторые авторитетные индийские поэты считают, что вместо нее Лучник использует цветок акации *шириши*. В отношении же пятой стрелы, представленной цветком манго, разногласий не замечено. Великий древнеиндийский поэт Калидаса в середине прошлого тысячелетия создал свои бессмертные строки:

Стрелы для друга — цветущее манго,—
Щедро снабдив опереньем побегов,
Стрелы пометить весна не забыла:
Пчелы на них будто буквы: «Маноджа»²⁷.

Божественные стрелы, сокрушающие сердца всех живых существ в подлунном мире, вызывают сладостные муки и страдания.

Камадева женат на прекрасной богине страсти Рати. Они обитают на горе Гандха («Ароматом пьянящая»), сплошь покрытой благоухающими и вечно цветущими рощами, в которых предаются любовным утехам небожители с людьми. Основное занятие Камадевы — разжигать страсти и воспламенять сердца у землян.

Как рассказывает предание, однажды бог любви совершил оплошность, за что был жестоко наказан могучим Шивой. Вот как это случилось.

Боги решили избавиться от зловредного демона Тарака, но сделать это мог лишь сын всеильного Шивы. Известно, что Шива был аскетом и жил, совершая подвиг подвижничества. Он и думать не мог о вступлении в брак. И тогда отчаявшиеся боги обратились за помощью к Камадеве с просьбой поразить великого йога одной из своих стрел. На свою беду, Камадева легкомысленно согласился. «Выбрал стрелу подходящую Лучник: „Очарованье“ — стрела роковая»²⁸, но Шива заметил направленный на него лук и в тот самый миг, когда она летела к нему, успел метнуть из своего третьего глаза молнию, испепелившую Камадеву.

Но не устоял и Шива. Стрела бога любви сделала свое дело, и Шива воспылал страстью к Парвати, обво-

²⁷ Там же, с. 39.

²⁸ Там же, с. 43.

рожительной дочери властелина Гималаев. Вскоре Парвати родила сына, и тот впоследствии уничтожил демона Тараку.

Вдова Рати безутешно рыдала по испепеленному супругу. В отчаянии она решила броситься в костер, но небожители, подбившие Камадеву на столь рискованное предприятие, укоризненно указали Шиве на страдающую Рати и попросили вернуть ей мужа. Шива сжалился над прелестной вдовой и оживил Камадеву.

В Индии, в частности на Юге, весьма чтут Лучника. В некоторых местностях Тамилнада, например, широко отмечают праздник в его честь, приходящийся на март. Бог любви вдохновлял и продолжает вдохновлять тамильских бардов.

Знаменитые скульпторы Тамилнада прошлых веков, сраженные неотразимыми стрелами Камадевы, возвели уникальные во всей Юго-Восточной Азии парные скульптуры — бога любви и его прекрасной супруги — из «поющего» камня *исей каль*. Безгранично удивление наших современников, обозревающих эти творения. Каждая часть скульптур, выполненных с филигранной тщательностью, рождает от легкого удара по ним нежные звуки разной тональности. Этот шедевр находится в небольшом городке Сенбахараманаллур, к югу от Мадраса. Другая скульптурная пара Камадевы и Рати украшает шиваитские храмы города Тенкаси. Безвестные мастера древности унесли с собой секреты и приемы обработки камня. Специалисты до сих пор ломают голову над разгадкой тайн «звучащих скульптур». В качестве объяснения выдвигаются различные хитроумные догадки. Одна из них заключается в том, что внутри скульптуры якобы имеются полости определенной конфигурации, что превращает их в своего рода резонаторы.

Все это — и полные поэзии мифы, легенды и предания, поэмы, стихи, музыка, и «поющие» камни — создано в честь Смущающего сердце. И хотя тамилы, например, чтут также и Такканангу — богиню, вселяющую в людей любовную страсть, но авторитет Лучника непрекаем, а действие его волшебных стрел удивительно. В прошлые века они заставляли тамильских юношей взбираться на установленного под окнами жестокосердной девушки так называемого пальмирового коня. Этот «конь» — всего лишь ветвь колючей пальмировой пальмы. Влюбленный сидел на ней без еды и питья до тех пор, пока родители возлюбленной не соглашались от-

дать свою дочь ему в жены. Сердца юношей, пронзаемые стрелами индийского Купидона, наполняются мужеством, и они добиваются благосклонности и тайных обещаний своей избранницы. Они публично демонстрируют умение укрощать быков либо вызывают желающих на состязание в стрельбе из лука.

Тамилы рассказывают, что Лучник мастерски исполняет танец любви. Головокружительный танец исполнен прелести и страсти, редко кому удастся не подпасть под его очарование. Стрелы бога обычно бьют без промаха и помогают сердцам влюбленных навсегда соединиться брачными узами.

Мысли о нем обжигают огнем,
Нет мне покоя ни ночью, ни днем,
Неба огромней — любовь возросла.
Мудро ли мне причинять столько зла?
Аувэйяр, древнеиндийская поэтесса

В Индии известно восемь канонизированных типов бракосочетания, имевших место и в Южной Индии, — от добропорядочных браков, освященных большим числом религиозных церемоний, до насильственного овладения спящей или опьяненной девушкой. Современные формы брака в Тамилнаде складывались в течение длительного периода.

Брак девственницы с юношей, который вместе с женой получит и приданое, относится к разряду *брамам* (*брахма*); в наши дни он принят среди многих высококастовых индусов. Брак по взаимному согласию обеих сторон (невеста выходит замуж без приданого и выкупа) известен у тамиллов под названием *прасапаттиям*.

В свою очередь, *аридам* предполагает подарки, которые получают родственники невесты. При заключении такого брака невеста становится между коровой и быком, служившими выкупом за нее, тем самым демонстрируя свое согласие на брак и готовность преподнести в дар своей родне животных от имени жениха. Рога и копыта животных по такому случаю обычно золотили. Церемония сопровождалась разбрызгиванием священной воды.

Дейваманам (*дайвам*) — еще один тип бракосочетания, совершаемый с согласия родителей. При этом строго соблюдаются брачные обряды. В этом случае девушку часто выдают за священнослужителя в знак признательности за какое-нибудь жертвоприношение.

Эти четыре типа браков пользовались наибольшей популярностью в обществе. Остальные считались не столь престижными. И это неудивительно, если принять

во внимание условия, на которых заключались такие браки. *Гандарувам*, например, предполагает бракосочетание по обоюдному согласию юноши и девушки. В этом случае они не испрашивали позволения, совета или одобрения у родителей, родственников и друзей. Молодые просто сходились и жили вместе. Их брак вообще не освящался никакими религиозными церемониями.

Конечно, такой брак оценивался добропорядочными индусами весьма и весьма неодобительно. Не менее косо смотрели на брак, известный под названием *асурам*, потому что этот тип брака похож на заурядную куплю-продажу, в которой как товар, переходящий из рук отца в руки жениха, выступает девушка. В результате сделки отец невесты получает известную сумму денег, а юноша — жену. При этом типе брака жених должен подарить невесте драгоценные камни и выплатить ее подружкам небольшую сумму денег.

Не одобрялся и такой вид брака, как *ираккатам*, когда девушку просто умыкали против ее воли и без согласия родни и друзей. Но самым отвратительным считался брак типа *пайшача*, когда девушкой в пьяном или бесчувственном состоянии, спящей или умалишенной овладевали силой. «Согласно „книгам законов“ пайшача допустим разве что для низших из низших, но отнюдь не для представителей высших варн»²⁹, — замечает А. Бэшем.

Древние тамилы считали брачный союз священным. Авторитетные литературные памятники «Тируккурал», «Пуранануру», «Толкаппиям» сохранили свидетельства о тех или иных сторонах жизни тамильского общества древних времен. Жених встречался со своей избранницей, внимательно присматривался к ее родственникам и окружению. Не менее пристально изучали родственники девушки и кандидата в мужья. Между влюбленными в древности допускался даже период «тайной любви», о которой знал весьма узкий круг посвященных, и период «открытой», брачной любви. Высшей целью женитьбы объявлялось гармоничное единение двух сердец, стремящихся к достижению любви высшего порядка, к выработке в себе благородных человеческих качеств, которые передаются потомству. Плотская любовь не считалась чем-то предосудительным — для индийцев любое проявление жизни всегда было священным. Од-

²⁹ А. Бэшем. Чудо, которым была Индия, с. 182—183.

нако просто удовлетворить сексуальные потребности, считали мудрецы и поэты, еще не значит подняться до высот истинной любви. «Немногие понимают настоящую цену такой любви, более прекрасной, чем цветы», — утверждал легендарный тамильский мудрец Тируваллувар.

Женщина занимала достаточно высокое место. Она имела почетный титул *иллаль* («владычица дома»), и к ее советам неизменно прислушивались. В процессе складывания брачного кодекса индуизма в стране многие местные тамильские правила и установления в отношении семьи и брака в значительной мере трансформировались, пережили процесс взаимопроникновения и причудливого смешения обычаев разных народов. До сих пор можно обнаружить как отличия, так и общие черты в свадебных церемониях у жителей разных областей Тамилнада, в пределах даже одних и тех же каст, сословий и групп населения штата.

«Сорок лет прошло с тех пор, как я пятилетней девочкой с сумкой, полной игрушек, впервые попала в дом мужа. Отец нес меня на руках, бережно прижимая к своей груди. Я увидела свекровь, вскоре заменившую мне мать. Она пристально смотрела на свою крохотную невестку и ее отца, который, закрыв лицо полотенцем, почему-то горько плакал... Сотни дней должны были промчаться, прежде чем я поняла, что мальчик той женщины — мой муж...»³⁰

В рассказе современного тамильского писателя Д. Джеякантана речь идет о практиковавшемся еще совсем недавно обычае детских браков. Изменения, происшедшие в послеколониальной Индии, коснулись сферы семьи и брака. Иногда молодые люди сами устраивают свою судьбу. Все чаще наблюдаются браки между представителями разных религий. Дети таких родителей вправе выбирать, какой религии следовать им теперь. Нередко молодые люди вообще порывают с религией. Справедливости ради следует сказать, что смешанные браки здесь не поощряются. Родственники и соседи ко-со и даже подозрительно смотрят на такую семью. Число друзей у новобрачных незаметно тает, окружающие весьма осторожно контактируют с ними. Грустью наполнены народные песни, рассказывающие о трудностях

³⁰ Д. Д ж е я к а н т а н. Мертвое время. Мадрас, 1977, с. 186 (на тамил. яз.).

и лишениях, выпавших на долю тех, кто решился на смешанный брак.

Касты и связанные с ними представления все еще незримо влияют на судьбы миллионов людей. Здесь есть свои ограничения, правила и запреты. Часто они встают непреодолимой стеной на пути любящих сердец. Женщина обычно оказывается в невыгодном по сравнению с мужчиной положении. В тех случаях, когда юноша женится на девушке более «низкого» происхождения, немедленно срабатывает сложный механизм межкастовых отношений. Мораль окружающих наделяет детей от такого брака статусом их матери, и они едва ли могут рассчитывать на свою долю наследства: такие дети как бы несут незримое наказание за вину «низкорожденной» матери.

Многое из вышесказанного стало уже достоянием истории. Современные формы брака в Тамилнаде не выглядят, конечно, столь малопривлекательными, как последние три названных. Основные элементы современного брака достаточно канонизированы, хотя в известной степени они все же варьируются от касты к касте. Брак в современном индуистском обществе Тамилнада, как и всей Индии в целом, — священное и необходимое деяние. Целью этой главной ступени жизни считается воспитание потомства. Последователи индуизма настойчиво и требовательно напоминают членам своего общества об их долге. «Настойчивость ортодоксального индуизма в вопросах продолжения рода доходила до того, что грех отца, не выдавшего дочь замуж до первой ее менструации, приравнивался к преждевременному прекращению беременности (тяжкий грех, считавшийся более тяжким, чем многие виды убийства) при каждом менструальном периоде, пока она оставалась незамужней»³¹, — отмечает А. Бэшем.

Индуизм, как всякая другая религия, нуждается в новых и новых поколениях носителей ее религиозно-философских догм — без этого ему грозит угасание. Огромную роль в вопросах брака продолжают играть мотивы экономического и социального характера — необходимость передачи наследства сыновьям и внукам, продолжения рода, закрепления тех или иных позиций в общине и т. п. Институт брака с древних времен находился в сфере влияния индуизма, освящался им, а

³¹ А. Бэшем. Чудо, которым была Индия, с. 179.

брачные узы считались чем-то вечным и незыблемым. Даже в наши дни, когда государство ввело официальную регистрацию брака, ею охвачено крайне ограниченное число супружеских пар. Если юношам в рамках индуизма все же предоставлены некоторые возможности решать вопрос о браке самостоятельно, то свобода представительниц прекрасного пола в этом смысле весьма и весьма ограничена.

Брак и все, что с ним связано, индуистская традиция обставила большим числом обрядов, сложных церемоний, торжественных ритуалов и поверий. Важным аспектом до сих пор считается внешняя сторона брака, блеск, пышность и торжественность, привлечение внимания огромного числа людей. И все это служит освящению брачного союза двух молодых людей, которые, как ни странно, часто еще ни разу не виделись и, естественно, не связаны узами взаимного чувства.

Отсутствие любви между новобрачными отнюдь не считается препятствием для заключения брака. Как серьезную преграду рассматривают индусы принадлежность вступающих в брак к разным кастам или подкастам, различия в материальном и общественном положении, принадлежность к другой религии, несовпадающие гороскопы жениха и невесты, а также целый ряд примет и поверий. Обставив свадьбу частоколом сложных ритуалов, придав ей торжественность и большой общественный резонанс, индуизм достиг того, что его постулаты стали главной нравственной пружиной при заключении брака. Ряд жизненно важных ритуалов, как утверждают сторонники индуизма, нельзя считать действительными, если они выполняются неженатыми мужчинами или в отсутствие жены. Индусы считают, что для нормального функционирования важнейших центров организма человека нужен союз двух сил — мужчины и женщины. Супруги считаются единым целым: они живут друг для друга и вместе выполняют священные функции продолжения рода.

Прелюдия к свадьбе

Предложение о браке обычно исходит со стороны родителей невесты. Поисками подходящей партии заняты многочисленные родственники. При выборе жениха мнение дочери, как правило, роли не играет; ей подчас всего четырнадцать — шестнадцать лет.

При обсуждении той или иной кандидатуры жениха во внимание принимаются главные критерии: религия, община и материальное положение. Любовь — фактор немаловажный, но ее время, считается, наступит после свадьбы. Если в прежние времена будущие супруги вообще могли не знать друг друга до самой свадьбы, то теперь суровая мораль сделала уступку молодым людям: им обычно разрешают увидеться до женитьбы.

Особое внимание уделяется кастовой принадлежности. Нарушение правил, которым веками следовали предки, подчас влечет за собой наказание общины: односельчане станут обходить такой дом стороной, а нарушившие запреты молодожены едва ли смогут рассчитывать на помощь и поддержку членов касты, без чего зачастую им просто не выжить. Поэтому родители невесты переберут добрый десяток кандидатур, прежде чем остановятся на подходящей.

Но вот выбор сделан. Тогда обе стороны приступают к конкретным переговорам. Существенную роль в этом важном деле играют гороскопы жениха и невесты. При изучении гороскопов астролог смотрит, какой день подходит для женитьбы. Он предопределяется соответствующим расположением планет и выбирается астрологом весьма скрупулезно: женитьба — дело самое серьезное, а потому все, включая день и даже час свадьбы, должно быть определено тщательно.

Астролог определяет также *ганам* («кате­го­рию»), к которой принадлежат жених и невеста. Согласно традиции, люди делятся на две категории — *дэвы* («божественные») и *ракшасы* («демонические»). Опытный астролог классифицирует принадлежность будущей четы к тому или иному ганаму в соответствии с расположением планет в момент рождения жениха и невесты. Этот аспект отражается в гороскопе, составляемом еще в младенческом возрасте. Любопытно, что гороскоп в Индии нередко заменяет метрическое свидетельство. Тщательно хранимый, гороскоп служит как бы неофициальной характеристикой тех или иных качеств человека, данных ему свыше. Конечно, момент фатальности, неизбежности того, что всевышний (Брахма) начертил якобы на лбу каждого при его рождении, зачастую отрицательно сказывается на психологии людей, парализуя их волю и стремление подчинить себе жизненные обстоятельства, нередко рождает безволие и апатию.

Жених и его родственники терпеливо выслушивают

толкования астролога в отношении соответствий, вытекающих из расположения планет, под которыми родились молодые. Посматривая на карты звездного неба и лоя лукавый взгляд статуэтки слоноподобного мудрого бога Ганеша, астролог втолковывает посетителям благоприятность, вытекающую из умозрительного анализа сути женского и мужского начала.

Астролог принимает во внимание и другие тесты, к которым он присматривается не менее пристально, и ищет максимальные соответствия всех аспектов гороскопов жениха и невесты.

В последние годы широкое распространение получили матримониальные журналы, дающие объявления, что такой-то жених подыскивает невесту, отвечающую таким-то требованиям. Практикуется обмен с помощью почты заверенными копиями гороскопов кандидатов в женихи и невесты. К гороскопам обычно прикладывается фотография желающих вступить в брак.

Положительный отзыв астролога требует подтверждения у богов, поэтому будущие супруги в сопровождении родни отправляются в храм, где происходит церемония, во время которой жрец перед изображением божества соединяет цветы, принесенные женихом и невестой. Церемония называется «соответствие соединяемых цветков».

Теперь обе стороны — жениха и невесты — могут приступить к обсуждению вопросов, связанных с расходами на предстоящее торжество и с приданым. История изобилует примерами, когда предполагаемая свадьба расстраивалась окончательно и бесповоротно на этом этапе. Иными словами, экономические факторы являются весьма существенными и в таком тонком деле, как женитьба. Следует заметить, что во многих кастах свадьбу со стороны жениха устраивает тетя (сестра отца), а со стороны невесты — дядя (брат матери). В Тамилнаде не допускаются браки между родственниками по мужской линии. В некоторых кастах, например у марава, ядава или надар, возможны браки, кросскузенные по женской линии. У тамиллов обычным явлением считаются браки с дочерьми дяди (по материнской линии) или тетки (по линии отца) — в этом выражаются пережитки древних матриархальных отношений.

Условия предстоящих торжеств обсуждаются сторонами тоже в день, назначенный астрологом. Жених с родней отправляется к дому невесты. Родственники не-

сут медные тарелки с сахаром, леденцами, орехами арековой пальмы, бананами, цветами, шафраном и прочими дарами. Делегацию жениха торжественно встречают, усаживают и предлагают угощение. Здесь же присутствуют соседи — своего рода свидетели предстоящих переговоров. Сторона невесты объявляет, какие дары и плата преподносятся жениху. Свидетели жениха, в свою очередь, обязаны во всеуслышание заявить о своем согласии принять подношения. После этого жених может получить обусловленную сумму денег. Старший мужчина в группе жениха в знак уважения получает новые одежды. В этот же день объявляется дата и час свадьбы. Когда переговоры о дате свадьбы, о расходах на нее, подарках и украшениях окончены, родители жениха и невесты обмениваются между собой *пан супари* (пряностями, завернутыми в листья бетеля). Затем наступает заключительный аккорд устной договоренности — подтверждение состоявшейся помолвки. Отец жениха последний раз обменивается с отцом невесты листьями бетеля и фруктами. После этой церемонии ни одна из сторон уже не вправе отвергнуть или расстроить свадьбу, а если такое происходит, то для брошенной невесты это настоящее несчастье и позор, так как едва ли кто-нибудь возьмет ее после этого в жены.

В период подготовки к свадьбе происходит еще одна церемония — передача стороной жениха ткани на нижнюю юбку невесте. Никакие прочие одежды не могут быть вручены невесте без такой ткани — этому правилу здесь следуют весьма строго.

Обязательные церемонии, предшествующие вступлению в брак, способствуют широкой огласке этого события. Подготовительным мероприятиям, практикуемым тамилами, отводится важное место. Тщательная подготовка к свадьбе, считают в народе, призвана обеспечить успех главному событию — церемонии бракосочетания, а также всей будущей жизни молодой семьи. Поэтому каждая последующая церемония или ритуал вытекают из предыдущих и рассматриваются как необходимое звено в сложной цепи свадебной обрядности.

Прочная связь повседневной жизни народа с земледелием прослеживается в отдельных штрихах досвадебных и свадебных ритуалов. Отзвуки культа плодородия сохранились, например, в одной из подготовительных свадебных церемоний, заключающейся в посадке зерен риса или пшеницы в особый горшок. По истечении оп-

ределенного числа дней горшок проверяют. Добрым знаком считается, если зерна дали дружные всходы. Весть об этом событии быстро распространяется в округе, вселяя в сердца родственников радость и воодушевление.

До сих пор среди тамиллов бытует такой способ приглашения на свадебные торжества, как подношение бегемота. Человек, получивший его, должен изъявить радость и приятное удивление, поблагодарить за оказанную честь и послать в дом жениха и невесты свои благословения.

Большое внимание уделяют тамиллы устройству *пандала* — свадебного шатра. Для этой цели нанимают мастера, покупают или берут напрокат декорации и украшения. Даже установка первого столба возводимого пандала производится в день, определяемый астрологом. Параллельно производится закупка веток и листьев индийского кораллового дерева *Eritrina Indica*, которые используются для украшения помоста для новобрачных. Организаторы свадьбы не забывают запастись топленым коровьим маслом (*гхи*), листьями манго и прочим «сырьем», которое используется в ритуале бракосочетания. Ведутся переговоры с музыкантами — ведь на торжествах должны обязательно звучать приятные мелодии.

Искрящееся веселье свадьбы

Свадьбы у тамиллов, в особенности в деревнях, приурочиваются к месяцу *тай* (он длится с середины января до середины февраля). Месяцы *ани* (июнь—июль) и *пангуни* (март—апрель) считаются неподходящими для свадеб. В большинстве случаев свадьба происходит в доме невесты. Для этой цели в деревнях устраиваются навесы с крышей из пальмовых листьев в расчете на большое количество гостей. В городах для этих случаев часто арендуют специальные постройки, нанимают оркестр и труппу актеров.

Рассказ о свадьбе будет неполным, если не упомянуть о некоторых специфических церемониях, ей предшествующих. В среде брахманов, например, до сих пор бытует обряд *наланги* — своего рода прелюдия к свадьбе, когда родственники невесты преподносят родне жениха, гостящей в доме невесты, сладости и другие подарки. Подношения вместе с новой посудой переходят

в собственность молодых. Родственники жениха тоже не остаются в долгу. В ответ они совершают обряд «укрепления межродственных уз». В присутствии родственников невеста натирает жениху стопы пастой куркумы. В ответ жених красит стопы своей избранницы, после чего она с подносом, наполненным отварным рисом с шафраном, трижды обходит своего суженого. Обряд налангы предусматривает также взаимный обмен черным горошком, которым они поочередно посыпают головы друг друга. Присутствующие женщины под аккомпанемент музыкального инструмента поют величальные песни, а в заключение проводят церемонию *аратти* — покачивают перед молодыми поднос с порошком куркумы, смешанным с гашеной известью. Это делается с целью отпугнуть «злых» духов, которые якобы стремятся сгладить жениха и невесту:

Обычай налангы, по мнению многих тамиллов, поможет молодым побыстрее привыкнуть друг к другу, чтобы взамен робости и стыдливости к ним пришла непринужденность в общении, столь нужная при совместной жизни. Сандал и шафран служат символом радости. Рис и горошек должны принести благополучие.

Нельзя не упомянуть древнейшего обычая *малейматрам*, органически входящего в систему свадебных церемоний. Он заключается в возлагании цветочных гирлянд на шею дяди по материнской линии. Этим скрепляются семейные и родовые узы, признаются авторитет и мудрость старших. Дядя, в свою очередь, просит жениха и невесту обменяться гирляндами.

После свадьбы молодая жена становится обладательницей высокого титула *сахадхармини* — «та, которая совершает обряды вместе с мужем». Жених, возлагая на шею невесты гирлянду живых цветов, как бы передает ей часть своей духовной силы.

После того как жених принят в доме невесты, ему вручают новую одежду, купленную его отцом или родственником отца. Теперь жених обязан принять участие еще в церемонии «добровольного наказания, епитимьи». Эта церемония похожа на условную игру, суть которой заключается в следующем.

Жених громко объявляет, что он, видите ли, изнемогает от душевного одиночества и поэтому решил отправиться в паломничество к святым местам далекого города Варанаси. Отец невесты или ее брат, проникнувшись сочувствием к страданиям молодого человека, на-

чинает отговаривать его от путешествия и связанных с ним лишений. Взамен жениху предлагают спасение от одиночества — начать счастливую семейную жизнь с присутствующей на церемонии обворожительной девушкой. Жених, естественно, с радостью соглашается на это заманчивое предложение и отказывается от паломничества в далекий Варанаси.

Свадебные торжества в Индии связаны с большими расходами, которые ложатся тяжким бременем на плечи родителей. Достоинство принять и угостить жителей всей деревни или триста-пятьсот гостей в городских условиях — дело, требующее немалых затрат. Не случайно правительство Индии сочло необходимым в интересах самих же граждан активно вмешаться в эту сторону жизни народа и принять в начале 70-х годов специальный закон «Тэст контрол акт», в соответствии с которым число приглашенных на свадьбу гостей не должно превышать двухсот пятидесяти человек. В противном случае устроителям свадебного пира грозит крупный денежный штраф или тюремное заключение. Отпечатанные типографским способом приглашения рассылаются родственникам, друзьям и знакомым. Они в достаточной мере стандартны и очень похожи на приведенное ниже.

Свадебное приглашение

«Редкостные качества жены есть благо для ее мужа, а прекрасные дети — это жемчужины сего блага».

Дорогой аяя!

Милостью того, кто хранит нас, в год читтартти, в восемнадцатый день месяца вайкаси (31.5.80), в воскресенье, в благоприятные часы первых проблесков солнца — в 2 часа 30 минут утра — состоятся торжества по случаю бракосочетания моего младшего сына Амбалаванана с Сивахамияммей, третьей дочерью досточтимого Тиру Муттейя Четтияра. Покорнейше прошу прибыть Вас, Ваших родственников и друзей в Дом свадеб в Тьягараянагар и принять участие в пиршестве, назначенном на 5 часов утра указанного дня, а также созерцать соответствующие свадебные церемонии, завещанные тамильской ведой. Гостям предлагается слушание

гимнов «Теварам» в исполнении достопочтенного тиру Сундара Одувамуртти из Тирунельвели.

К сему
отец Амбалаванана

Мадрас
20.5.1980

Примечание: Нижайше прошу не обременять себя подарками для новобрачных.

Пусть читателя не смущает время начала торжеств — ведь благоприятное время определено вычислениями астролога, а его указания непререкаемы.

Свадьба, порой длящаяся несколько дней, проходит под огромным навесом, обращенным к улице, чтобы все могли наслаждаться неповторимым зрелищем. Желающих посмотреть свадьбу предостаточно. На лицах женщин и радость, и восторг, и печаль. Возможно, они вспоминают далекие дни своей молодости, когда сами были невестами.

Часто гостей встречают два нанятых писца. Они вооружены гроссбухами и ручками. В их обязанности входит скрупулезный учет всех подарков, сумм денег, которые приносят приглашенные, чьи имена аккуратно заносятся в графу «гости».

Под свадебным навесом устраивается специальное возвышение для жениха и невесты. Справа от жениха сидит невеста. Многочисленным гостям объявляют, что сторона невесты дарит новобрачной такое-то приданое, а жениху дарят подарки. Родственники жениха согласно кивают — им-то все известно заранее, но традиция требует соблюдения ритуала. Зачастую тут же жених передает обусловленную сумму денег за невесту. Гостей обносят сладостями, фруктами, им дарят цветы. Старший со стороны жениха получает в подарок новые одежды.

Наступает кульминационный момент бракосочетания — повязывание на шею невесты священного желтого шнурка — *кайры* с символом замужества — *тали*. У брахманов перед этой церемонией принято приносить в жертву богам кокосовый орех.

После напутственных слов старших тали передают жениху и с помощью младшей или старшей сестры он трижды обвязывает им шею невесты. Три узла тали символизируют три лица: жену, мужа и его сестру. Сразу

после этого невеста занимает место на возвышении слева от жениха. Отныне ей предназначено сидеть только с левой стороны от него. На свадьбе, принимая поздравления гостей, молодые сидят лицом на восток. Слышатся ликующие звуки *надасварама* — длинной деревянной трубы, классического музыкального инструмента. Смех, шутки, громкая музыка — все сливается в радостном веселье.

Приглашенные на свадьбу девочки тоненькими голосами слаженно поют величальные песни. Молодых осыпают цветами и зернами риса. Муж и жена обмениваются гирляндами живых цветов. Во многих кастах принято, чтобы в присутствии бога огня Агни, чье появление вызвано якобы заклинаниями, молодые, устремив взоры на потрескивающие светильники, обходили бы огонь, связавши концы своих одежд. Они дают торжественное обещание заботиться друг о друге.

После ритуала надевания тали следует обильное угощение — разумеется, без спиртного. Свадьбу стараются иллюминировать как можно ярче: ведь, согласно поверью, яркий свет прогоняет злых духов, которые только и ждут удобного случая, чтобы сглазить новобрачных. Молодые приносят благодарность родителям и гостям.

Тамильская свадьба — зрелище яркое, красочное. У некоторых каст на свадьбах принято обливать новобрачных и близких родственников куркумовой водой. Это, как объясняют тамилы, отголосок бытовавшей некогда привычки излишне горячих гостей к рукопашным схваткам. Куркумовая вода в таких случаях использовалась, чтобы охладить не в меру пылкие натуры и помочь скорейшему заживлению ран пострадавших.

До сих пор на тамильской свадьбе принято усаживать молодых на качели. Раскачивая их, девушки поют колыбельную песню, желая молодым потомства. Смысл такой церемонии понятен всем.

Вдруг среди всеобщего веселья раздается чей-то громкий голос. Гость, пытаясь изобразить рыдания, обращается к присутствующим:

— Что теперь будет, люди добрые! Посмотрите только, посмотрите! Какую красавицу мы выдаем замуж за этого косомордого жениха! Нет, я не переживу этого, лучше съем целый горшок риса!

Гость продолжает высмеивать жениха, поддевая его, бичуя несуществующие дефекты внешности.

Но почему-то никто из гостей не проявляет признаков беспокойства, а жених все больше и больше расплывается в радостной улыбке. Оказывается, это всего лишь игра, дань традиции, ведь на свадьбе должно быть как можно больше смеха и шуток. В противном случае жизнь молодых будет унылой и скучной.

Наконец жениха оставляют в покое. Теперь наступает очередь его друзей высмеять невесту.

— Как вынесет все это наш любимый Шанмуга! — нараспев произносят друзья жениха, выкатывая глаза, цокая языком и делая трагические лица. — Взгляните, люди добрые, какое чучело подсунули бедняге вместо невесты! Да ведь это сущий ракшас в сари! Аййо! Аййо!

С шутками, остротами, кажущимися непосвященным язвительными, ведется песенный диалог между друзьями жениха и невесты. На самом деле каждая колкость, насмешка или острота воспринимается присутствующими как похвала тем или иным качествам молодоженов.

Свадебные процессии — незабываемое зрелище. Молодых либо несут в паланкине, либо усаживают на лошадь или слона. Правда, в последнее время молодожены пользуются услугами автомобиля. Медленно и торжественно движется красочная процессия под звуки флейты и дробь барабана. На новобрачных гирлянды тропических цветов. Живописная толпа останавливается возле домов соседей. Хозяйка дома или ее дочь выходят навстречу процессии с сосудами, наполненными водой, смешанной с куркумой и с подносами, на которых фрукты и сок кокосового ореха. Сосуд подносят молодым и содержимое его разбрызгивают вокруг жениха и невесты — тем самым как бы отгоняют от них злых духов. В это время родители молодоженов угощают соседей бетелем, сладостями, фруктами.

Молодых торжественно провожают до дома мужа и даже до отведенного им помещения, в котором устроено пышное ложе, убранное цветами и освещенное слабым светом светильников. Гости поют шуточные песни, поздравляют, подбадривают робеющих жениха и невесту, стараются вселить в них уверенность:

Наши друзья — он и она —
Стали единым, соединились.
Пусть они долго живут,
Охраняя супружество!
Шестнадцать видов богатств
Пусть придут к ним,
И пусть детей нарожают они!

Цветочное ложе ждет их
И ищет уже
Красавца этого с гирляндой на шее
И юную деву
С распущенными, как туча, волосами.
Ложе их ждет! —
Да создадут они вдвоем гимн любви!³²

Обязательным моментом свадьбы, прослеживаемым в фольклоре, в классической и новой поэзии тамиллов, считается притворная ссора, взаимное уговаривание и примирение супругов, своего рода игра, узнавание друг друга, способ обрести раскованность и естественность.

По традиции в комнате для новобрачных устанавливают новую кровать, подаренную матерью невесты. Жена угощает мужа молоком и свежим соком кокосового ореха, считающимися необходимыми знаками внимания и заботы юной жены о спутнике жизни. Цветы, ароматные палочки, светильник, сандал — все это обязательные предметы для комнаты, отведенной новобрачным.

Итак, брак заключен. Юноша и девушка стали *дам-пати*, то есть законными супругами. После того как жених повязывает девушке тали, разлучить их может лишь смерть.

В индуистских священных писаниях «Дхарма шастрах» сказано, что муж без жены рассматривается как нечто несовершенное.

Тамилки, как и все индуски, обычно делают прямой пробор. К волосам они непременно прикалывают яркие свежие цветы. Они меняют сари, обувь, расцветку ткани, цветы в волосах, но пробор остается неизменным. Сведущие тамилы объясняют традицию ношения прямого пробора следующим образом.

Согласно индуистской философии, в прекрасной половине человечества заложена *шакти* — сила, стимулирующая пробуждение творческого мужского начала — *шивалингама*. Шакти способствует проявлению мужской созидательной энергии, воплощенной в образе Шивы. Ни шакти, воплощенная в образе супруги этого бога, ни шивалингам не могут проявить себя без тесного союза. По этому поводу существует миф.

Было время, когда могущественный Шива полагал, что он вмещает в себе все силы мира. Парвати решила проучить своего самонадеянного супруга и доказать,

³² Барадидасан. Нектар музыки. Т. 2. Мадрас, 1967, с. 5 (на тамил. яз.).

что без ее помощи он будет бессилен, как грудной ребенок. Поэтому она на некоторое время покинула Шиву, хотя была с ним обычно неразлучна и существовала в нем. И тут всемогущий Шива почувствовал, что совсем лишился сил и энергии. Он не мог даже подняться. Вскоре мудрая Парвати вернулась, и он попросил ее помочь ему встать. И тут он понял, что именно жена вливает в него силу и неисчерпаемую энергию.

Этот миф объясняет обычай индийских женщин носить пробор на голове, разделяющий волосы на две равные части и символизирующий единство мужского и женского начала и союз положительных и отрицательных сил. Нерасторжимый союз..

Однако нет правил без исключения. Случается, что супруги оказываются перед необходимостью развода. В Тамилнаде таким правом пользуются как муж, так и жена. В этих случаях они обращаются к старейшинам деревни, в панчаят, и излагают взаимные претензии. Внимательно выслушав обе стороны, детально расспросив и узнав обстоятельства дела, старейшины выносят решение. Обычно они дают супругам какое-то время на то, чтобы те попытались помириться и сохранить семью. Если муж все-таки решается на развод, он отламывает кусочек от крыши своего дома и несет его родственникам жены. Этим самым он как бы говорит: приходит время, когда крыша ветшает и не может более защищать дом и семейный очаг от бурь и непогоды. Так и он не желает впредь быть защитником и опорой женщине данного рода.

Если от брака имеются дети, то заботу о них берет на себя отец. Желая расторгнуть семейные узы обязан выплатить покинутой жене некоторую сумму денег. В случае если инициатива развода исходит от жены, то она обязана вернуть полученные во время свадьбы деньги. Ей следует также снять браслеты и оставить их на пороге дома мужа.

После развода бывшие супруги не должны ссориться. Разведенная женщина имеет право выйти замуж второй раз и даже поселиться по соседству с домом бывшего мужа. Правда, формы развода варьируются от касты к касте, иногда значительно. Есть, например, касты, которые допускают, чтобы женщина, находясь в освященном обычаями браке, могла забеременеть от другого. У представителей некоторых земледельческих каст и среди ремесленников до сих пор бытует обычай брать

в дом вторую жену. Естественно, это влечет за собой немалые расходы. Иногда мужчина содержит несколько жен — ведь в хозяйстве никогда не помеха лишняя пара бесплатных рук, но многобрачие запрещено законом.

В касте брахманов положение женщины наиболее затруднительно, так как после смерти мужа она не вправе более никогда выйти замуж. История знает немало трагических судеб таких женщин, они ярко описаны тамильскими писателями, выступающими в защиту вдов.

Многое изменилось в свободной Индии к лучшему. Постепенно ветшают старые представления, в том числе и в отношении женщин. Значительных успехов добились они в борьбе за свои права. Даже в кастах, наиболее трудно поддающихся влиянию нового времени, заметны перемены. Не так давно правительством штата Тамилнад было принято особое постановление в поддержку межкастовых браков. Вот что сообщает по этому поводу журнал «Азия и Африка сегодня»: «В целях ускорения ликвидации межкастовых барьеров, до сих пор сохраняющихся в индийском обществе, правительство индийского штата Тамилнад всячески поощряет межкастовые браки. При зачислении в штат государственных предприятий и учреждений преимущество предоставляется лицам, состоящим в браке с представителями других каст. Особо приветствуются браки между членами так называемых „высоких“ каст и хариджанами (неприкасаемыми). В этом случае молодым супругам выплачивается вознаграждение в размере пяти тысяч рупий»³³.

Объявленная правительством штата сумма вознаграждения — один из многочисленных штрихов, характеризующих современную жизнь Индии и стремление ее передовых сил навсегда докончить с институтом каст, разделяющих граждан этой страны на «высоких» и «низких».

³³ «Азия и Африка сегодня». 1979, № 8, с. 53.

...ДО ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТРА

Привычки, приобретенные с детства,
сохраняются до погребального костра.

Тамильская пословица

В наше время, в век космических скоростей и полетов на Луну, приметы и поверия, все еще бытующие у разных народов мира, в том числе и у индийцев, могут показаться наивными и не заслуживающими упоминания. Однако не будем спешить с выводами. Конечно, эпоха научно-технической революции оказывает воздействие на умы, быт и уклад жителей Индии, рушит старые представления о мире. Тем не менее множество поверий и традиций продолжают жить. Их следует изучать, чтобы понять их истоки: ведь они накладывают своеобразный отпечаток на представителей того или иного народа, его быт, культуру и искусство. Довольно часто эти штрихи и, казалось бы, незначительные детали, сопровождающие и тамиллов от рождения до самой смерти, непосвященный человек сразу не замечает — они не всегда лежат на поверхности.

На первый взгляд кажется, будто приметы и поверия не могут оказывать какого-либо влияния на житейские дела, на те или иные поступки в тех или иных ситуациях. Это не всегда так и не совсем так. Существует, например, в некоторых деревнях дистрикта Тирунелвели такая примета: если по пути на смотрины жениху встретилась телега с дровами или бамбуком или он услышал крик антилопы, то можно с уверенностью сказать, что свадьба не состоится. Жених с проклятиями повернет назад и известит нетерпеливо ожидающих его родителей невесты о своем отказе.

Вот вам и примета! С виду вроде невинная, но обращивается совершенно неожиданной стороной.

...Раннее мадрасское утро. К только что открывшей-

ся лавочке подошла пожилая дама. Наметанный глаз лавочника тут же определил, что она, судя по всему, совсем недавно приехала сюда из Европы. Порывшись в изящной сумочке, дама обратилась к почтительно улыбавшемуся лавочнику:

— Спички, пожалуйста.

Лавочник сконфуженно развел руками:

— Может, амма³⁴ желает пудру? Чудесная сандаловая пудра «Звезда экрана».

— Нет, мне нужны только спички.

— Если амма не желает пудру, могу предложить губную помаду индийского производства.

— Я ведь ясно сказала: мне нужны спички. Вот эти, они лежат в углу. Может, они не продаются?— поинтересовалась покупательница, подняв удивленно брови.

— Здесь все продается, амма.

— Тогда давайте спички. Как странно!— дама теряла терпение.

— Не желает ли амма взглянуть на сигареты? Индийские или западные? Вот эти, «Кинг сайз», всего пять рупий,— продавец явно уклонялся от разговора о спичках.

— Сигареты я тоже возьму. Но чтобы их курить, нужны спички. Понимаете, огонь?— недовольно проворчала покупательница.— Просишь одно, тебе предлагают другое. Давайте и сигареты, но без спичек они мне ни к чему.

Лавочник просиял, с готовностью положил перед дамой пачку сигарет и, облегченно вздохнув, тут же любезно подал ей спички. Церемония купли-продажи свершилась. Женщина удалилась, оставив довольного лавочника...

Почему так странно вел себя продавец и на просьбу продать один товар предлагал другой, делая вид, что не понимает покупателя? Подобный диалог в Индии можно услышать только между покупателем-иностранцем и продавцом в определенные часы торговли.

Дело тут отнюдь не в мошеннических намерениях хозяев лавок, у которых частенько и товару-то наберется всего на сотню-другую рупий, а в определенных повериях и приметах, связанных со сферой деловых отношений, с торговлей. Местный житель, придя в лавку

³⁴ Амма — уважительное обращение к женщине в Южной Индии.

сразу же после открытия, едва ли попросит ее владельца отпустить в качестве первого товара спички, керосин, иголки или продукты растительного происхождения. Тамилы знают: почином такие товары и продукты служить не могут. Как не удержать в ладошке керосин — он растечется, так и дневную выручку, например, если продать керосин первым. Такой же своеобразный запрет традиция накладывает и на спички и иголки.

В сознании тамила спички ассоциируются с огнем, и торговцы, естественно, не желают, чтобы их выручка превратилась в дым. Считается, что богиня удачи и богатства Лакшми проявляет особую благосклонность к тем, кто работает в сфере торговли. Следовательно, не надо причинять благодетельнице неприятности, продавая в качестве первого товара такие колющиеся предметы, как иголки. Не продают первым также мыло и его заменители, а также *арэйппы* — порошок, изготовленный из листьев мыльного дерева. В тамильских деревнях до сих пор вместо мыла пользуются известными издавна органическими заменителями — измельченными в порошок плодами мыльного дерева. Для придания высоких моющих свойств в него вносят добавки — арэйппы, истолченную кожуру лимона и растертые до порошкообразного состояния плоды *нелликкай* (индийского крыжовника). Этому виду крыжовника молва приписывает чудодейственные свойства: он якобы делает человека бессмертным.

Однажды, гласит легенда, во время прогулки тамильский царь Адияман повстречал знаменитую поэтессу Аувэйяр, известную своей мудростью. Выражая благосклонность и уважение поэтессе, царь сорвал единственный плод крыжовника и протянул его Аувэйяр со словами:

— Если я съем этот плод, увя, не обрету бессмертия. Цари не вечны на земле. Другое дело вы, поэты. Вы остаетесь навсегда в памяти людей...

Считается, что богиня Лакшми «обитает» в некоторых видах растений, в том числе и в плодах крыжовника. Они обладают удивительно высокими питательными свойствами и содержат вещества, смягчающие кожу. Если торговец продаст в первую очередь такое мыло, то это все равно, что смыть с себя прикосновение богини удачи. Поэтому и мыло, и мыльный порошок сразу же после открытия магазина не продаются — иначе, согласно поверию, лавочника весь день ждут неудачи.

У торговцев существует немало своеобразных, подчас причудливых примет, поверий и верований. Незнакомый с подобным «торговым» этикетом человек невольно поставит владельца лавки в затруднительное положение.

Любопытна, например, ситуация, когда покупатель спрашивает товар, которого нет в данном магазине. Продавец никогда не произнесет страшного для него слова *иллей* — «нет». Само по себе отсутствие тех или иных товаров — это полбеда. Их всегда можно найти у оптовых торговцев. Куда более грозным и коварным для торговцев считается некий злой дух, притаившийся где-то в лавке. Он только и ждет, чтобы владелец произнес «нет». Тогда-то уж не сдобровать! Злой дух немедленно примется за свое дело и предпримет все, чтобы в этой лавке действительно не было товаров и дела пришли в упадок.

В торговле важную роль играют время дня, часы, месяц и сезон года. Первая выручка, почин, сделанный с самого утра, имеет в глазах торговцев весьма существенное значение. Деньги за первый проданный товар лавочник принимает с особым благоговением, он берет их в протянутые ладони и прижимает к глазам, моля богов послать удачу. Если в магазине отсутствует нужный покупателю товар, ему предложат другой — тем самым дадут понять, что необходимого товара нет.

Бывает, что у хозяйки кончилась соль. Тогда она обращается с просьбой к соседке, и та, если у нее тоже не окажется соли, никогда не скажет об этом прямо — говорить «нет» не принято. Обычно соседка в таком случае скажет: «Как же, с удовольствием поделимся, да у нас соли много! Сейчас, сейчас», — и достанет где-нибудь горшочек с солью.

Тамилы вообще весьма охотно откликаются на любую просьбу, они с готовностью помогают друг другу. Если почему-либо они не могут выполнить просьбу, то не скажут об этом в категорической форме. Их отказ будет облечен в такие выражения, что своим отказом они доставят вам удовольствие. Это одна из черт национальной этики тамиллов.

Поверия, как видим, рождают свой условный язык, накладывают своеобразный отпечаток на характер народа. Незнакомый с такого рода условностями человек часто ставит себя в довольно затруднительное положение.

С детства тамилки находятся под постоянным бди-

тельным надзором и опекой мужчин — родственников. «Отец охраняет ее в детстве, муж — в юности, сын — в старости. Нельзя предоставлять женщину самой себе»³⁵, — гласит индийский афоризм. Соблюдение традиционного этикета в отношении женщин сказалось на многих сферах жизни, и не всегда в пользу женщины. В этом смысле немало изменилось к лучшему в свободной Индии, но многие традиционные взгляды и нормы морали продолжают бытовать. Например, считается дурным тоном обращаться на улице к незнакомой девушке или женщине с вопросами самого невинного характера. Юные девушки в Индии редко отправляются по делам одни. Обычно их сопровождает или брат, или подруга, или мать. Правда, имеется определенная дифференциация: среди трудового люда — крестьян, рабочих, ремесленников, мелких торговцев — отношения проще, естественней.

Этикет требует, чтобы в разговоре двух мужчин имя жены не упоминалось. Считается предосудительным спрашивать о здоровье чужой жены или передавать ей поклоны. Учтивость требует справляться о здоровье членов семьи вообще. В городах Тамилнада в автобусах и кинотеатрах есть места для мужчин и отдельно — для женщин.

Мадрасские железнодорожные и автобусные вокзалы южного направления по четвергам и средам мало загружены. Тамилы знают, что скрывается за понятием *варасулам*. Считается, что трезубец (*сулам*) в руках бога Шивы в течение недели (*варам*) поворачивается в разные стороны. В среду и четверг ехать на юг не рекомендуется, чтобы не попасть под неблагоприятное воздействие оружия грозного бога. В воскресенье и пятницу, говорят тамилы, трезубец направлен на запад, во вторник — на север. Все это хорошо известно в Индии.

Что касается путешествий, поездок, то у тамиллов тоже существует немало поверий, предзнаменований и примет. Перед поездкой обязательны добрые напутствия. Хорошим знаком считается увидеть перед тем, как отправиться в путь, свадебную процессию, цветы, коршуна, собаку или белку, движущихся справа налево. Сулит удачу в поездке встреча с коровой, попугаем, цестухом или павлином, но при условии, что они движутся слева направо. Крик обезьяны, звук колокольчи-

³⁵ Древнеиндийские афоризмы. М., 1966, с. 31.

ка — все это предвещает удачу. Плохими приметами перед поездкой считаются встреча со змеей, одиноким брахманом, кошкой, отшельником или цирюльником. Нежелательно услышать звуки похоронной процессии. Плохая примета, если вдруг споткнешься на пороге, прежде чем отправиться в путь. Если нечто подобное произошло, то лучше всего нейтрализовать вредное воздействие этих «знаков». Тогда ортодоксальные тамилы возвращаются в дом, очищают себя водой, отдыхают и только после этого снова отправляются в дорогу.

Приметы и поверия сильно варьируются от касты к касте. Особенно тщательно следуют им представители так называемых «средних» каст.

Существуют у тамиллов поверия и приметы, связанные с временем суток, с днями недели.

Например, пятница для тамилок, как, впрочем, и для подавляющего числа женщин Южной Индии — особый день. Каждую неделю в этот день, означенный как «день ритуальной чистоты», женщины особенно тщательно делают омовение, надевают свежие одежды и совершают особые жертвоприношения. Этот день недели принадлежит им, и по пятницам прекрасная половина человечества может немного свободнее вздохнуть, перевести дух, уделить больше времени общению с подругами или остаться наедине со своими сугубо женскими мыслями, чувствами и переживаниями.

В этот день тамилки особенно тщательно избегают прикасаться к невегетарианской пище — чистота душевных помыслов должна быть подкреплена физической. В эти дни мужчины обычно идут навстречу женам и принимают во внимание их особый настрой и весьма скромные желания. Цветы, фрукты, сладости, нежное слово — вот лучший подарок любимой женщине в такое время.

Система взаимоотношений между мужчиной и женщиной в Тамилнаде, как и повсюду в Индии, имеет много характерных черт. Например, на виду у всех муж и жена не могут открыто проявлять свои чувства по отношению друг к другу. Нежное пожатие рук, ласковый взгляд, невинный поцелуй — строгий запрет накладывает на это традиция. Интимная сторона жизни не должна быть предметом обсуждения окружающих. Предосудительными считаются поцелуи и объятия супругов на виду у всех, даже если муж и жена встретились после длительной разлуки. Допускается традиционное привет-

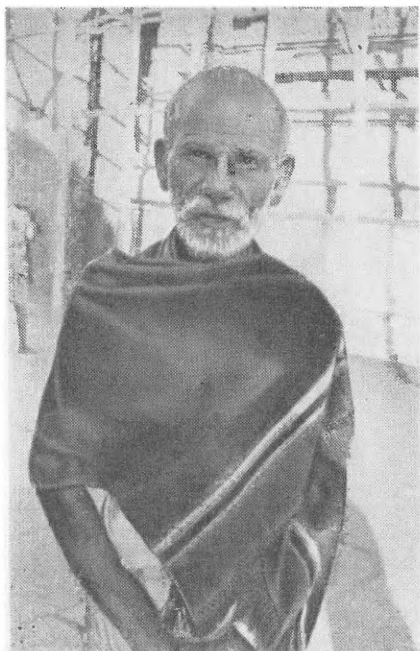

Возвращаясь с рыбной ловли, тамильские рыбаки несут разобранный катамаран (г. Мадрас)

Тамильский писатель Д. Джеякантан возле дома рабочего

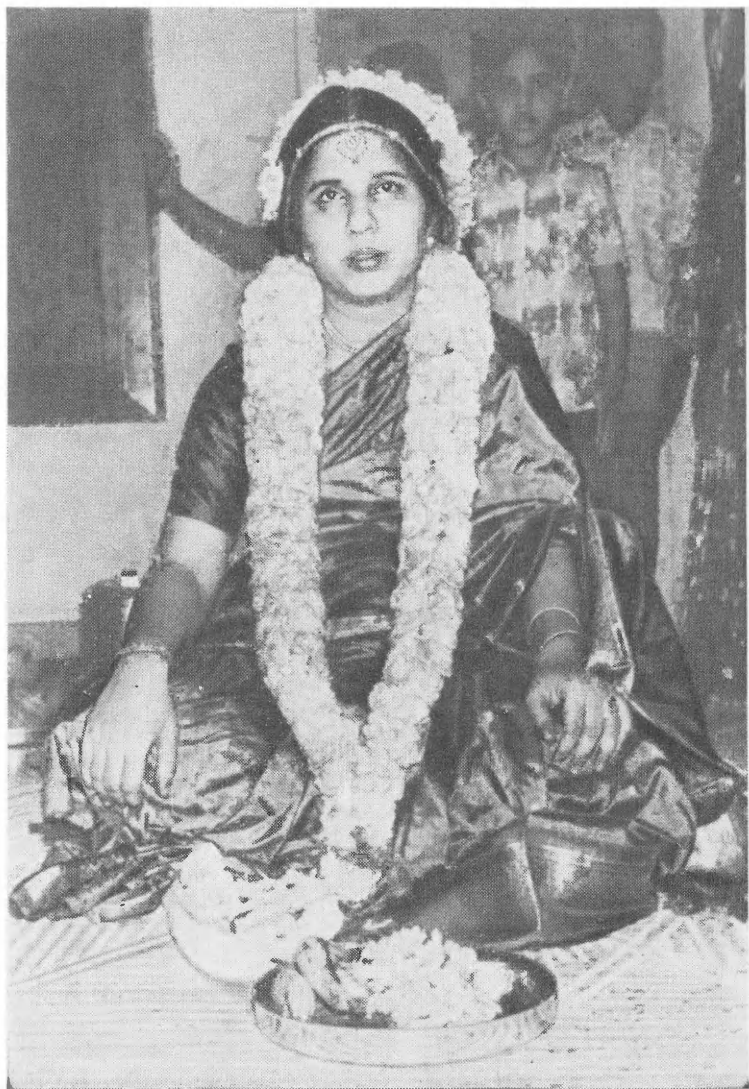

Возле храмов здесь нередко можно встретить нищенствующих аскетов

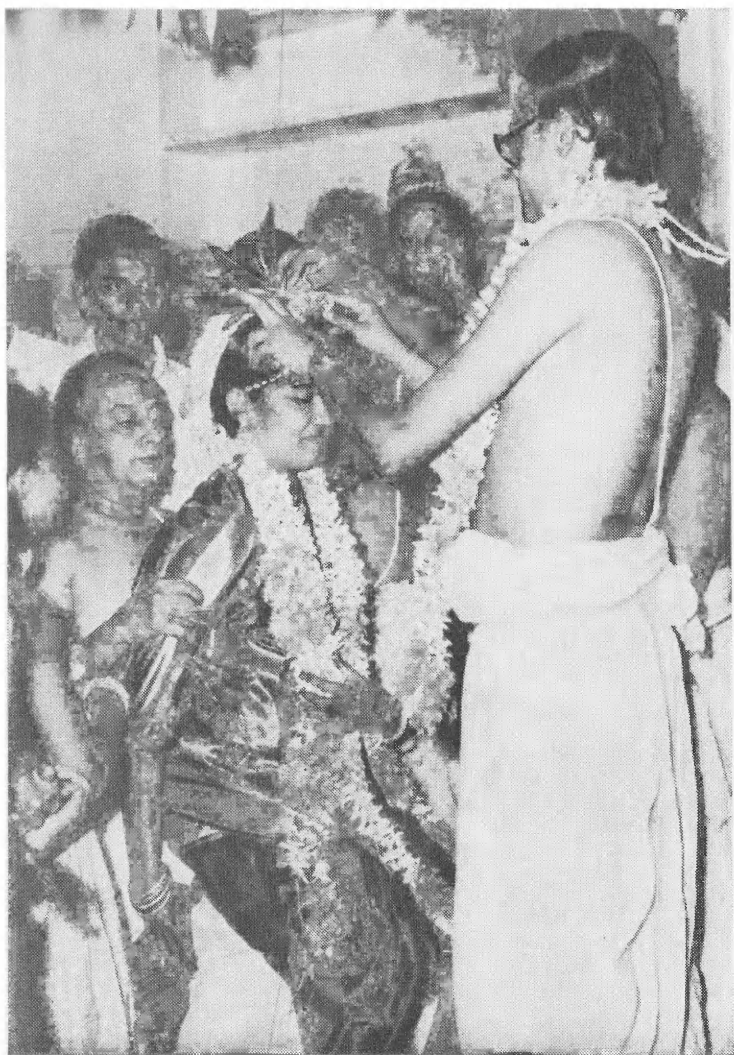

Уличный джосняр-астролог

Тамильская женщина за молитвой

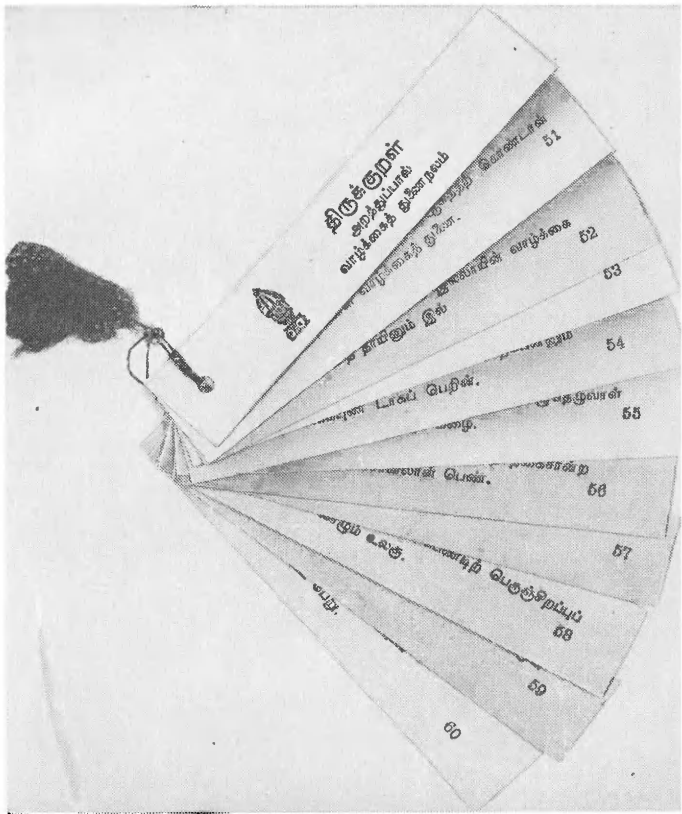
Тамильская свадьба у вшпунитов. Обряд мавилей

Юная танцовщица исполняет танец бхарата-патьям

Ансамбль С. М. Горького
(«Вилисей кужувинар»,
г. Сивагири)

Книга «Тируккурал» на пальмовых листьях

Памятник автору «Тируккурала» Тируваллувару (г. Мадрас)

Храмовой танец

ствие жены в адрес мужа (она складывает перед грудью ладони). Он, в свою очередь, справляется, все ли в порядке дома, и тут же переключает свое внимание на детишек, родственников и друзей.

Такое положение, когда именно мужчине отводится роль инициатора в семейных и прочих делах, характерно и для других народов Индии. Это — традиция, а с ней, как известно, спорить трудно, хотя она и может дать пищу для размышлений и дискуссий сторонникам раскрепощения женщин.

Приметы и поверия, как мы уже говорили, сопровождают тамилы от рождения и до погребального костра. Одни из них можно проследить только в Тамилнаде, другие являются общими для соседних с тамилами народов. Некоторые из обычаев и примет родились сравнительно недавно, дату рождения можно установить с высокой степенью точности, а есть и такие, которые встречаются уже в древнетамильской литературе, и их черты прослеживаются на протяжении веков.

Так, может неблагоприятно сказаться на здоровье находящегося во чреве матери ребенка отказ исполнить ее желание, например, в выборе тех или иных блюд, расцветке ткани и т. д. Следует всячески потакать даже мимолетным капризам будущей матери. Ей надо остерегаться брать в руки колющие или режущие предметы. Это особо касается тех, кто ожидает первенца. Такие женщины не должны заниматься шитьем и касаться иголки.

Новорожденный буквально окружен частоколом поверий. Немало огорчений доставляет родным появление на свет девочки под знаком созвездия Пурадам. «Рожденная под знаком Пурадам — рожденная быть сиротой», — гласит поговорка (Пурадам — это второе, согласно индуистской космогонии, «лунное созвездие»). Веками прививаемое религией отношение к женщине весьма откровенно сквозит в такой поговорке: «Рождение мальчика — это рождение царя; рождение девочки — это гибель». Смысл этого высказывания достаточно красноречив. «Сквозь всю историю культуры, — писал А. М. Горький, — проходит постыдный факт, который до сего дня не получил должного критического изучения и утверждается в качестве незыблемой „истины“ и „закономерности“. Факт этот — отношение к женщине как к существу низшего — сравнительно с мужчиной — типа, существу, якобы органически не способному раз-

виваться до высоты интеллектуального роста мужчины»³⁶.

Среди тамиллов бытует, например, такое поверье: если четвертым по счету ребенком родилась девочка, это предвещает семье гибель. Существует много других примет, связанных с рождением ребенка. При обсуждении вопросов женитьбы договаривающиеся стороны не забывают навести справки и об этой стороне дела. Пожалуй, больше всего повезло близнецам. Тамиллы всегда радуются их появлению на свет, потому что верят, будто рождение мальчиков-близнецов, так же как и девочек, сулит семье счастье и благополучие. Однако рождение разнополых приветствуется не столь оптимистически.

У тамиллов существует немало поверий, касающихся явлений природы. Появление в лавках огромного количества дешевых металлических перстней — верный признак того, что близится затмение Солнца. Чтобы как-то «застраховать» себя от дурного воздействия сил, вызывающих потускнение небесного светила, женщины спешат надеть металлические перстни. В часы затмения беременные женщины стараются не выходить на улицу.

Многие приметы и поверия связываются в сознании верующих с животными, растениями либо с какими-то предметами. Так, считают, что крики определенных птиц и животных предвещают неудачу или даже смерть. Например, крик осла или обезьяны — доброе предзнаменование, а совы — дурной знак. Если мычит корова — значит, жди гостей, а воет пес — скоро кто-то умрет. Хороший знак, если на улице встретится девушка, брахман, корова с телятком, слон, буйвол, лошадь или если вы увидите корзину с цветами, особенно с лотосами или с фруктами, сандалом. Столкнуться с увечным, с человеком в мокрой одежде, увидеть змею или рассыпанную соль — все это недобрые предзнаменования.

Оказывается, эти приметы объясняются тем, что планеты каким-то образом «вливают» на все предметы, животных, растения и даже на человека. Поэтому все, что испытывает такое «влияние», в свою очередь, способно «передавать» его окружающим.

В Тамилнаде, как и в других районах Индии, на полях или в садах можно увидеть фантастические фигуры из глины или соломы. Такие же фигуры, головы или,

³⁶ А. М. Горький. Собрание сочинений. Т. 27. М., 1953, с. 177.

на худой конец, разукрашенные дыни можно заметить у входа в дома или лавки. Их назначение — предотвратить влияние «дурного» глаза, защитить посевы, жилища. Целям защиты деревни, полей и рощ служат красочные фигуры Айенара, местного деревенского божества. Фигура Айенара устанавливается обычно на пересечении дорог; ведущих в деревню, его умилоствивляют и приносят жертвы.

Ортодоксальные тамилы не осмелятся после захода солнца давать займы металлические деньги или изделия из металла. Причина этого верования кроется в том, что люди полагают, будто невидимые существа и силы, охраняющие богатства и благополучие, связаны в доме с определенными предметами. Когда солнце заходит, они продолжают «охранять» домашнюю утварь. И если что-то в это время вынести из дома, существа покинут жилище и уже никогда не вернуться туда, где их кровно обидели. Таким образом человек может лишиться их поддержки.

Кажется, будто тамилы обставили себя огромным количеством примет и словно находятся в заколдованном круге, из которого не выбраться. Но это не совсем так. Сознание народа само выработало своего рода «противоядие» против обилия поверий и примет. Чтобы нейтрализовать ту или иную «плохую» примету, оказывается достаточным прознести заклинание, совершить омовение, сменить одежду или просто выпить воды — она во всех случаях жизни служит очистительным средством.

С водой, дождем и реками связано много легенд, обычаев, примет, поверий, пословиц и поговорок. Дождь наполняет сердца тамиллов радостью. Недаром тамилы говорят: «Даже если дожди низвергаются тринадцать месяцев в году, то и этого недостаточно». В засушливый год тамильский крестьянин часто с надеждой и мольбой посматривает в сторону реки Кавери. «Пусть небо обманет, но Кавери — никогда», — шепчет он: ведь полноводная Кавери — тамильский Ганг — способна напоить тысячи и тысячи гектаров земли.

В древности тамилы персонифицировали реку, в ее честь слагали оды, пели песни. «О славься, Кавери! Ты течешь, открыв свои большие карповидные глаза, надев наряд из жемчужных цветов, и по обоим твоим берегам взволнованно жужжат пчелы. О славься, Кавери!.. Твои живые, словно карпы, глаза вздыхают по твоему воз-

любленному...»³⁷. В такой высокопоэтической манере воспел древний тамильский поэт Иланго Адигаль родную реку в «Повести о браслете». В легенде говорится, будто Кавери вытекает из сосуда, который обронил мифический мудрец Агастья. На берегах рек проходят массовые гуляния, праздники и фестивали.

До сих пор в деревнях Тамилнада существуют ритуалы, связанные с «вызыванием» дождя. Древнейшие из них — *молейппарей* и *наватаниям*. Для заклинания и «вызова» дождя во время храмовых процессов в жертву приносится молейппарей — проросшие зерна девяти видов злаков. Наватаниям — это тоже подношение из девяти видов зерна в честь девяти небесных тел — Солнца, Луны, пяти планет и двух демонов затмения.

Двухтысячелетняя история тамильской литературы предоставляет в наше распоряжение богатейший материал для размышлений над различными сторонами жизни народа, в том числе и данные по этнографии. Поверия, обычаи тоже входят в компетенцию этой интереснейшей энциклопедии о человеке.

Традиция предписывала добропорядочному гражданину и семьянину провожать гостя на расстояние не менее семи шагов от дома, громко, чтобы слышали соседи, благодарить его, благословлять и давать ему напутствия, а если прощание совершалось ночью, освещать ему дорогу и подсказывать кратчайший и безопаснейший путь домой.

Громким голосом гость должен был изъявлять благодарность и просить прощения за причиненные хлопоты, ибо неблагодарность считается у тамиллов злейшим прегрешением, гораздо большим, чем покушение на жизнь брахмана, убийство священной коровы или прекращение (насильственное) беременности.

Со смертью воина связаны свои предания и обычаи. Поэты древнего Тамилнада подчеркивали героизм воинов. Смерть на поле боя предпочиталась кончине в постели. Если мужчина из рода воинов в расцвете сил умирал дома, а не на поле брани, это огорчало всех, даже его мать. Не случайно «Тируккурал» содержит такой афоризм: «День, когда воину не пришлось страдать от жестокой раны, полученной в бою, храбрец считает прошедшим без пользы». Вот почему в те времена тела воинов, умерших не на поле боя, разрубали боевым ме-

³⁷ Иланго Адигаль. Повесть о браслете. М., 1966, с. 63.

чом на части, укладывали на священную траву *дарбха* и над их останками читали тайные заклинания³⁸.

Что касается женщин, то в Тамилнаде, судя по древнетамильским антологиям, им предоставлялась значительная свобода, но и налагались известные ограничения. За недостойное поведение прапрабабушки нынешних тамилок подвергались наказанию: они должны были нести на голове ровно семь кирпичей вокруг помоста для представлений под крики и улюлюканье собравшихся³⁹.

В системе обычаев индийцев выделяется *данам*, то есть все то, что связано с подарками, подношениями. Тамилы обращают значительное внимание на обычай подношения. Древнетамильское собрание кратких изречений «Тируккурал» тоже уделяет большое внимание этической стороне этого обычая. Жизнь настоящего человека, учит «Тируккурал», должна быть жизнью щедрого человека: «Скряга, обладающий богатством и не дарующий ничего бедным, подобен женщине, наделенной красотой, но стареющей в одиночестве».

Тамилы делают подарки и подношения в связи с разными событиями. История знает обычай, когда преподносили специальные подарки по особым случаям, например *тулабарам*. Этот подарок состоял из золотых изделий, драгоценных камней и монет, передаваемых храму или брахману, причем вес подарка равнялся весу жертвователя. Естественно, что только очень богатые люди были в состоянии делать такие подарки. Благоприятными считаются дары в виде сандала, новых одежд либо постельных принадлежностей.

Подарки преподносят здесь не только людям. Здесь их делают слонам, коровам, лошадям, а подчас даже овцам. Корове, например, можно принести в дар кокосовый орех. Кое-где в Тамилнаде до сих пор живет обычай кормить рисовой мукой муравьев, в особенности перед тем, как жертвователю намеревается приступить к осуществлению важного дела.

Подарки делают также умирающему. В течение десяти дней после похорон обычай предписывает совершать подношения и в храм в память об умершем. В этом случае отличным подарком служит корова. Считается, что она поможет душе умершего пересечь небесную реку Вайтарани.

³⁸ К. А. Nilakanta Sastri. The Cholas. Madras. 1955, с. 90.

³⁹ Там же, с. 91.

Когда тамилы идут в гости, они запасаются подарками.

Подарки учителю и наставнику — *гуру* — это не просто дар, они значат, что низкие желания и помыслы принесших их готовы сгореть в огне высшего знания гуру.

Весьма любопытным является обычай приносить дары духам предков-мужчин на ежегодной церемонии *шраддха*. Семейный священник встает и готовится переслать благословения и пожелания покоя предкам. Один за другим члены семьи, стоя с подарками в руках, шлют слова уважения душам мужчин своего рода. Затем передают подарки гуру. Обычно они состоят из монет, новых одежд или украшений. Гуру громко объявляет названия подарков и якобы передает их умершим.

Некоторые из элементов старых обычаев модернизированы, другие приходят в упадок, но основные их черты продолжают сохраняться. Ортодоксальные тамилы бывают крайне скрупулезны и касательно долгов — даже на смертном одре умирающий посылает за кредитором и завершает все расчеты с ним, чтобы не остаться должником перед уходом в мир иной. Это предписывает древний обычай.

Следует упомянуть *веланмей мандариябу* — своего рода моральный кодекс тамильских крестьян, включающий десять добродетелей, которыми должен обладать человек: верность клятве, трудолюбие, услужливость, сострадание, помощь родственникам, стойкость, уплата налогов, миролюбие, гостеприимство и хорошее поведение. Этим добродетелям человек должен следовать до погребального костра, гласит мораль, передаваемая из поколения в поколение.

Обычаев не перечислить. Упомянем еще об одном. До наших дней дошло древнее представление, связанное с понятием *павиттирам* («круг чистоты») и травой *куша*. Упоминание о ней можно встретить в ряде старинных литературных трактатов. В некоторых кастах Тамилнада эту траву используют для изготовления специального кольца, надеваемого на безымянный палец руки. Павиттирам, или ношение этого кольца, является обязательным при совершении разных церемоний и обрядов. При этом участвующий должен быть чист физически и морально, а кольцо из травы куша, как полагают, образует своего рода круг чистоты. Осквернив-

ший себя человек должен спать на циновке из травы куша. Этот обычай варьируется от касты к касте.

Представление о слове «куша» связывается с умом, развитым интеллектом. Древнеиндийский миф рассказывает, что Субраманья — олицетворение мудрости — был рожден в зарослях травы куша. При совершении обряда похорон некоторые общины используют кольцо, сделанное из травинки куша. А кольцо, изготовленное по случаю жертвоприношения предкам покойного, состоит из трех травинок. Число их имеет значение. Одна травинка обозначает умственные силы, две символизируют духовную и физическую чистоту мужа и жены. А кольцо из трех травинок должно обозначать духовную силу третьего лица — жреца, присутствующего при домашних церемониях.

«МАГИЯ» ЧИСЕЛ

Что, в сущности, буква и цифра?
Не глаза ли два,
Которым открыта вся суть естества?
Тируккурал. Книга мудрости

В Тамилнаде бытуют также приметы, имеющие отношение к числам. «Магическое» значение чисел связывалось в представлении людей с окружающим их миром, природой, с неподвластными человеческому разуму силами космоса. Издревле человеческий ум пытался осмыслить действие этих сил. Индийцы всегда считались прекрасными математиками. Одним из самобытных математиков Индии нового времени был тамил С. Рамануджан (1887—1920)⁴⁰. Он — классический пример самоходка, математика-самоучки. С. Рамануджану не удалось получить специального математического образования. Однако результаты его исследований в области теории чисел поразительны. Умер он в тридцатитрехлетнем возрасте, но успел обогатить науку значительным трудом по асимптотике функций $P(n)$, написанным вместе с английским математиком Г. Харди. Как известно, советский исследователь В. И. Левин написал о нем работу.

До сих пор в Индии можно встретить людей, обладающих умением производить сложные математические вычисления на пальцах и с помощью нескольких морских ракушек. Техника счета такого рода была зафиксирована в древних трактатах. Большую их часть не пощадило время, и эти своеобразные учебники математики безвозвратно канули в Лету. Но примеры якобы магического воздействия чисел на ход событий и людские судьбы сохранились.

Так, тамильские крестьяне при подсчете продукции

⁴⁰ В. И. Левин. Жизнь и творчество индийского математика С. Рамануджана.— «Историко-математические исследования». Вып. 13, М., 1960. с. 333—379.

избегают употреблять порядковое числительное «один». Вместо этого числительного они пользуются либо словом «первый», либо заменяют его именем какого-нибудь бога. Не повезло также числительному «восемь». Отмеряя восьмую меру (*пади* — около полутора килограммов) риса, крестьянин едва ли отважится произнести *еттун пади* («восьмая мера»), потому что эти слова звучат почти как *таттун пади* — «нужда, лишения». Стоит ли накликать на свою голову беду?

Во многих случаях тамилы предпочитают нечетные числа — считается, что они приносят удачу. Наблюдательный человек сразу же обратит внимание на то, что ценники на товарах обычно пестрят нечетными цифрами, например: 3 рупии 25 пайса, 71 рупия 85 пайса и т. д. Так поверия и приметы, связанные с числами, проникают даже в сферу цен, оказывая и тут свое влияние. Тамилы, например, с гордостью называют номер своего телефона, если он нечетный. Часто родственники и друзья на свадьбу преподносят молодым вместо подарка деньги. Эта сумма, естественно, бывает различной. Однако при этом одно условие должно обязательно выполняться: сумма эта не может быть четной. Обиды и пересуды вызовет подаренная сумма в 10, 50 или 100 рупий. Следует дарить 11, 51, 101 рупию, потому что нечетное число, считается, приносит счастье.

Искусство счета известно в Индии с незапамятных времен. Все мы пользуемся возникшей в Индии позиционной системой счисления.

В индийских научных трактатах можно обнаружить немало сложнейших математических выкладок. Возникновение, становление и развитие науки о числах были вызваны практическими потребностями народов — необходимостью вести учет при обмене товаров, усложнявшимися социально-экономическими связями общества. Хотя многие рукописные труды древней Индии по математике, выполненные на хрупких пальмовых листьях, вообще до нас не дошли, зародившееся здесь понятие нуля, счета десятками и другие компоненты, входящие в десятичную позиционную систему счисления, получили поистине всемирное признание и уважение.

Трудный путь десятки

Позиционная десятичная система с использованием нуля, возникшая в Индии более полутора тысяч лет на-

зад, пришла на Ближний Восток и в Европу сложным и долгим путем. Было, правда, время, когда эти великие достижения индийского математического гения считались в других странах «чужими», наваждением сатаны, хотя представители христианства не могли не заметить удивительную стройность, простоту, целостность и удобство такой системы. Историки математики приводят примеры официального запрещения использования арабо-индийских цифр во Флоренции, например, когда в конце XIII века купцам категорически запрещалось оперировать этими удобными цифрами. Церковь настаивала на употреблении только римских цифр, громоздких и неудобных при записи больших чисел⁴¹. Огромное значение для распространения позиционной системы счисления с использованием нуля имели труды выдающегося среднеазиатского ученого IX века аль-Хорезми. Эта система счета на Руси становится известна с начала XVII века. Православная церковь оказала ожесточенное сопротивление внедрению индийской системы, объявив ее зловредной и повелев сурово наказывать приверженцев этой системы. Только при Петре I на русских монетах появляются арабо-индийские цифры. С начала XVIII века Россия повсеместно перешла на новую систему счета и обозначения цифр.

Следует сказать, что в самой Индии многие открытия науки канонизировались индуизмом, который всегда отличался необычайной гибкостью и приспособляемостью. В отличие от христианства, объявлявшего новые и прогрессивные методы счета безбожными, индуизм приписывал им магическое значение, монополизировал лучшие достижения математиков и часто трактовал их в нужном для себя направлении, окутывая плотным кольцом суеверий. Так, одно из распространенных в странах Юго-Восточной Азии поверий рассказывает, что Будда обладал удивительной способностью устно оперировать большими числами вплоть до 10^{21} . Талант ученого, поэта или композитора объяснялся как проявление божественной воли и энергии. Некоторые числа возводились в ранг магических, они обрастали мифами, легендами (нередко весьма яркими и выразительными) — в таком виде «магия» чисел легче доносилась до сознания миллионов неграмотных.

⁴¹ А. И. Бородин. Число и мистика. Донецк, 1975, с. 68.

Таинственные рубежи предельного

В Индии, как и во многих других странах, в разряд «мистических» попадали обычно те числа, которые представлялись в древности предельными. Таким числом была единица, символизовавшая в закодированном виде начало начал и предметы, встречающиеся только в единственном числе, например Земля, Луна или одинокий брахман. Магическими свойствами наделялось число «два» (оно представлялось в виде Солнца и Луны) либо «три», связываемое с тремя верховными богами, и т. д. Нуль в зашифрованном виде в трактовке священнослужителей — это небо, а также «божественные» отверстия в телах живых существ либо бесконечность. Прочим числам — 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 32, 108 и др. — тоже придавался особый, тайный смысл.

Вокруг цифры «три» в Индии сложено немало поверий и легенд. Тамилы, как и другие верующие индусы, до сих пор чтят триаду — Брахму, Шиву и Вишну, главных богов индуистского пантеона. Число «три» — единственное в ряду натуральных чисел, состоящее из суммы двух чисел — $1 + 2$. Поэтому в системе индуизма оно таинственное и магическое. Особо почитают его представители шиваизма, ибо Шива — единственный бог, которого индуизм наделил третьим глазом. Приверженцы шиваизма наносят себе на лоб, грудь, плечи и другие части тела три горизонтальные полосы. Шива совершил много фантастических подвигов, в том числе разрушил Трипур (троеград) — три крепости, построенные асурами, чтобы править тремя мирами — Небом, Эфиром и Землей. Эти крепости были воздвигнуты из железа, серебра и золота, но Шива испепелил их.

Другому богу — Вишну — приписывается не менее легендарный подвиг. Однажды, превратившись в карлика, он отнял власть над тремя мирами у всевластного царя Бали, который согласился отдать карлику столько пространства, сколько тот отмерит тремя шагами. Вишну мгновенно покрыл три мира, шагнув три раза, и таким образом победил Бали.

Широко использовал индуизм мистификацию числа «три» для объявления «святыми» литературных памятников и религиозно-философских трактатов. В «Муннул» («Троекнижие»), согласно тамильской традиции, включены Веды, их расширенный вариант и дополненные к ним писания в форме адвайты. Индуистская философия

считает якобы данными свыше *трикаранам* — ум, речь и тело человека. В свою очередь, последнее вмещает три области — *мандалам* — область огня, находящуюся будто бы в нижней части брюшной полости; область солнца, располагающуюся в желудке и сердце, и, наконец, лунную, охватывающую голову и плечи.

Океаны и моря, утверждает индуистская традиция, — вместилище дождевой, речной и морской вод. Эти воды, в свою очередь, обладают тремя свойствами — производить, сохранять и разрушать. Дождевая и речная вода, кроме того, способствует произрастанию трех священных плодов — бананов, манго и хлебного дерева. Они являются составной частью жертвоприношений, известная доля которых оседает в храмах.

Индуизм настойчиво внушает верующим мысль о наличии в душах людей трех главных зол, являющихся следствием опять-таки трех видов человеческого темперамента — меланхолического, раздражительного и флегматичного. Внушая эту мысль, жрецы настоятельно убеждают верующих, что врачевателями их душ и разрушителями трех зол, гнездящихся в них, могут быть только гуру. Как известно, представители «высоких» каст носят священный шнур, свитый из трех нитей.

Индуизм неустанно напоминает верующим о трех основных частях сущности жизни человека: исполнение религиозного долга, материальное благосостояние, обладание женщиной для деторождения.

Магия числа «три» видится некоторым индусам и в том, что на Юге Индии в древности существовало три крупных царства — Чола, Чера и Пандья. Тамильская традиция насчитывает три периода (*санги*) в развитии древней литературы Тамилнада — тоже немаловажный довод в пользу приверженцев «магии» чисел.

Не забыл индуизм и о числе «четыре». Именно столько в древнем обществе было сословий — варн, в пределах которых сложились касты, на долгие века разделившие индусов на многие сотни взаимно отчужденных групп и породившие вражду и ненависть. Институт каст в свое время пришелся по душе и английским колонизаторам, взявшим на вооружение принцип «разделяй и властвуй» и стремившимся сохранить кастовую систему, этот позор и горе народа. Индуистская религия возвела число «четыре» в ранг «магических» и убеждала своих последователей в божественной его сущности (а следовательно, и в данном свыше делении народа на четыре

варны). При этом приводились и приводятся подкрепляющие эту ортодоксальную догму рассуждения о якобы подаренных небесами четырех Ведах, а также и четырех действиях с натуральными числами, которым приписывалось символическое значение, полное неожиданных тайн и загадок. Проявлением божественной воли объявлялась сумма первых четырех чисел натурального ряда ($1+2+3+4$), равная 10.

«Магическая» пятерка

Длительное время число «пять» оставалось магическим. С ним связывалось много поверий и примет. Пять — и не больше — продуктов священной коровы были объявлены необходимыми компонентами для ритуально-очистительных церемоний: свежее молоко, кислое молоко, топленое масло (гхи), моча и навоз. Крестьянин, используя коровий навоз для удобрения почвы и в качестве топлива, воочию убеждался в его пользе. Молоко, спасающее от голодной смерти, нечаянных или умышленных отравлений, кислое молоко, целебное, прекрасно утоляющее жажду и снимающее жжение во рту, вызываемое острой и пряной пищей, наконец, гхи, не теряющее своих питательных и вкусовых свойств в жарком и влажном климате Индии — все эти ценные продукты не могли не вызывать у жителей благоговейного к себе отношения. А моча коровы широко используется в народной медицине как бактерицид.

Число «пять» присутствует и в других сторонах духовной и практической жизни тамилгов, как и в жизни прочих народов — приверженцев индуизма. Панчаюдам — таково одно из многих имен бога Вишну, данное ему за то, что фантазия народа приписала ему обладание пятью (*панча*) боевыми орудиями, главным из которых считается *чакра* — метательный диск. Число «пять» связано в сознании индусов и с именем бога Шивы — ведь одно из его многочисленных имен («Пятиликий») нередко упоминается в сказаниях и мифах, ибо он выступает в пяти ипостасях: Брахма, Вишну, Рудра, Махешвара и Садашива, которые соответствуют пяти функциям: созиданию, сохранению, разрушению, затмению и просветлению душ.

Древнеиндийские философы считали, что природа состоит из пяти элементов: земли, воды, огня, воздуха и эфира. Индийские медики насчитали в организме чело-

века ровно пять *пран* («жизненных сил») и в деталях разработали трактаты о реально существующих пяти органах чувств. Числу «пять» приписывалось особое магическое воздействие — в Индии до сих пор, например, деревенский общинный совет (*панчаят*) должен состоять из пяти членов (хотя на деле их может быть и 20). Тамильская литературная традиция называет пять — ни больше ни меньше — великих древнетамильских поэм: «Шилаппадихарам», «Манимехалей», «Сивакасинтама-ни», «Кундалакеси» и «Валейяпади».

Индийцы любят *панчамритам* — набор из пяти лакомств, включающий мед, сахар, гхи, виноград и бананы. Местные модницы пользуются для умягчения волос *акилом*, состоящим из пяти ингредиентов, в том числе чистого камфарного масла, сандала и меда. Эта смесь придает волосам блеск, служит прекрасным питательным средством, препятствует выпадению волос. Издавна в Индии основными считались пять металлов — золото, серебро, медь, олово и железо. Индийские ювелиры и торговцы много веков пользуются термином *панчаратнам*, подразумевающим пять драгоценных камней — рубин, жемчуг, алмаз, изумруд и сапфир.

В сфере моральных догм тоже обнаруживается магическое число «пять». Так, например, считается незыблемым, что среди всевозможных деяний, совершаемых родом человеческим, есть пять наиболее страшных: убийство, ложь, воровство, злоупотребление спиртными напитками и оскорбление духовного наставника. Раджи и служители культов, преследуя свои цели, настойчиво убеждали народ в незыблемости принципа, повелевающего чтить пять уважаемых лиц: раджу, духовника, отца, мать и старшего брата (некоторые источники вместо матери называют учителя). Не менее настойчиво насаждался тезис об *айнькужу*, или пяти приближенных раджи, которых следовало уважать и оберегать пуще отца и матери. В айнькужу входили министры, священнослужители, военачальники, послы и тайные соглядатаи.

В тамильских трактатах по искусству управления государством указывалось на значение ремесел, а сами ремесленники делились на пять категорий — золотых дел мастера, медники, каменщики и архитекторы, кузнецы, плотники. Трактаты предписывали властям и духовникам не только наблюдать за ними и поощрять их, но и неукоснительно держать в повиновении. Что касается десятков и сотен тысяч неприкасаемых, не включенных ни

в одну из четырех варн, то они определялись как *панчама*, то есть те, которые находятся в некоей пятой категории существ и выведены за пределы четырех варн. Панчама считались изгоями, и в обществе к ним было соответствующее отношение. Наиболее рьяные сторонники кастовой системы решительно отказывают неприкасаемым в праве быть зачисленными в какую-либо из групп «чистых» людей.

Не остались в стороне от числа «пять» и древнеиндийские врачеватели, узаконившие пять главнейших и наиболее действенных видов лекарственных растений. Согласно трактатам, их надлежит всячески оберегать и использовать для лечения тех или иных недугов.

Число «пять» не было обойдено вниманием древнеиндийских художников и поэтов. Последние, как уже упоминалось, воспевали пять волшебных стрел индийского Купидона — бога любви Камадевы. Эти стрелы, по поверьям, вызывают в сердцах влюбленных пять чувств: тоску, печаль, радость, ревность и гнев. Южноиндийский классический танцевально-драматический театр *катхакали* предполагает участие пяти действующих лиц, олицетворяющих благородство и честность — *Пача* («Зеленый»); благородство и героизм — *Катхи* («Герой, Защитник»); бесчеловечность, жестокость, коварство, изменчивость и зло — *Тади* («Борода»); коварство и низость и подлость — *Карин* («Черный»); мягкость и благородство характера, рыцарство — *Минукку* («Изысканный»). Последний образ обычно подразумевает мудрецов, брахманов или женщин.

Весьма любопытным явлением в древнетамильском искусстве было четкое деление музыки и поэзии на пять категорий, соответствовавшее эстетическим требованиям и вкусам народа и удивительным образом связанное с чисто земными реалиями. Древним тамилам было известно не менее пяти *пан* — основных, узаконенных традицией манер музыкального исполнения, *Пан*, или *рага*, представляет собой мелодическую схему. В пределах каждого *пана* используется не менее пяти нот. Музыка как бы отражала тайную любовь, чувства, охватывающие влюбленных в ожидании встречи; супружескую верность, разлуку; ссоры и примирение; любовные муки.

Дело в том, что древние тамилы разделяли земли своей родины на пять основных областей: горную, лесистую, пустынную, обработанных полей и лугов и морского побережья.

Каждой из пяти областей соответствовал определенный эмоциональный настрой. Так, горы ассоциировались с зарождающейся любовью. Трепетно-нежное ожидание встречи влюбленных, томление, невысказанные желания и бессонные ночи — все это связывалось с темой таинственных и манящих своей загадочностью гор. Супружеская верность и терпеливое ожидание встречи с супругом ассоциировались с пастбищами и лесистыми холмами, а приморский ландшафт — с любовными муками. Периоду разлуки соответствовал пейзаж безжизненной и выжженной пылающим солнцем пустыни. Любовные ссоры соответствовали равнинному краю, плодородным полям в перерывах между восходами.

Деление на пять областей не случайно. Каждая из них, по свидетельству ученых, была соответственно заселена скотоводами, земледельцами, охотниками, горцами и рыбаками. Каждый из пяти поэтических мотивов, соответствующий определенной географической области, обладает своими атрибутами.

Например, покровителем горного края (*куруньжи*) традиционно выступает один из любимых тамилами богов — воин Муруган, младший сын Шивы. Поэты и музыканты, избравшие своей темой куруньжи, воспевают жителей этого края — горцев и горянок, людей мужественных, честных и великодушных. Героями поэм и музыкальных сочинений выступают сборщики меда, кореньев, охотники за попугаями, земледельцы, жители горных долин и воины, совершающие набеги на соседние земли.

Непременным атрибутом этой темы считается попугай или павлин. Песни и старинные предания горцев воспевают и диких животных — тигра, индийского черного медведя, вепря и слона. Действие поэмы происходит обычно в горном селении на фоне гор и бушующих водопадов. Древние поэты или музыканты, прославлявшие этот край, обязаны были, воспевая человеческие чувства, упоминать присущие этому ландшафту цветы и растения. Например, лавзонию (*Lavsonia Spinosa*), кандадь, или малабарскую лилию (*Gloriosa Superba*), цветок вэнгей, или крылоплод (*Pterocarpus Bibolus*), или водяную лилию (*Pontederia*).

В куруньжи традиционно воспеваются также деревья и растения, играющие значительную роль в экономической жизни населения края: акил, или орлиное дерево (*Aquillaria Agalocha*), сандаловое дерево и другие. В поэмах горцев много говорилось и о просе.

Одним из основных инструментов музыкантов-горцев до сих пор считается барабан (*вериятту парэй*), которому вторит барабан громкого боя (*тондага парэй*) из бараньей кожи. Важное место в инструментовке традиция отводит горной вине (*куруньжи яж*).

Начиная с 1954—1955 годов мир узнал два индийских слова, ставших теперь интернациональными. «Панча шила» — пять известных принципов мирного сосуществования, включающих в себя взаимное уважение территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимную выгоду, мирное сосуществование. Впервые эти принципы были сформулированы в преамбуле соглашения между КНР и Индией о торговле и связях в 1954 году⁴². В 1955 году на Бандунгской конференции двадцать девять стран Азии и Африки, в том числе и Индия, выработали известную «Декларацию о содействии всеобщему миру и сотрудничеству». В ее основу были положены пять принципов мирного сосуществования⁴³. В самой Индии, ставшей одним из главных инициаторов пяти принципов мирного сосуществования, словосочетание «панча шила» известно не одну сотню лет. Оно родилось в недрах буддизма, выработавшего для своих последователей пять заповедей: быть бесстрастным, не убивать и не причинять вреда живым существам, отказаться от употребления алкоголя, быть правдивым и не брать чужого.

Еще одно слово из санскрита стало интернациональным, и оно связано с числительным «пять». *Пунш* — видеоизмененное индийское *панч* — значит «сладкий напиток из пяти ингредиентов».

Число «пять», таким образом, проникло во многие сферы жизни, хотя в наши дни оно все реже воспринимается как магическое.

«Божественная» семерка

В Индии, как и в других странах мира, с числом «семь» соотносили многие явления окружающего мира. Исторически это число не могло не оставаться известное время предельным в ряду натуральных чисел. Огромную роль в закреплении за семеркой божественных свойств

⁴² Большая Советская Энциклопедия. М., 1975, т. 21, с. 295.

⁴³ БСЭ. Т. 2, с. 601.

сыграл лунный календарь, которым до сих пор пользуются не только тамилы, но и другие народы Индии.

Особый смысл придавался тому, что двадцать восемь дней лунного календаря делятся на четыре равные части по семь дней и на две по четырнадцать. Священный трепет, испытываемый от осознания того факта, что очищение женщин происходит с определенной цикличностью, соответствующей известному числу фаз луны, укреплял верующего в предопределенности числа «семь». Тамильские женщины до сих пор вычисляют сроки беременности и родов по лунному календарю, оперируя семерками. Древние астрономы наблюдали семь ярких космических тел — Венеру, Марс, Меркурий, Сатурн, Юпитер, Луну и Солнце. Естественным представляется, что семь дней недели тамилы, как и другие народы, назвали именами этих движущихся в безбрежных просторах Вселенной объектов. Само Солнце, как гласят легенды индусов, мчится на огненной колеснице, влекомой семью могучими конями, символизирующими 7 дней недели. Именно оно было изображено на эмблеме участников совместного советско-индийского космического полета, совершенного в апреле 1984 года.

Счет семерками оказался необычайно популярным. «...Он сохранялся в религиях первых цивилизаций и в мировых религиях, живет и до сих пор в народных суевериях»⁴⁴. Действительно, тамильский крестьянин верит в существование семи видов туч, среди которых есть благоприятные и зловещие. В мифах и преданиях, передававшихся у крестьян от отца к сыну, упоминаются и семь океанов. Наиболее популярен океан Нейккадаль, наполненный гхи. В предании о Нейккадаль отчетливо прослеживается древняя мечта народа об изобилии.

Как известно, Индия испокон веков была аграрной страной, и потому большое количество примет и поверий привязаны к земле, тесно связаны с климатом, временами года, природой. Типичным примером такого отношения можно назвать персонификацию индийских рек, вспаивающих поля крестьян. Индусская традиция еще в глубокой древности объявила реки священными, включив в «магическую» семерку наиболее важные и могучие — Ганг, Инд, Ямуну (Джамну), Сарасвати, Нарбаду, Кавери и Годавари.

Семь названных рек персонифицированы, они высту-

⁴⁴ Будущее науки. Вып. 4. М., 1971, с. 331—343.

пают в образах богинь, связаны с древнейшим культом плодородия и воспеты многими поколениями индийских бардов. Традиционно считается, что реки, текущие на восток (*кижаккодум*) — это реки-женщины, и к ним у индусов особое отношение.

Семерка проникла во многие сферы жизни народа. Семь качеств, возвеличивающих человека, называет традиция: добродетель, благосостояние, умение радоваться жизни, сострадание к чужим невзгодам, умение завоевать себе добрую славу, а также уважение окружающих и умение быть щедрым по отношению к стоящим на более низкой социальной ступени. Не обошли вниманием число «семь» и музыканты — музыкальные ноты они обозначают семью тамильскими буквами: *са, ри, ка, ма, па, та, ни*. Сказания обычно называют семь священных городов Индии (один из них — древний тамильский город Канчипурам). Индуистские жрецы с незапамятных времен устрашали народ разными видами ада, число которых тоже равнялось семи. В зависимости от прегрешений верующего якобы ждут в ином мире либо область сплошного мрака, либо страшного холода, либо непроницаемых туманов, либо песчаных пустынь, либо вечного бдения, либо потоков крови, либо огненный ад. Последний считается самым страшным инструментом наказания грешников.

Не только восемь удовольствий

Немалую магическую роль играло также число «восемь». Некоторые его свойства при умножении на числа натурального ряда удивляли древних математиков и вызвали соответствующее отношение. Интересно, что пифагорейцы, как ~~во~~общают историки, манипулируя натуральным рядом чисел, пришли к выводу, что «восемь» — это символ смерти⁴⁵. Индусы не были настроены столь пессимистично, хотя не смогли не приписать числу «восемь» таинственный смысл. Это заметно в трактовке ими пространственно-временных категорий, при астрологических выкладках. Древняя философия и астрология Индии узаконили восемь сторон света и закрепили за каждой из них богов-защитников. Им-то и вменялось в обязанность стоять на страже соответствующей

⁴⁵ А. И. Бородин. Число и мистика. Донецк, 1975, с. 118.

щих сторон. В благодарность за это верующие должны упоминать в своих ежедневных молитвах их имена.

Индра получил «назначение» сторожить главное направление света — восток. Его оружием признан гром. Бог огня Агни стал «защитником» юго-востока — символически он представлен в виде огня. Нагоняющий ужас бог смерти Яма «стережет» юг — ведь именно там, по повериям, находится царство смерти. Юго-западную сторону света «охраняет» бог Солнца Сурья. Владык вод Варуна «стоит на страже» запада. Охрану северо-запада народная фантазия отдала богу ветра Ваю. Кубера, бог богатства, считается «хранителем» севера. Его символ — слон. Наконец, Шива (Ишана) «сторожит» северо-восточную сторону света (иногда эту функцию приписывают Соме, то есть Луне).

Землю, согласно индусским мифам, «поддерживают» восемь гигантских змей.

Пользовались числом «восемь» и философы древней Индии. Словом *енвахейялавей* тамилы обозначают восемь путей достижения истинного познания вещи или явления: *катчи* — с помощью зрения, ощущения (экспериментальный путь); *ануманам* — с помощью вывода или умозаключения из достоверно известного; *ахамам* — с помощью устного или письменного подтверждения или свидетельства авторитетных лиц; *аруттанатти* — с помощью дедукции; *уваманам* — с помощью подобию, а также сравнения той или иной вещи или явления с другими; *апавам* — с помощью использования доказательств о невозможности присутствия в природе таких-то явлений; *джадихам* — с помощью использования традиционного взгляда на вещи в природе; *самбавам* — с помощью доказательства существования такой-то вещи в природе.

Для знати был выработан своеобразный кодекс, состоящий из восьми видов удовольствий, доставляемых женщинами, красивыми одеждами, ношением драгоценностей, вкусной пищей, жеванием бетеля, использованием благовониями, песнями и музыкой, а также сном на благоухающем цветочном ложе.

Не забыли число «восемь» и торговцы, канонизовавшие ровно восемь качеств, которыми должен обладать член общины торговцев. Среди таких качеств традиция выделяет отсутствие боязни быть разоренным и умение улавливать дух времени, атмосферу спроса и предложения, что называется «держат нос по ветру».

Широкое хождение имело число «восемь» среди любителей изящной словесности, бардов и сказителей. Традиция узаконила, например, восемь способов стихосложения, восемь размеров, восемь поэтических настроений. В поэзию, считалось, следует переносить восемь эмоций, восемь страстей души, ума и сердца.

Индуизм требует особой позы во время молитв, которая также включает число «восемь». Читая молитвы, верующий должен помнить, что ему следует пасть в ноги божеству, касаясь земли восемью частями тела — обеими стопами, руками, плечами, лбом и грудью, выказывая таким образом полную покорность объекту поклонения.

На проводимых в Тамилнаде многотысячных процессиях и празднествах должны присутствовать в качестве благоприятных объектов восемь предметов — опахало из хвоста яка, ярко орнаментированный глиняный горшок, зеркало, крюк погонщика слона, барабаны, светильники, флаги и связка карпов.

Хотя этим и не исчерпывается перечень «магического» использования числа «восемь», ясно, что, кодируя те или иные вещи и явления окружающего мира в определенную числовую систему, древние индийцы овладели умением создавать числовые порядки.

Девять олимпийских судей и прочее...

Немало поверий, мифов, обычаев связано также и с числом «девять». При умножении на другие числа натурального ряда, при сложении и вычитании оно дает различные любопытные сочетания, которые легко объяснит любой старшеклассник. Но много веков назад те же числовые комбинации не могли не вызвать к числу «девять» благоговейного отношения. Впрочем, обожествление девятки, как и других чисел, наблюдалось не только у индийцев. Ее выделяли и другие народы, в частности древние греки, в мифологии которых присутствует гигантская девятиголовая змея Гидра; государством которых управляли девять правителей и даже число судей на олимпийских играх равнялось девяти.

Идея обожествления числа «девять» в самой Индии родилась, по всей видимости, независимо от других народов еще в глубокой древности. Позже девятка, как и другие числа, была канонизирована. Девять видов зер-

ны стали считаться жертвенными; для жертвенного огня использовали девять видов деревьев и кустарников; гирляндами девяти видов цветов венчали воинов в знак признания их заслуг; в блюда и при ритуальном купании до сих пор идет масло, добываемое из *еля* (индийский сезам), считающегося одним из девяти видов зерен, наиболее подходящих для этих целей.

Мифология насчитывает девять проявлений бога Шивы, а теоретики индийской эстетики — девять видов искусств. Пышно отмечаемый по всей Индии праздник *наваратри*, посвященный богине Дурге и герою Раме, приходится на первые девять дней осеннего месяца *ашвин*. Древняя медицина Индии принимала во внимание девять отверстий (*наваттуравам*), данных человеку природой. Наиболее благоприятной во время провоза по улицам статуи божества считается музыка, исполняемая в соответствии с девятью правилами. При этом во время движения должны соблюдаться равные интервалы между девятью обязательными остановками, а оркестр должен состояться из девяти определенных музыкальных инструментов. Канонизированы были также девять музыкальных размеров.

Число «девять» проникло в этикет. При встрече высокого гостя ему должны оказываться традиционные девять актов благих деяний. Встретить его подобает на значительном расстоянии от дома, при этом выказывают всяческие знаки внимания. В доме его следует усадить на почетное место, после чего приступают к омовению его ног, дарят цветы, воскуривают фимиам, зажигают светильники, говорят гостю приятные слова, хвалят его и, наконец, угощают яствами. Основные элементы этих обычаев в модернизированном виде до сих пор можно встретить в Индии.

Число «девять» обнаруживаем и в системе южноиндийского классического танца катхакали, широко известного в штате Керала. Мимические жесты этого уникального танца насчитывают девять узаконенных каноном эмоциональных оттенков, передаваемых средствами танца, — удивление, ужас, отвращение, мужество, героизм, пафос, гнев, умиротворенность, презрение и романтически возвышенная любовь. Хотя девятка едва ли воспринимается нашими современниками в Индии как воплощение неких таинственных сил, но следы особого отношения к этому числу достаточно ясно прослеживаются и теперь.

Простейший счетный прибор

Многие народы мира на определенных исторических этапах вели счет десятками. Развитие экономики и хозяйства, все усложнявшиеся торгово-экономические связи вызвали к жизни необходимость «оперировать» числом «десять». Несомненно, десятка удобна, проста и эффективна при манипуляциях с огромными числами. Сам человек имеет при себе простейший счетный «прибор»: природа снабдила его двумя десятками пальцев.

Число «десять» Индия также обожествляла. Индийцы, чтобы достигнуть мистической десятки, к имеющимся восьми сторонам света добавляли еще две — верх и низ. Век бога Брахмы, согласно индуистским представлениям, равен десяти тысячам миллионов лет. Десятка проникла во многие сферы духовной и практической жизни жителей Индии. Праздник, посвященный богине Дурге, — *дасера* длится десять дней и девять ночей. Поминальный обряд, тоже называемый *дасера*, исполняется ортодоксальными верующими на десятый день после смерти близкого человека.

С течением времени в индуистской мифологии сложились представления о воплощениях (*аватарах*) богов и героев. Вишну, один из богов священной индуистской триады, имеет десять аватар (*дасаватарам*). С каждой аватарой связаны те или иные подвиги и деяния Вишну. Во время всемирного потопа, сообщают мифы, Вишну в облике рыбы спас божественную Веду и вернул ее растерявшемуся Брахме. Воплощенный в черепаху, Вишну служит опорой мироздания. Мифы рассказывают, как однажды коварный демон Хираньякша похитил Землю и спрятал ее на дне Океана. Вишну, превратившись в вепря, поднял ее своими клыками и водрузил на место. Но злой и мстительный Хираньякша не успокоился и продолжал строить козни богам, людям и зверям, причем сам он был неуязвим.

Превратившись в человека-льва (*Нарасинху*), Вишну разделался с демоном. Затем в облике карлика Вишну ловко отнял власть над тремя мирами у царя Бали. В образе *Парашурамы* Вишну предстает как истребитель *кшатриев* (воинов), посмевших притеснять членов высшей варны — брахманов. Весьма популярна у индийцев седьмая аватара Вишну, воплотившегося в легендарного царя Раму, героя «Рамаяны». Примечательно, что демон Равана, которого одолел Рама, имел десять

голов. В своем восьмом облике Вишну выступает как бог — герой-пастух Кришна, имеющий брата Баладэву, которого изображают с плугом в качестве оружия. Возможно, здесь нашел свое отражение культ плодородия: ведь Баладэва, как гласят мифы, прорыл своим могучим плугом новое русло реки Ямуны. Когда Кришна поднимается на небо, Баладэва выступает как восьмая аватара Вишну. По общеиндусской традиции, девятым воплощением Вишну считается Будда, основатель буддизма, но тамильская традиция называет здесь Вишну Идейяном.

В своем десятом воплощении — в образе воина-меченосца Кальки на белом коне — Вишну должен явиться в конце мирового цикла, чтобы покончить со вселенским злом. Небезынтересно отметить, что тамильский писатель Кришнамурти (1899—1954) в качестве псевдонима взял себе имя Кальки. Несколько десятилетий в Мадрасе издается популярный тамильский литературно-художественный журнал «Кальки».

Не остались бесстрастными к числу «десять» тамильские поэты. Знаменитый сборник афоризмов «Тируккурал» древнетамильского мудреца Тируваллуvara разбит на тематические главки, каждая из которых насчитывает ровно десять куралов (афористичных двустиший). Еще в древности был известен такой вид поэмы, как *патитрантади*, состоящая из десяти стансов в классическом размере *вэнба*.

До сих пор поэтизируются десять видов деревьев и кустов, которые, согласно представлениям, распускают бутоны и цветут, едва к ним приближается женщина. Какие же это деревья и кусты? Тамильские источники дают ответ на этот вопрос. Это дерево со странным названием «обезьяний взгляд», по-латыни — *Mimusops Elen-gi*. В тот же разряд попало и «древо дружбы», дерево с особыми желтыми и красными цветочками в виде трубочек (*Stereospermum*). По повериям, оно вызывает ссору между влюбленными. Жасминовые цветы, распускающиеся в ноябре (*Jasminum Irichotomum*), считаются одной из неотразимых стрел бога любви Камы, а цветок красолиста (*Calophyllum Inophyllum*) ассоциируется с любовными играми. Используемый для изготовления ароматических веществ кустарник веберии растет обычно на бесплодных землях, но считается, что веберия способна соединять сердца влюбленных. К «магической» десятке деревьев и кустарников причислена и вечнозеле-

ная ашока (*Uvaria Jongifolia*). Одной из стрел Камы считается цветок этого дерева.

Вьющееся растение *куруккату* (*Geortnera Racemosa*), оказывается, вызывает тоску и печаль у влюбленных, находящихся в разлуке, а цветы красной кадамбы (*Eugenia Racemosa*), любимые богом войны Скандой, причислены к священной десятке, видимо, в силу того, что ими любовались возлюбленные, разлученные с воинами, ушедшими на поле боя Сканды. Десятым божественным цветком поэтическая традиция называет дерево *чампак* (*Michelia Champaca*).

Однако, пожалуй, более всего полюбились десятка древнеиндийским медикам, составившим трактат «Аюрведа», до сих пор пользующийся авторитетом у врачей Индии, лечащих по рецептам народной медицины. Во многих тамильских источниках можно обнаружить следы этого «мистического» числа применительно к медицине. Они упоминают о десяти существенных «силах», способствующих поддержанию жизнедеятельности организма человека. Некоторые из них помогают росту организма и становлению речи ребенка, другие стимулируют биение сердца и способствуют газообмену в легких, третьи содействуют пищеварению — они возникают якобы из пупка человека и через гортань проникают в мозг.

Древняя медицина индусов обнаружила и канонизировала десять главных нервов человеческого тела. Одни из них находятся, как считается, в районе ушей и имеют разветвления в виде ста двадцати более мелких ушных нервов, другие начинаются от большого пальца левой ноги и проходят вверх по телу человека к правой ноздре, пересекая по пути пять (снова мистическое число!) различных частей тела; третьи связаны с глазами и имеют, в свою очередь, еще десять нервных ответвлений, контролирующих деятельность тех или иных органов. В «магическую» десятку древние медики включили десять вен, пульсов и жил. Одни из них, как полагают, выходят из пупка и имеют ответвления по всему организму, поднимаясь все выше и выше по телу, пересекая десять (снова десять!) органов тела, пять органов чувств и пять так называемых органов действия. Каждый, кто хотя бы немного знаком с лечением иглоукалыванием, легко узнает здесь основы той же системы.

Есть другие числа, которые причислены к разряду «магических», но они встречаются гораздо реже — это

числа 11, 12, 13, 32, 64, 108 и др. О числе 108 следует сказать несколько подробнее.

Много веков назад это число было канонизировано. Как уже упоминалось, астрологи, посылая страдающую бесплодием женщину на берег водоема, под раскидистое дерево *асватту*, предписывают ей обходить статую каменной змеи (наги) 108 раз. До сих пор простые люди боготворят змею и приписывают ей мистические свойства. (Возможно, почитание кобры вообще небезосновательно, если учесть несомненную пользу змеиного яда при лечении определенных недугов и то, что змеи — регуляторы популяций мышей на полях и в лесах.)

Число 108 использовалось в древней Индии для составления «магического» треугольника. Для этого 108 раскладывали на простые множители: $108 = 1 \cdot 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 3 \cdot 3$ и записывали так:

$$\begin{array}{cccc} & & 1 & \\ & & & 2 & 2 \\ & 3 & 3 & 3 & \end{array}$$

Знатоки тайн «магических» цифровых фигур, подставляя вместо этих чисел соответствующее им космическое понятие (единица принималась за небо, двойка — за Солнце и Луну и т. д.), получали в расшифрованном виде результат:

Небо
Солнце и Луна
Огонь Три мира вселенной Три времени⁴⁶

Число 108 использовали также знатоки «магических» наук, разработав 108 основных поз и упражнений. В храмовых изображениях Тамилнада и ряда других областей Индии безвестные мастера оставили своим потомкам на память классические фигуры танца и жестов, которые следует принимать исполнительнице. Число фигур и поз равняется 108. Каменный «учебник» танцевального искусства, разработанный в древности, служит в наши дни целям возрождения забытых культурных традиций. Знаменитая тамильская танцовщица Падма Субраманьям, например, тщательно изучила храмовые скульптуры, которые помогли ей возродить забытое искусство предков⁴⁷.

⁴⁶ Е. Парнов. Звездные знаки. М., 1978, с. 133.

⁴⁷ «Правда», 18.II.1978.

Вера в магию чисел определенным образом сказалась и на формировании воинских подразделений в древности. В те времена индийская армия состояла из четырех родов войск, куда входили, во-первых, боевые слоны (эти живые танки таранили крепостные ворота), во-вторых, колесницы; в-третьих, всадники и, наконец, пехотинцы.

Минимальное подразделение (*патагу*, или *патату*) включало в себя боевого слона, колесницу, трех всадников и пять пехотинцев (эти числа, как известно, считались также «магическими»). Если эту боевую единицу увеличивали ровно в три раза (снова «магическая» тройка!), получали подразделение (*сенамухам*), состоявшее соответственно из 3 слонов, 3 колесниц, 9 кавалеристов и 15 пехотинцев. Следующее армейское подразделение (*кунмам*) снова возрастало в три раза и составляло 9 слонов, 9 боевых колесниц, 27 кавалеристов и 45 пехотинцев. Тамильские источники упоминают и о более крупном соединении — *ваганам*. Оно представлено 81 слонем, 81 колесницей, 243 всадниками и 405 пехотинцами. Нетрудно заметить, что данные числа нечетные, считавшиеся и продолжающие считаться благоприятными. Может показаться, что нечетные числа здесь — случайное совпадение. То, что это не так, подтверждает изучение числа боевых единиц в еще более крупном соединении *пиратанам* — 243 слона, 243 колесницы, 729 всадников и 1215 пехотинцев.

Названные выше подразделения отличались одно от другого тем, что их число увеличивалось ровно в три (или девять, как в случае с *ваганам*) раза.

Таким образом, структура древнеиндийской армии была в известной мере традиционной и никакой тайны для противника не представляла. Составив мысленно простую таблицу, увидим, что в ней главную роль играют «магические» числа — 3, 5 и 7.

Эту армию отличала одна особенность — она представляла собой иногда гигантский цветок лотоса, лепестки которого — крупные боевые соединения обладали способностью быстро маневрировать и занимать выгодные позиции, когда требовалась круговая оборона.

Что касается простых крестьян, то они в обыденной жизни следуют своим повериям. Так, в некоторых местностях Тамилнада они избегают произносить число «семь». В таких случаях вместо «семи» обычно складывают первый предмет с шестью. Причина отрицательно-

го отношения к семерке кроется, по-видимому, в звуковом составе слова «семь» — тамильское *ежу* (разговорный вариант *елу*). Слово «елу» созвучно другому — *тэлу*, что значит «скорпион», а также «знак зодиака и созвездие Скорпиона», считающийся несчастливым.

Способность индийцев к устному счету поразительна. Техника вычислений обычно передавалась в Индии устно, как, впрочем, и ряд других наук. Для этого использовались мнемонические приемы. В тамильских школах ученики начальных классов заучивают таблицу умножения с помощью нехитрых куплетов, распеваемых хором в определенном ритме. Может показаться невероятным, но даже самый нерадивый школьник легко запоминает таблицу умножения за несколько дней.

Власть Калана

Калан, я пинаю тебя,
Как кусок сорняка!
Приди же, попробуй! Дай мне
Разрушить тебя! Ха-ха-ха!
Я смело иду, чтоб схватиться с тобой!..
Калан, я пинаю тебя!

Субраманья Баради

Эти строки из известного двенадцатистишия гениального тамильского поэта Субраманьи Баради обращены к мифическому богу смерти, известному в Тамилнаде под именем Калан. Созданный народной фантазией, в Индии он повсеместно известен как Яма. Этим не исчерпывается список имен зловещего бога смерти. Каладеван — «Разрушитель времени, сокрушитель всего сущего», Кутран, Тандатаран, Таруман, Марали. Это далеко не все имена всемогущего Калана. Он еще и судья Надуван — взвешивающий благие и скверные деяния людей; Савари — ассоциируемый со страшным мерцанием зловещего Сатурна; Пасакаран — «Держатель аркана», «Ловец человеческих душ». Это он присутствует и в еле слышимом звуке *ма*, исторгаемом слабеющими устами умирающего, и слышится у колыбели новорожденного. Верующие величают его *Тенриссейкконом* или *Тенрисейппаланом* («Владыка южной стороны»), ибо Калан — страж Юга, где якобы помещается царство смерти. У Калана, согласно мифам, есть свой дворец, министры, советники и придворные.

Во все времена смерть человека связывалась в представлениях людей с чем-то непостижимым и вызывающим ужас. Видимо, в силу этого ритуалы и церемонии, касающиеся смерти, весьма тщательно разработаны индуизмом, как и всеми религиями, а поверия, обычаи и приметы, связанные с ней, необычайно живучи. Проследим основные моменты, сопутствующие этому драматическому и, к сожалению, неизбежному событию в жизни людей.

Юг — царство смерти

Почему именно теплый, ласковый, залитый солнцем Юг стал в представлениях индусов обителью скорби, последним пристанищем человеческих душ? С большой долей вероятности можно предположить, что здесь сыграли свою роль климатические особенности Индийского субконтинента, отраженные в мифах и легендах. Вот один из них, проливающий некоторый свет на загадку «смертельной» южной стороны.

Земля, по представлениям индусов, будучи одним из космических тел, обладает магнитными силами, которым придается магическое значение. Эти силы бывают положительными и отрицательными. Они, считается, соответствуют двум полюсам земли — Северному и Южному. Взаимодействие сил Земли и космоса и их влияние на организм человека должно быть уравновешено, что может быть достигнуто правильным положением тела спящего по отношению к сторонам света. Наиболее благоприятно воздействие магнитных сил Земли на человека, когда он спит головой на восток, особенно в ночные часы. В это время жизненная деятельность организма спящего самая низкая, так как он лишен живительной силы Солнца. Важнейшие процессы в организме человека протекают ночью якобы под мощным воздействием магнитных сил Земли, направленных от Северного полюса к Южному. Эти силы, считают индусы, «очищают» на своем пути все живое на планете, в том числе и организм человека. Если тело спящего не находится под определенным углом к направлению магнитных сил Земли, то постепенно он лишится жизнеспособности, например если будет спать головой на юг. Кстати, обычай тамиллов класть труп головой на юг идет от стремления показать, что жизненные силы полностью иссякли и труп остается лишь сжечь или захоронить.

Со смертью человека в его организме прекращается, как гласит классическая медицина индуизма, движение *панчапраны* — пяти главных жизненных сил, в особенности *прана вая* — «силы дыхания».

У многих народов существуют те или иные поверия, фантастические представления о загробной жизни, суеверия, связанные с естественным прекращением функционирования жизненно важных органов. Если в каких-то деталях мифы и легенды, касающиеся ухода человека из жизни, а также изобретение имен богов у разных народов все-таки отличаются, то этого нельзя сказать о создании идеалистического представления о потустороннем мире. Стремление продлить жизнь любимым и близким людям зачастую входило в противоречие с реальными возможностями, и тогда у людей в бессилии опускались руки. В отчаянии они обращались к богу и создавали поверия, мифы и легенды о потустороннем мире.

Послание смерти

Душа, по индуистским представлениям, находится в плену тела и мирских привязанностей. Покидая свою телесную оболочку, она избавляется от земных страданий и в зависимости от значимости земных деяний человека может достичь небесного блаженства либо звездного мира, где и будет пребывать, превратившись в звезду. Согласно поверьям, распространенным среди тамилгов, чья-то смерть может быть вызвана заклинаниями или магическим действием, таким, например, как «тайное послание смерти».

Считается, что в тамильском алфавите есть разряд букв, расставив которые в определенном порядке, можно составить заклинание, способное умертвить человека. Такое стихотворное послание не обязательно составляется умышленно. Бывает, что кто-то, сочиняя стихи, случайно наткнется на зловещую комбинацию знаков, и тогда он обязательно причинит вред другому человеку. В таких случаях на помощь приходит священное заклинание *мируттиюнсаям*, которое якобы способно отвлечь смерть.

Самую значительную роль во всем, что связано со смертью, индуизм отводит Калану и его царству Наманулахаму. Тамильские источники называют многочис-

ленных помощников из его свиты. Здесь можно встретить вечно спешащих по неотложным делам *ямпадаров*, отправляемых Каланом в очередной поход за сбором человеческих душ. В «залах» Наманулахама важно восседают *яман канакканы*, деловито ведущие записи добрых и дурных деяний людей. Среди канакканов расхаживает суровый и непреклонный Чандрагупта, один из старших столоначальников, наблюдающий за правильностью записей в «книге бытия». Регистрируя человеческие поступки, канакканы одновременно рассчитывают точно время, когда следует забрать к себе душу того или иного человека. Неумолимые канакканы, как считают верующие, не обращают внимания на молитвы и просьбы об отсрочке смерти.

Вспышки эпидемий, землетрясения, ураганы, наводнения, затмения и войны нередко ассоциируются в сознании верующих тамилгов с «периодом Калана», когда он пожинает особо щедрый урожай. Есть поверие, что скорая смерть наступит из-за вступления в брак в неблагоприятное с точки зрения астрологов время суток. Поэтому, повторяем, тамилы нисколько не удивляются, получив приглашение на свадьбу, которая состоится в три часа ночи.

Тамилы большое значение придают дню смерти, времени суток и сопутствовавшим этому печальному событию обстоятельствам, которые тщательно взвешиваются, обсуждаются, после чего делаются соответствующие выводы. Пять последних лунных дней месяца связаны с устойчивым поверием. Смерть, случившаяся в первый из дней, считается весьма зловещим предзнаменованием для пяти любых обитателей этого дома или соседей.

Если трагический исход выпал на второй из пяти указанных дней, значит, несчастье нависло над четырьмя членами семьи или соседями и т. д. Самое неприятное при таких обстоятельствах — то, что приходится ломать стену, чтобы вынести покойника из дома. Это уже следствие вышеуказанного поверия. А заключается оно в том, что тело умершего в один из пяти дней ни в коем случае нельзя выносить через дверь, ибо такое чревато для семьи или соседей тяжелыми, порой непредсказуемыми последствиями. Чтобы избежать несчастья, покойника выносят через специально пробитую брешь в стене. Люди считают, что таким образом они могут сбить с толку злые силы, затаившиеся вблизи жилища.

Традиция предписывает членам семьи, лишившейся близкого человека, оставить дом с пробитой стеной на несколько месяцев и провести в течение этого времени ряд очистительных церемоний с целью задобрить рассерженных богов. Немало денег вынуждена потратить попавшая в беду семья — на обряды, ремонт дома, аренду другого помещения, переезд и т. д. Так что поверия, как видим, не столь уж безобидны и оборачиваются против самих верующих, в подавляющем большинстве своем скромных тружеников.

Говорят, смерть не выбирает часа. Но когда она приходит со своим неумолимым посланием в субботу, это плохой знак: значит, вскоре в дом, где находится покойник, снова придет не менее страшное горе. Тамилы вовсе не пылают любовью к субботнему дню. В литературе, кинофильмах и в быту они избегают даже произносить это неприятное слово. И случилось такое, видимо, потому, что этот день назван именем планеты Сатурн (по-тамилски «Сани»), которая со всех астрологических точек зрения считается средоточием коварства и злых деяний, смертельно враждебных всему живому на земле.

— *Саниянэ!* («Будь проклят ты, отмеченный дурным Сатурном!») — восклицают, бранясь, тамилы, если кто-то выведет их из терпения.

Суббота — «плохой» день для тамиллов. А такое страшное событие, как смерть, наступившая в субботу, — плохо вдвойне. В подобных случаях покойника помещают в специально отгороженный угол дома, поближе к выходу. Делается это в надежде избежать губительных для живых людей последствий, связанных, как полагают, со смертью человека в субботний день. В дополнение к всевозможным «предохранительным» мерам, с целью задобрить божество члены семьи приносят особые жертвы, что, естественно, требует дополнительных расходов. Представители некоторых слоев населения покупают в таких случаях петуха, привязывают его к похоронным носилкам, а затем сжигают вместе с покойником.

Смерть настигает людей не только в преклонном возрасте. Особо трагичной представляется смерть супруга (в юном или молодом возрасте) для жены. С его уходом из жизни она лишается не только естественного защитника и покровителя, будущего отца своих детей. Юная вдова теряет высокий статус замужней женщины,

хозяйки семейного очага. Социальная ценность вдовы в индусских общинах катастрофически низка.

После смерти мужа она—всего лишь вдова, человек, лишенный многих привилегий в кругу своей общины, семьи и рода. Многим может показаться странным, что цветущая, полная сил и жажды жизни шестнадцатилетняя вдова, не познавшая материнства, вынуждена заглушать в себе жажду любви. Родственники покойного зорко следят за ее поведением, и ей приходится завязать в тугой узел все свои надежды и желания. Вдова расстается с яркими украшениями, она лишена права носить живые цветы в волосах, которых едва коснулась рука безвременно ушедшего в иной мир мужа. Ей запрещено пользоваться косметикой, носить яркие одежды.

Печальные похоронные звуки, льющиеся из сверкающих на солнце морских раковин (*чанга*), касаются чуткого уха юной вдовы. В них закодирован простой, но драматический смысл. «Отныне тебе следует навсегда отказаться от радостей жизни,—взывает раковина.—Ты должна уподобиться мне, чанге, извлеченной из глубин океана, высушенной на жгучем солнце, отполированной сильными руками музыканта-умельца. Твой муж ушел навеки из жизни, и руки его не коснутся уже тебя никогда. Смирись—таков твой удел». Печальные звуки раковины мертвящим холодом ложатся на сердце вдовы, оповещая всю округу о случившемся.

Отныне ей следует стараться поменьше попадаться на глаза окружающим. Бедняге закрыта дорога на гуляния и фестивали—считается, что лишившаяся мужа женщина самым фактом своего появления омрачает атмосферу всеобщего веселья. Весь отмеренный ей судьбой остаток жизни она как бы несет незримую тяжесть вины за смерть мужа. Вдова попадает в полную материальную зависимость от родственников. Вторичное замужество чаще всего просто невозможно.

Смерть молодого супруга обязывает юную вдову облачиться в белые одеяния—символ траура. Согласно обычаям, ей следует в знак скорби и печали постричь ногти и обрить волосы. Правда, современная традиция все же делает ей уступку: даже в самых ортодоксальных семьях вдове разрешено не брить волосы. Эта уступка, как и некоторые другие, завоевана в течение последних пятидесяти лет в трудной борьбе выдающимися реформаторами, просветителями и поэтами Индии.

Время от времени появляются сообщения о вторичном замужестве вдов — теперь это уже не шокирует тамильского обывателя. И хотя такое бывает не столь часто, но эти случаи показательны — значит, новые времена властно заявили о себе.

Смерть кормильца — настоящая трагедия, и связана она не только с большими материальными затратами, но и со значительной функциональной перестройкой в пределах семьи или рода. Хорошо, если к тому времени успели подрасти сыновья, потому что по обычаям старший сын не только совершает важнейшие похоронные обряды, но и взваливает на себя груз ответственности за всех членов семьи. На эту роль годится юноша, прошедший добрачные обряды. Нередко ему, как и младшим членам семьи, приходится бросать учебу, искать работу, устраивать переезд семьи в более подходящее с экономической точки зрения жилище. Неписанные правила обязывают братьев умершего всячески заботиться о семье, потерявшей отца. Не остаются в стороне и другие многочисленные родственники. Их советы, наставления и практические шаги воспринимаются осиротевшей семьей беспрекословно. Считается, что безвозвратно ушедший муж и отец передал незримую часть своей духовной силы и власти ближайшим по кровным узам родственникам.

Для извещения соседей о чьей-либо смерти нанимается за определенную плату представитель одной из «низших» каст, знающий тонкости игры на чанге, умеющий делать этот нехитрый древний музыкальный инструмент. В дом, где случилось непоправимое, стекаются родственники, друзья и соседи. Далеко живущим родственникам отправляют срочные депеши, стоящие немалых денег. Небезынтересно отметить, что в своих письмах, телеграммах и в беседах тамилы избегают слов «он умер» или «она умерла». В ходу иносказательные выражения типа «он достиг стоп Шивы» (у шиваитов). Вишнуиты, например, используют в этих случаях сходную формулировку — «он познал истинный путь» и т. п.

Вдове покойного приличествует всячески изъяслять свою скорбь — составная и необходимая в таких случаях часть церемонии заключается в том, что она бьет себя в грудь и громко плачет. С момента смерти близкие покойного или покойницы обязаны сделать все для выполнения предписанных индуизмом похоронных церемоний

и обрядов. Здесь одна из главных ролей отводится старшему сыну и семейному духовнику. Он руководит всеми последующими этапами похорон, в то время как сын и остальные члены семьи и рода лишь следуют его указаниям. *Тиккадан* — поджигание огня у изголовья погребального костра умершего — так определяют тамилы моральный долг сына покойного и традиционных наследников по мужской линии по отношению к умершему.

Обычай предписывают старшему сыну брить голову наголо. Жена умершего находится в непосредственной близости от покойного. Родственники, прощаясь с усопшим, обходят его с правой стороны. Тело покойного моют и укладывают на похоронные носилки, богато украшенные живыми цветами (носилки и цветы тоже стоят денег). В часы, указанные духовником, покойника несут к месту сожжения. Обычно оно представляет собой ровную площадку на берегу реки, пруда или иного водоема в окрестностях города или деревни.

Порядок следования к месту кремации определяется в соответствии с кастовыми обычаями. Здесь имеются свои отличия и правила. Представители брахманских каст, например, не практикуют похоронные процессии в сопровождении музыки. Другие касты непременно нанимают музыкантов. В оркестре должен быть барабан, используемый только на похоронах. Он — небольшой, с печальным звучанием, в которое вплетается траурная мелодия, исторгаемая рожком. Похоронная процессия движется под звуки музыки до перекрестка, где делается небольшая остановка. Затем следует церемония раздачи денег нищим, после чего процессия следует дальше. По мере приближения к храму музыка звучит все тише, прекращаются разговоры — это делается с целью ввести в заблуждение, сбить с толку верных слуг бога Ямы и прочих злых духов.

Когда процессия подходит к месту кремации, то готовы и дрова, и все необходимое для последующих церемоний. К слову сказать, дрова, в особенности высокого качества, достаточно дороги — равнинный Тамилнад не особо богат лесами, поэтому плата за каждый килограмм дров не столь уж малая. Продажей дров занимаются специализирующиеся на этом бизнесе торговцы.

Покойнику на месте кремации устраивается смертное ложе из дров, цветов и т. д. Во многих подобных случаях жители пользуются услугами *вэттянов* — низ-

ших деревенских служащих. Они хорошо знают свое ремесло и подчас бывают незаменимы при проведении церемонии сжигания трупа. Вэттияны прекрасно разбираются в качестве дров, ловко и быстро готовят костер.

Следует сказать, что женщины на место кремации не допускаются. Вдова также не составляет исключения. «Жена проводит до порога, родня до кладбища дойдет. Сын дым костра проводит взором, а дальше... он один пойдет»,—говорится в средневековом тамильском четверостишии. Однако прежде чем поджечь погребальный костер, проводится церемония «кормления» покойника. Она заключается в том, что покойнику кладут в рот несколько зерен риса. Право и обязанность поджечь погребальный костер остается, как известно, за старшим сыном. С кувшином воды он обходит смертное ложе покойного, держась к нему правым плечом, затем разбивает кувшин и, вооружившись длинным горящим факелом, поджигает у изголовья костер. В этой связи вспоминается бытующая у тамиллов поговорка. Если дети наносят родителям тяжкую обиду, то могут услышать от отца или матери такие слова: «Ты поджег огонь у моего изголовья», что соответствует русскому «вогнать в гроб». Пока пылает костер, на него сыплют пепел навоза священной коровы.

В зависимости от качества дров и масел, используемых на пропитку дров для погребального костра, кремация длится различное время. Следует сказать, что в далеком прошлом у тамиллов, видимо, существовал также обычай захоронения покойных. Во всяком случае, некоторые источники свидетельствуют об использовании большого глиняного горшка, в который помещали труп. Иногда упоминается еще и особая урна для захоронения. У тамиллов, как почти у всех индусов, не принято кремировать детей, умерших в определенном возрасте, так же как и саньясинов. Представителей некоторых «низких» каст тоже только погребают. Считается, что саньясины легко достигают небес, ведь они «святые», как, впрочем, и дети — сама невинность. Перед захоронением их заворачивают в пропитанную раствором куркумы ткань, укладывают на ложе, покрытое молодыми ветками дерева, после чего на носилках доставляют на кладбище.

Небезынтересно отметить, что саньясинов хоронят особым способом.

Перед тем, как поместить тело саньясина в могилу,

на стены ее и на дно сыплют соль—это дезинфекционная мера, обеззараживающая землю. Покойника в могилу «сажают», после чего происходит обязательная для усопшего церемония: ему разбивают череп кокосовым орехом. Считается, что это облегчит выход его души из тела — ведь она гнездится, как полагают, в голове. После этого могилу засыпают землей.

История знает случаи, когда в средние века на Юге Индии практиковался обычай *самати* — погребение живого прокаженного. Но куда более распространен был обычай добровольного восхождения на погребальный костер вдовы, известный в Индии под названием *сати*. Восхождение на костер — отнюдь не проявление мужества, как это порой стараются представить ортодоксальные индусы, а следствие величайшего отчаяния женщины, вынуждаемой к самоубийству объективными социальными условиями и морально-психологическим давлением со стороны семьи и общины, толкавших вдов в пылающий костер. Во времена существования традиции сати брахманы, говорят, знали такие растения, которые якобы защищали от боли при ожогах. Пастой из этих растений, смешанной с сандалом, натирали тело вдовы, после чего она бросалась в огонь и будто бы не испытывала при этом мучительных страданий, причиняемых ожогами.

Истоки обычая самосожжения восходят, возможно, к разработанному в системе индуизма понятию *дампати* — неразделимости мужа и жены. Считалось, что умерший муж испытывает необычайную тоску по оставленной половине, скорбит и взывает к ней, умоляя добровольно перешагнуть линию, отделяющую жизнь от небытия.

Древний обычай сати поддерживался почти повсеместно в Индии вплоть до его запрещения в первой половине XIX века.

Он существовал и в Южной Индии. Исторические хроники доносят до нас сообщения периода правления династии царей Чола. Во времена Вирараджендра Чоладевы (около 1216—1239 гг. н. э.) безымянный автор взял своеобразное «интервью» у вдовы, добровольно решившейся взойти на костер. «Она утверждает,—сообщал он,—что если останется жить после смерти мужа, то превратится в рабыню для других женщин, а мужчины, которые не связали и не бросили ее в костер, навлекут на себя несмываемый грех и будет считаться, что

они сами толкнули собственных жен на стезю проституции»⁴⁸.

Обычай сати окутан многими повериями. Так, например, считается, что мудрецы не получают просветления, если в костер с горящей вдовой не добавят несколько прутиков. Вдовам, уклонявшимся от исполнения сати, грозил бесконечный цикл рождений в облике презираемой женщины. Только костер мог помочь им возродиться в облике мужчины. Идеология сати коварна, отголоски ее слышны в Индии и в наши дни. Обратимся к индийской прессе.

В марте 1981 года газета «The Times of India» опубликовала любопытную подборку на тему о случаях сати. «В приведенных примерах женщины психологически были доведены до катастрофы... Единственное, что они знали, это то, что традиция рассматривает сати как нечто весьма похвальное... Общество же продолжает давить на беззащитных вдов. Сегодня они — объект либо жалости, либо подозрений. Страх развода зачастую висит над замужними, их жизнь нередко — игрушка в руках мужей»⁴⁹.

Небезынтересно отметить, что до сих пор не обнаружено свидетельств того, чтобы какой-нибудь вдовец ринулся в огонь, желая быть сожженным вместе с ушедшей в небытие любимой женщиной.

На другой после кремации день место сожжения посещают родственники — на сей раз в сопровождении женщин, которым вменяется в обязанность исполнение обряда *кадатрудаль*, заключающегося в том, что место кремации «охлаждают» свежей водой или молоком. После этого наступает очередь мужчин. Они собирают пепел и кости кремированного родственника в особый глиняный горшок, окропляют их и опускают в воды реки — чаще всего в том же месте, куда ранее бросали останки других родственников.

Несущая бремя страданий человеческих

В Тамилнаде существует еще один удивительный обычай, связанный со смертью женщин, умерших в родах. Он называется *сумэй таньги* и известен давно. Этот

⁴⁸ «The Times of India», 8.III.1981.

⁴⁹ Там же.

обычай более характерен для деревенских жителей. Сумэй таньги — значит «возложенное бремя», «несущая бремя». Никто не знает точно, когда именно возник этот обычай, когда вошло в норму, стало правилом увековечивать память матерей, умерших в родах.

Вдоль тамильских дорог, связующих города и поселки, стоят невысокие каменные сооружения в виде буквы «П» — два вертикальных столба и положенная на них плита. Эти сооружения не отмечают расстояние дорог и не предназначены для отдыха. Они, как рассказывают, служат символами нерасторжимых уз живых и ушедших в небытие.

Обязанностью вдовца считается забота об установке сумэй таньги. После похорон муж отправляется на поиски подходящих камней. Каменщики помогают ему подобрать нужный материал, после чего несколько дней работают над ним, высекая столбы и плиту нужных размеров. Два камня-столба вкапывают в землю, а сверху кладут плиту. Теперь сумэй таньги готов. Обычно он в рост человека. Путник, бредущий с грузом (*сумэй*) на голове, облегченно сбрасывает его и водружает на памятный камень (*таньги*). Человек отдыхает, набирается сил и благословляет ту, в память о которой установлен сумэй таньги. Подрастет сын или дочь, которые своим рождением обязаны покойной матери,—их приведут к сумэй таньги и покажут памятный камень, расскажут о матери.

Этот обычай породил ряд поверий. Одно из них состоит в том, что горизонтальная плита сумэй таньги обладает особой силой. Вот почему ее иногда снимают и используют при строительстве дома. Считается, что в нем всегда будут мир, счастье и благосостояние.

Стремление увековечить память ушедших вызвало в наши дни появление сходных обычаев. В городах Тамилнада можно, например, встретить немало аккуратных навесов на автобусных остановках. Они сооружены семьями в честь умершего близкого человека. Соответствующая надпись и фотография покойного поясняют, кем, когда и в честь кого построен навес, под которым живые находят укрытие от палящего солнца или ливневых дождей. Деньги, которые тратят европейцы на изготовление надгробных плит, кажутся бессмысленной тратой средств, когда смотришь на такие навесы на жарких улицах тамильских городов.

Смерть — это осквернение

Дом, в котором находится покойник, считается, как мы уже писали, оскверненным. Оскверненными становятся также все, кто принимал участие в похоронных обрядах — будь то кремация или захоронение. Вот почему участники похорон и жилище, где пребывал покойник, подвергаются тщательному очищению. В деревнях таким признанным средством для наружных и внутренних стен, пола дома, а также прилегающих к нему территорий считается коровий навоз. Его разбавляют водой и им обмывают жилище. Обычай требует, чтобы после похорон были зажжены светильники. Особенно ярко они горят на месте, где находилось тело покойного. Здесь же помещают кувшин с водой в честь умершего, нищим раздают пищу — все это делается для того, чтобы «избавить» умершего от жажды и голода.

В городах помещения обрабатывают ароматическими составами. Принимавшие участие в похоронах родственники спешат выполнить ритуальное омовение, сменить одежды. Семья покойного несколько дней не разжигает очаг и не готовит еду дома. По обычаю, в эти дни семью, которую постигло несчастье, кормят соседи, друзья. Но хлопоты, связанные с похоронами, особенно в течение первого года, на этом не заканчиваются. Отныне в свои права вступают предписанные традицией поминальные обряды и церемонии. Разработаны эти обряды в Индии с большой тщательностью, их число велико, и они, естественно, связаны с немалыми материальными затратами.

Поминальные обряды и церемонии меняются от касты к касте, многое зависит от степени обеспеченности семьи. Если состоятельные деревенские жители могут позволить себе, например, предаваться печали в течение двух и более недель, то у крестьян победнее, так же как и у городских рабочих, на это нет времени.

В небрахманских кастах принят недельный траур, начинающийся с семнадцатого дня после похорон. Бытует и обычай подношения брахману подарков с целью получения символического «пропуска» душе покойного в иной мир. Нередко родственники усопшего практикуют угощение вкусными и отборными яствами шестнадцати человек, устраиваемое на двенадцатый день после похорон.

Живучи среди тамиллов также поминальные обряды,

исполняемые на восьмой и на десятый день после похорон.

Распространены среди тамиллов годовые индуистские поминальные обряды. В октябре, например, проводится массовый праздник в честь умерших родителей. День жертвоприношений предкам обычно приурочивается ко дню новолуния. В дни поминовения родственников по мужской линии приносится весьма распространенная среди индусов жертва *шраддха*. В обряде в этом качестве используются шарики из вареного риса и сырые продукты. Последние предназначены для духовника, который обычно хорошо знает церемониальные тонкости, пользуется непререкаемым авторитетом и стоит во главе церемоний.

Важной составной частью обрядов считается поминальная церемония в доме покойного после кремации. Ответственность за ее проведение ложится либо на сына, либо на наследников покойного. В знак того, что оставший земные тяготы не забыт в мире живых и здравствующих родственников, последние приносят в честь покойного дары в виде пищи, тканей или одежд, преподносимых священнослужителям, беднякам и нищим. С этой же целью широко практикуется скармливание пищи животным. Дурным знаком считается, если корова или ворона отказывается брать жертвенную пищу.

На ежегодных поминальных обрядах принято подносить брахману в виде дара листья особого кустарникового растения и многие другие предметы. Считается, что они будут символически переданы предкам.

Не столь уж многие правоверные индусы знают и помнят дни, месяцы, часы и порядок проведения тех или иных обрядов или церемоний. Нужные сведения, наставления и практическое руководство они получают от жрецов и астрологов, внося определенную плату за такого рода услуги.

В конечном счете расходы на похороны и последующие за ними обряды и церемонии выливаются в приличную сумму, пробивающую значительную брешь в бюджете индусской семьи. Но люди идут на такие жертвы — традиции прочно держат их в плену. Это особенно заметно в деревнях и небольших городках Тамилнада. В крупных же городах с развитыми производительными силами обычаи и церемонии в значительной степени утратили свою значимость.

Бурные десятилетия нашего века стимулировали не-

виданный по своему размаху процесс пробуждения сознания глубинных масс населения. Даже в системе погребальных обрядов происходят перемены. В крупных городах Тамилнада, например, вводятся в действие построенные на общественные средства крематории с использованием электричества. Нынешние условия жизни вынуждают горожан справлять погребальные обряды в максимально сжатые сроки. Некоторые церемонии либо опускаются, либо значительно упрощаются. В конечном счете объективные условия развития общества подскажут народу приемлемые пути трансформации обычаев.

ПОТОК ВРЕМЕНИ

Для бедняков и немощных все дни календаря неблагоприятны.

Тамильская поговорка

Очень давно народы планеты стали учиться вести счет времени. Цивилизация немыслима без умения верно отсчитывать секунды, минуты, часы, годы и века. Тайну времени, его ускользающую непостижимость пытались уловить философы всех времен и народов, неотрывно следя за сыплющимися золотистыми струйками песочных часов, прислушиваясь к серебряному звону капель хитроумных водяных часов, изумляясь движению тени, отбрасываемой солнечными часами.

Время... Не его ли размеренный бег породил углубленную созерцательность восточных мудрецов и пророков? Не его ли изменчивая природа заставляет аскетов в поисках истины брести по дорогам Индии? Не стремление ли ощутить неуловимую сущность времени заставляет отрешенного от мира йога устремлять неподвижный взор в одну точку? Не время ли родило слова «*Банде матарам*»⁵⁰?

«Это был могущественный, стремительный поток, полный сил. Он пронесился сквозь смятенный ум! Я узнал его — это было Время... Мы с восторгом взирали с берега на рвущийся бег Времени, и неодолимое желание обуяло нас — мы ринулись в самую середину мятежной буйности. Яростный, могучий и неистовый поток подхватил нас»⁵¹ — так воспевал время Субраманья Барадди. Наш современник, тамильский поэт Тарума Сивара-

⁵⁰ «Банде матарам!» («Слава тебе, Мать-Индия!») — строка из стихотворения выдающегося бенгальского писателя Бонким Чондро Чаттерджи (1837—1894). Стихотворение было объявлено в начале XX века гимном национального движения.

⁵¹ С. Subramania Bharati. Agni and Other Poems and Translations. Madras, 1980, с. 9.

му в философско-поэтическом ключе осмысливает феномен Времени:

Почему в водоеме Времени
Вздымаются волны
По имени Прошлое и Будущее?
Потому что камень по имени Настоящее
Бросаем мы в водоем...⁶²

В разные периоды цивилизации категории времени приписывалась божественность, загадочность, оно нередко окутывалось мистическими представлениями. Однако все народы мира испытывали необходимость знать цикличность природных явлений, точное время наступления сезонов. От этого нередко зависела жизнь членов семьи и рода. Люди давно заметили, что пройдет не менее девяти полных лунных циклов, прежде чем человек с гордостью сможет услышать крик новорожденного — наследника его земных дел, будущую опору и защитника. Наступление весны, приход зимы, точное время посева или уборки урожая, биологические циклы животного или растительного мира — все это должен был подмечать и фиксировать человек, чтобы использовать в своих интересах. Именно практическая необходимость учета времени вызвала к жизни появление календарей — этого своеобразного счетчика времени.

Календари знаменовали собой новый этап в развитии человеческих знаний и постижении тайн окружающего мира. Они обычно «привязывались» к естественным природным явлениям, повторяющимся в строгой последовательности и с равными промежутками. Появились солнечные и лунные календари.

С древнейших времен в Индии пользовались лунным календарем. Но такой «месяцеслов» в разных регионах страны имеет свои особенности. Немало любопытного о традициях, верованиях, обычаях, истории тамильского народа можно узнать, листая любой годовой календарь, изданный в Тамилнаде на местном языке. В основу счисления здесь положен лунный календарь, существующий наряду с общеиндийским и западным «месяцесловами».

Традиционный тамильский календарь ведет счисление по фазам Луны и отражает соотношения лунного дня и ночи, повторяющиеся через четырнадцать дней. Каждая фаза имеет свое название. И о каждой из них народ

⁶² Тарума Сивараму. Бросание камней. Мадрас, 1976, с. 47 (на тамил. яз.).

сложил свои поверия, мифы и легенды. Фазы Луны присутствуют в полных поэтического смысла песнях, пословицах и поговорках. «Сияй, Луна, и стань моей возлюбленной, если только ты способна излучать свет, подобный сиянию лика моей красавицы!»—писал Тируваллувар, подразумевая, естественно, фазу полной Луны. Когда тамилы хотят подчеркнуть нечто необыкновенное и редкостное, они говорят: «Это все равно, что увидеть оборотную сторону Луны...»

В Тамилнаде народ чаще всего пользуется традиционными названиями месяцев и дней недели. В деловой жизни нередко в ходу североиндийские и европейские наименования. Принятые в Европе месяцы не совпадают с индийскими. Лунный месяц в Индии делится на темную и светлую половины. Темная половина наступает на следующий после полнолуния день, светлая — с новолуния. Месяц начинается примерно с середины европейского, а конец падает на середину следующего.

Так, в Тамилнаде месяц читтирей длится с середины апреля до середины мая (1977 год, например, наступил 13 апреля). Вместе со следующим за ним месяцем (*вайкаси*) читтирей составляет первый из шести сезонов тамильского года — *илавениркалам* (теплый сезон). Десять последующих месяцев образуют еще пять сезонов: *мутувениркалам* (жаркий сезон, месяцы *ани* — июнь-июль и *ади* — июль-август); *каркалам* (дождливый сезон, месяцы *авани* — август-сентябрь и *пураттаси* — сентябрь-октябрь); *кудиркалам* (прохладный сезон — месяцы *айппаси* — октябрь-ноябрь и *карттикей* — ноябрь-декабрь); *мунпаниккалам* (сезон первой росы — месяцы *маркажи* — декабрь-январь и *тай* — январь-февраль); *пинпаниккалам* (сезон последней росы — месяцы *масси* — февраль-март и *пангуни* — март-апрель). А. Бэшем отмечает, что в Индии месяцы названы по знакам зодиака, и полагает, что названия последних представляют собой буквальные переводы греческих оригинальных терминов⁵³. Подобную картину мы видим и в тамильском календаре: читтирей, например, соответствует Овену, вайкаси — Тельцу и т. д. Примерно так же обстоит дело с названиями дней недели в Индии и Тамилнаде: они обозначают в то же время и основные планеты солнечной системы. Понедельник (*тингаткижамэй*) — буквально «день Луны», вторник (*севвайккижамэй*)

⁵³ А. Бэшем. Чудо, которым была Индия. с. 518.

мэй) — «день Марса», среда (*путанккижамэй*) — «день Меркурия», четверг (*вияжккижамэй*) — «день Юпитера», пятница (*велликкижамэй*) — «день Венеры», суббота (*саниккижамэй*) — «день Сатурна» и воскресенье (*ньяит-рыккижамэй*) — «день Солнца».

В соответствии с традиционным индуистским календарем, к семи названным небесным телам тамилы, как и жители других штатов Индии, причисляют еще два, которые до сих пор не обнаружены ни одним астрономом мира, — это планеты Раху и Кету. В сущности этими словами обозначается не что иное, как «восходящая и нисходящая точки пересечения лунной орбиты»⁵⁴. Народная молва не жалуется «невидимые планеты», так же как и планету Сатурн, считая эту троицу дурно влияющей на все живое.

— Карумпамбу! (Черный Змей!) — с негодованием говорят тамилы о Раху.

Люди представляют его себе в виде чудовищного дракона, способного унести Солнце или Луну и вызвать тем самым наводящее страх затмение.

Мифы рассказывают, будто некогда дракон Раху похитил у богов добытый ими с трудом напиток бессмертия (*амриту*) и сумел изрядно отхлебнуть от него. Солнце и Луна тут же изобличили «преступника», осветив его своими лучами. Разгневанный Вишну схватился с драконом и одним махом снес ему голову. И она поднялась в небо, где якобы пребывает и поныне. Туловище Раху, на которое действие амриты не успело распространиться, рассыпалось на мириады частиц, образовав кометы и метеориты. С тех пор ужасный дракон, скрежеща зубами, постоянно «караулит» Солнце и Луну. Иногда ему удается схватить их и проглотить, и тогда наступает затмение. Но проходит время — и Луна и Солнце снова появляются на небосклоне: отсутствие у Раху туловища помогает небесным светилам благополучно выходить из глотки дракона.

Ночь средь бела дня

16 февраля 1980 года небо над большей частью территории Индийского субконтинента было как всегда чистым. С утра ярко светило солнце. Ничто не предвещало

⁵⁴ Там же, с. 516.

грозы. И кто мог подумать, что всего через каких-то несколько часов произойдет невероятное — впоследствии индийская пресса назовет это происшествие «космической драмой века». Многомиллионная страна, казалось, затаила дыхание в ожидании беды. В космосе Солнце, Земля и Луна стремительно неслись к тем точкам Вселенной, где должно было свершиться неминуемое. Газеты сообщали, что в последний раз Индия пережила подобное 22 января 1898 года.

Ученые-астрономы первыми предупредили о приближающемся событии. 16 февраля, сообщали они, в дневное время значительная часть территории Индии погрузится во мрак. На остальной части страны наступит вечер, сумерки окутают землю, сильно похолодает.

Ученые оказались правы. Ровно в 3 часа 38 минут 33 секунды по местному времени гигантская тень упала на съезжившийся от страха Гокарн — городок на западном побережье Индии. Казалось, гигантский черный дракон с невероятной скоростью 3500 километров в час «вспахивал» широкую борозду по равнинам, горам, городам и деревням, наводя ужас на суеверных людей. Наступило полное солнечное затмение!

Затмения, как известно теперь каждому школьнику, происходят вследствие того, что либо небесное светило закрывает другое, либо тень одного несамосветящегося тела падает на такое же. Так, затмение Солнца наблюдается тогда, когда его закрывает Луна, о чем написано не только в Большой Советской Энциклопедии, но и в энциклопедиях всего мира. Солнечные затмения — и это тоже хорошо известно — бывают полными и частными. При полном затмении диаметр движущейся по поверхности Земли лунной тени достигает в определенной области нашей планеты диаметра в 270 километров. Именно в этих пределах люди могут последовательно, от города к городу, видеть полное солнечное затмение. В смежных с ними областях наблюдается частное солнечное затмение. Известно также, что затмение Солнца может быть видимым на данной территории только в период новолуний. 16 февраля 1980 года такое положение небесных тел сложилось тогда, когда на территории Индии можно было наблюдать полное и частное солнечное затмение. В этот день над страной с запада на восток пронеслась гигантская космическая тень.

Одним из первых, как сообщили из Бангалура, погрузился в полный мрак среди бела дня городок Го-

карн. Этот волнующий момент могли видеть на экранах своих телевизоров сотни тысяч индийцев. Непрерывно телетайпы отстукивали в столицу Индии сообщения: «...наступила ночь... ночь... сплошной мрак... подул холодный ветер... похолодало... в городе спокойно... в небе зажглись звезды...»

Ровно через 2 минуты 52 секунды над Гокарном начался рассвет. Он проходил непривычно стремительно — Солнце на глазах у изумленной публики освобождалось от тени Луны. Теперь заработали телетайпы в других городах — Гонавара, Хубли, Гадага, Райчура, поочередно погружавшихся в непроницаемый мрак. В прилегающих к поясу полного солнечного затмения городах и деревнях Южной и Центральной Индии наблюдалось частное затмение. В областях полного затмения можно было видеть одинаковую картину начала и конца захватывающего воображение явления, повторяющуюся в равной последовательности.

Круглая тень от Луны постепенно надвигалась на солнечный диск, пока не закрыла его полностью. Казалось, будто гигантские зубы какого-то чудовища неумолимо захватывали золотую «небесную лепешку» — вот почему древним индийцам мерещился Черный Змей, пожирающий светило. Непосредственно перед тем, как закрылся диск Солнца, стало видно, как нитеобразный золотой край светила разорвался на множество блестящих округлых точек. Это явление, известное в науке под названием «четки Бэйли», — следствие того, что последние солнечные лучи стремительно скользят через впадины между лунными горами. Наблюдателю с Земли кажется, будто Солнце «разрывается» на части, испуская в пространство прощальные лучи. Всего несколько секунд длится это поразительное явление природы. Понятен интерес астрономов, приехавших в Индию ради этих нескольких секунд.

После того как тень Луны полностью закрыла солнечный диск, ярким светом засияла солнечная корона. «Тысячи людей замерли в немом восторге, — сообщала индийская пресса из Карвара. — Тишину разорвали крики беснующихся в танце тысяч американских хиппи, собравшихся на берегу моря»⁵⁵. В те дни индийские ученые провели огромную научно-просветительскую работу среди населения. Это дало свои результаты: в стра-

⁵⁵ «The Times of India», 17.II.80.

не не наблюдалось, как это было в прежние времена, паники или массовых волнений.

Интересны отчеты индийской прессы о том, что происходило в городах в день полного солнечного затмения.

Праздник?.. Едва ли...

16 февраля 1980 года был объявлен в Индии днем национального праздника, хотя он не отмечен ни в одном традиционном индуистском календаре. Вернее было бы назвать его незапланированным выходным днем, сложившимся стихийно, ибо праздник в Индии, как и в других странах, обычно ассоциируется с чем-то светлым, радостным и торжественным. Атмосфера в стране в тот день едва ли была радостной. «В Калькутте,—сообщала индийская пресса,—улицы опустели уже с полудня. Автобусы остановились, магазины закрылись. Уличное освещение не функционировало. В Патне не работали рынки, жители спрятались в дома. Редкие прохожие, прикрыв головы во избежание зловредного воздействия скверны затмения, спешили домой... Опустели улицы Бомбея... В Мадрасе деловая жизнь была практически парализована. Офисы, коммерческие учреждения, магазины, рестораны, лавки, институты и колледжи в тот день были закрыты. В кинотеатрах все сеансы были отменены. Остановились автобусы и такси — водители под разными предлогами покинули свои рабочие места. Авторикши, воспользовавшись моментом, взвинтили стоимость проезда...»⁵⁶.

Стихийно остановились электрички — желающих путешествовать в такой день не оказалось. Правда, междугородные поезда двигались по расписанию. В Джайпуре даже дорожная полиция покинула свои посты, предварительно выключив светофоры. Все местные храмовые праздники и фестивали в штатах страны были отменены (случай сам по себе исключительный!). В городе Панаджи отменили традиционный карнавал. В столице Индии, как и в других городах, общественный транспорт был парализован. Город словно вымер.

Почему такое естественное природное явление, как затмение Солнца, нарушило размеренный ритм жизни страны? Думается, основная причина кроется в отношении людей к затмениям. Складывалось оно веками. Ви-

⁵⁶ Там же.

димо, пройдут годы, прежде чем оно изменится. В основе его лежат определенные поверия, приметы, легенды, мифы и предания. Существует кодекс поведения и ряд ритуалов, которые предписывает индуизм своим последователям в подобных ситуациях.

Черный Змей и «злые лучи»

Больше всего индусы боятся осквернения. В период частного или полного солнечного затмения лучи Солнца считаются особо «злыми» и вредоносными. Во избежание осквернения индуизм предписывает беречь глаза и прикрывать голову. Лучше всего находиться в жилище за плотно закрытыми дверями и зашторенными окнами. Неплохим «противоядием» считается омовение в минуты затмения в водах рек и водоемов. Беременным женщинам весь день не следует покидать помещение. Лучше всего, если они будут лежать в полумраке неподвижно. Возле беременной должен находиться кто-то из близких.

Верующим нужно отказаться от еды за день до начала и в день затмения. Ибо, по мнению верующих, пища начинает испытывать дурное воздействие «злых лучей» задолго до начала затмения. Приготовленное заранее блюдо нужно непременно выбросить, а воду вылить. Нетрудно себе представить, сколько миллионов бедняков вынуждено в угоду предрассудкам и мнению общины расставаться с последними пригоршнями риса!

Издравле *шастры* (религиозные трактаты) канонизировали четыре главных ритуала, которым должны тщательно следовать верующие в дни затмений: *япа* («произнесение молитв»), *тапа* («покаяние и аскеза»), *мантра* («механическое произнесение магических заклинаний», смысла которых, как правило, не знают даже жрецы) и *яджня* («жертвоприношения в виде материальных благ»). Яджня рассматривается как существеннейший элемент в системе индуизма. Ясно, что без нее едва ли мыслимо существование богатейших храмов, этих оплотов индуизма. Вовсе не случайно один из четырех главных индуистских «святых» — Шанкарачарья из Дварки выступил перед верующими и напомнил им важность и настоятельную необходимость принесения жертв храмам в период угасания дневного светила. Сам «святой» обещал отправиться на берег «священного» водоема и погрузиться на четыре часа в *самадхи* — в со-

стояние глубокого сосредоточения, цель которого, по мысли верующих, заключается в отождествлении себя с божеством.

В комплекс примет и поверий у индусов входит нейтрализация дурного влияния «злых лучей» с помощью травы *вишвамитра* (*дурва*). Эта трава обычно используется при различных церемониях и обрядах с целью изгнания духов. Давно было замечено, что дурва обладает бактерицидными свойствами. Религиозное сознание индусов приписало этому растению мистическую силу. В день затмения торговцы травой взвинтили на нее цены в десятки раз.

Широко распространена у индусов наивная вера в то, что в день затмения зеленый цвет обладает волшебными свойствами. Вот почему тысячи мужчин и женщин вынуждены изыскивать дополнительные финансовые возможности для приобретения новых нарядов соответствующего цвета. Огромные толпы до и после затмения Солнца осаждали прилавки магазинов, за бешеные деньги приобретая дешевые браслеты зеленого цвета — молва наделяет их чудесной силой, способной уберечь человека, в особенности новобрачных, от воздействия «злых лучей». Когда эти поделки из смолы, окрашенной в зеленый цвет, были распроданы, оборотистые торговцы выложили тысячи браслетов, изготовленных из травы. И они не просчитались. Зная набожность и слепую веру своих клиентов, торговцы в день затмения заламывали за сплетенные из травы браслеты рекордную цену — 15 рупий за дюжину. Если учесть, что заработок среднеоплачиваемого рабочего в Индии составляет около пяти рупий в день, легко представить, сколько семей остались без еды в ближайшие дни после затмения.

Всякое затмение для верующего индуса и в наши дни представляет собой событие исключительной важности, ибо, как уже говорилось, дни и часы затмения в его сознании ассоциируются со скверной, предвещающей дурные времена. Суеверные индусы стараются «отвести» от себя скверну жертвоприношениями и молитвами. В своих мольбах верующие просят дракона Раху пожалеть Солнце и выпустить на волю, иначе без света прекратится жизнь на Земле.

С молитвами и песнопениями сотни паломников погружаются в священные воды Ганга, реки Кавери и других водоемов. Газеты сообщают, что в древнем городе Курукшетре во время купания молящихся два старика

паломника погибли — они, как считают, умерли от переохлаждения. Оказывается, купание в «святых» водах помогает спасению душ предков и возрождению. Однако самое благое деяние все же — принесение конкретной жертвы, имеющей известную ценность. Вот почему тысячи паломников, собравшихся на берегах рек, дарят храмам немалые суммы денег.

Кроме денежной жертвы, в храмовые сокровищницы поступают драгоценности, новые одежды, гхи и даже дойные коровы. Ведь индуизм устами жрецов призывает: отказывайтесь от земных радостей, отрекайтесь от земной суеты и дел, пока Солнце не вырвется из плена Черного Змея! Готовьтесь увидеть рожденных в этот губительный день детей погруженными в вечные муки и страдания, детей слепых, глухих и уродливых. Но вы можете избежать всех этих и прочих бед, принеся жертву, вознося молитвы, очищаясь огнем и водой.

В наши дни подобные наставления звучат анахронизмом, пережитком прошлого. Но в Индии сложные социально-экономические причины обуславливали в течение веков почти поголовную неграмотность. На почве невежества пышно расцветают суеверия и предрассудки, которые были и все еще остаются немалыми козырями в руках не только священнослужителей и астрологов, но и многих шарлатанов. В дни затмения верующие делают храмам и жрецам особо богатые жертвоприношения.

В некоторых частях Индии в дар священнослужителям, брахманам приносили в час затмения живых питомов, кобр и гадюк. Принявший такой отнюдь не безобидный подарок брахман тут же выпускал свой сувенир на свободу, чаще всего в воды священных рек и водоемов. Обычай подношения пресмыкающихся объясняется легендой, согласно которой бог Индра однажды в день затмения принес в жертву двух змей, чтобы задобрить Черного Змея. Живет легенда — и живет обычай. История знает случаи, когда еще в недалеком прошлом жрецам в час затмения жертвовали змею, изготовленную из золота или серебра. В соответствии с традицией они тут же бросали дорогую поделку в заранее приготовленные тигли, открыто демонстрируя, что приносят жертву Черному Змею и подчеркивая тем самым свое «равнодушие» к золоту и серебру. Впоследствии переплавленный металл благополучно оседал в сундуках священнослужителей...

Телевидение страны каждые десять минут в часы

затмения вело специальные репортажи. Газеты публиковали сообщения из разных городов о событиях в различных частях Индии.

Просветительская работа не замедлила дать положительные результаты. По сообщениям индийской прессы, тысячи людей заполнили аудитории лекториев и обсерваторий, предпочтя их посещению храмов. «Огромная толпа собралась в обсерватории Керальского университета, где ход затмения проецировался на гигантский экран... Храмы в Мадрасе в часы затмения опустели и вынуждены были закрыться... Непривычно мало — всего несколько тысяч верующих собралось в Хардваре... Места паломничества на Юге Индии — Тирумалей и Тирупати — выглядели совершенно безлюдными. Храм бога Венкатесвара закрылся еще на рассвете. Директор Всендийского института медицинских исследований сказал: „Мы ожидаем, что число людей, зрение которых, возможно, пострадает — из-за отсутствия навыков визуального наблюдения за Солнцем — будет небольшим, так как мы провели разъяснительную работу среди населения страны“»⁵⁷. Вскоре из крупного города Чандигарха поступило сообщение, что в день затмения в местном госпитале зарегистрировано всего двадцать случаев повреждения зрения у населения — довольно мало по сравнению с практикой прошлых десятилетий. Ученые-астрономы оказались в центре внимания публики.

Научная программа предусматривала наблюдение за поведением животного и растительного мира во время затмения. Предварительные результаты публиковались незамедлительно. Данные ученых начисто опровергли укоренившиеся в умах верующих суеверные представления и предрассудки, связанные с затмением.

Ученые, наблюдавшие за поведением перелетных птиц, и тех, которые ведут ночной образ жизни, пришли к выводу, что с наступлением полного затмения перелетные птицы пытались вспорхнуть. Стервятники возвращались в свои гнезда, а после затмения снова улетели за добычей. Остальные птицы вели себя обычно. Верующие думали, что в час затмения птицы будут замертво падать на землю, но этого не случилось. Совершенно естественным было и поведение животных. В зоопарках в минуты полного затмения тигры спокойно ели. Доктор Гуха заявил возбужденным корреспондентам: «Никаких

⁵⁷ Там же.

существенных отклонений в поведении птиц и животных не было»⁵⁸. Строгие научные факты, таким образом, не подтвердили бытующее среди верующих представление о губительном влиянии затмения на организмы живых существ или о существовании «злых духов», которые якобы в период затмения отрицательно влияют на людей, животных и продукты питания.

Многие индусы верят, что «злые лучи» действуют на новорожденных. В родильных домах Индии врачи были настороже, скрупулезно регистрируя состояние младенцев, появившихся на свет в час затмения. Сведения стекались в единый научный центр, который сразу публиковал результаты наблюдений. Вырисовалась следующая картина.

В Мадрасе в период затмения родилось двенадцать детей. Один из них оказался мертворожденным — для страны такое соотношение, согласно статистике, обычно. В Дели только пятеро младенцев зарегистрированы в графе «дети затмения» — так называют родившихся в час потускнения Солнца. «Хотя существует широко распространенное мнение, будто „дети затмения“ — уродцы, на самом деле все новорожденные абсолютно нормальные»⁵⁹.

Десятки сообщений из научных центров страны содержали сведения экспертов-врачей о поведении душевнобольных в час затмения. Врачи вели также наблюдение и за йогами, добровольно согласившимися на эксперимент. Ожидалось, что в минуты затмения они смогут проявить необычайную психическую энергию. Однако эксперты вынуждены были разочаровать репортеров: ни опытные специалисты, ни новейшие приборы, подключенные к компьютерам, не зафиксировали у йогов «сверхэнергии». Поведение же больных, как явствует из докладов, оставалось прежним.

Десятки исследовательских учреждений Индии, работавших во время затмения по скоординированной программе, пришли к единодушному выводу: естественное явление природы — затмение — не вызвало никаких отклонений ни у людей, ни в мире флоры и фауны. Не нашло строгого научного подтверждения ни одно из поверий, ни одна из примет или суеверий, столь распространенных среди верующих, о чем не замедлили известить.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

своих читателей газеты и журналы, нанеся тем самым чувствительный удар по предрассудкам.

Загадочные «летающие объекты»

Еще не успели жители Южной Индии в тот день прийти в себя после полного затмения, как на предзакатном небе, на котором уже готовы были вспыхнуть звезды, тысячи людей в Тамилнаде, Андхре, Карнатаке и Керале наблюдали за таинственными объектами.

Станный и необычный свет окружал загадочные объекты — пятно розового цвета полусферической формы, двигавшееся в небе на некотором расстоянии от двух шаров голубоватого цвета. Объекты появились, по словам очевидцев города Кочина, внезапно. Казалось, будто верхние воздушные течения медленно их относят. Ничего подобного в Индии до сих пор не наблюдалось, поэтому невозможно было провести никаких аналогий. Затаив дыхание, люди провожали взором таинственные объекты, которые вскоре исчезли, словно растворились в воздухе.

Появление около семи часов вечера над городом Коттаямом непонятного объекта вызвало волнение. Он был похож на светящуюся изнутри змею. Возле него наблюдалось еще два не менее загадочных объекта. Повергнутые в замешательство жители города в один голос утверждали, что с земли объекты казались двумя футбольными мячами. Они медленно плыли вслед за змевидным объектом, пока внезапно не исчезли из виду.

В тот же вечер жители крупного города текстильщиков Коимбатура (штат Тамилнад) высыпали на улицы, чтобы тоже наблюдать три таинственных объекта, появившихся на горизонте с юга, — два белых и один красного цвета. Вскоре объекты исчезли из виду. Ярко-белого цвета летающие объекты видели и многие жители Мадурая.

Верующие, не умея дать объяснение этим странным явлениям, посчитали их грозным знаменем и кинулись за советом и помощью к астрологам, гадалщикам и в храмы.

Астрологи, углубившись в изучение одним им понятных карт звездного неба, изрекали таинственные и невразумительные фразы, а гадалщики изрядно морочили головы своим простодушным клиентам.

В редакциях газет беспрестанно раздавались теле-

фонные звонки — репортеры давали сногшибательные сообщения о таинственных неопознанных объектах в небе Южной Индии. Умудренные опытом редакторы, люди, привыкшие иметь дело с разного рода информацией, немедленно связались с учеными.

Из радиоастрономической обсерватории, расположенной в курортном городке в горах Нильгири, немедленно откликнулись. Выяснилось, что в указанное время действительно наблюдались объекты. В журнале научных наблюдений в графе «природа явлений» астрономами сделана следующая запись: «Объекты — следствие вывода на орбиту спутников, предназначенных для изучения затмения»⁶⁰. Еще более категорично звучали ответы ученых и специалистов из Тумбы — ракетно-пускового центра близ столицы Кералы Тривандрума.

«Светящиеся объекты, наблюдавшиеся над многими городами,—сообщили из Тумбы,—были не чем иным, как парами, оставленными ракетой, запущенной из нашего центра в 18 часов 55 минут в соответствии с программой по изучению солнечного затмения. Пары розового цвета, оставленные ракетой, приняли форму двух шаров»⁶¹. Газеты сообщали, что ракеты, запущенные из стартового центра Тумбы, изготовлены в Советском Союзе и в соответствии с соглашением доставлены в Индию для научных экспериментов. Эти ракеты подняли в небо научную аппаратуру для наблюдений за изменениями на территории Индии в период затмения.

Эти сообщения ученых были сразу помещены в экстренные выпуски газет, переданы по радио и телевидению. Многие были просто сконфужены прозаическим, но бесспорным и явно земным происхождением так называемых неопознанных летающих объектов. Естественно, столь ясные и неопровержимые свидетельства ученых, запустивших ракеты, явились своеобразным отрезвляющим душем для суеверных и религиозных людей.

Природа некоторых атмосферных явлений, принимаемых за НЛО или «летающие тарелки», была недавно объяснена советским ученым, директором Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн В. В. Мигулиным. «Мне приходилось быть свидетелем рождения „летающих тарелок“,—рассказывает ученый. — Стартовало несколько геофизических ракет. На разных высотах они выпускали ярко окра-

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

шенные натриевые облака, которые медленно плыли над землей,—ученые определяли скорость их перемещения... А вскоре в редакцию пошли письма: „наблюдали тарелки!“»⁶². «Битва» между наукой и религией, истиной и суевериями продолжается до сих пор. Но неумолим бег времени. Уходят в забвение суеверия и страх перед тайнами природы. В памяти потомков останутся отлитые в поэтические строки мифы и предания — этот своеобразный памятник тому, с каким трудом шло человечество через мрак к свету.

Листок тамильского календаря

Возьмем один листок отрывного тамильского календаря за 1977 год.

На нем стоит дата — понедельник 3 января 1977 года. Значит, согласно принятому в Европе солнечному исчислению, наступил третий день Нового года. На этом же листке значится, что сегодня — понедельник 19 *маркажи* 1976 года, и до наступления тамильского Нового года остается еще сто дней. Согласно местному календарю, тамилы живут еще в прошлом году. Тамильский календарь также учитывает и нужды мусульман. Поэтому на том же листке указано — 12 день месяца *мухарам* года *хиджры* (1397).

Этим не исчерпываются сведения, предлагаемые тамильским календарем. Традиционно индусы делят сутки на шестьдесят равных частей — по-тамильски *нажихей*. Каждый *нажихей* равен 24 минутам. С учетом этого календарь пунктуально сообщает своим читателям часы — благоприятные или неблагоприятные. Календарь на 3 января 1977 года предсказывал, что все 60 *нажихеев* в основном благоприятны для ведения различных дел. Однако в календаре сделана оговорка — период между 22 и 28 *нажихеем* суток может оказаться не совсем удачным. Индийский час (*нажихей*) распадается, в свою очередь, на минуты и секунды. За длительность секунды принимается время мигания глаза.

Следует добавить, что тамилы не просто делят сутки на дневное и ночное время. Хотя европейские стандарты отсчета времени суток в часах и минутах распространены весьма широко, у жителей штата в ходу традици-

⁶² «Правда», 2.III.1980.

онное деление времени дня и ночи на строго определенные отрезки.

Слово «чируппожуду» включает в себе понятие о делении дня на шесть равных частей, хотя древнейшая из тамильских грамматик — «Толкаппиям» — оспаривает это положение, утверждая, что день состоит из пяти отрезков. Как бы то ни было, но необходимость измерения времени, вызванная практическими соображениями, родила конкретные понятия в тамильском календаре, такие, как *динаппараманам* — «время суток от восхода до захода солнца», *ираппираманам* — «время суток от захода до восхода солнца», *аруккаппираманам* — «время суток от восхода до восхода солнца». В пределах суток различаются трехчасовые и полуторачасовые отрезки времени, такие, как *мухурттам*, длительностью в 90 минут, считающиеся особо удачливыми, и *пахаль* — часы, в течение которых следует остерегаться неудач. Время с момента захода солнца до 22 часов — это понятие «вечер», после чего наступает ночной период, делящийся на «стражи».

День, в свою очередь, тоже делится на равные отрезки времени. Середина дня (*маттиянам*) — это время с 11 часов утра до двух часов дня...

Посмотрим, какую еще информацию дает календарный листок за 3 января 1977 года.

В течение всего года тамильский календарь предупреждает читателей о точном наступлении и окончании зловещего отрезка времени — *Раху калам* (часы дракона Раху), когда, как считают индусы, происходит временное «исчезновение» Луны. Это время составляет обычно полтора часа. По понедельникам Раху калам длится с 7 часов 30 минут до 9 часов утра, по вторникам — с 3 до 4 часов дня, по средам — с 12 часов до 1 часа 30 минут дня, по четвергам — с 1 часа 30 минут до 3 часов пополудни, по пятницам — с 10 часов 30 минут до 12 часов дня, по субботам — с 9 часов 30 минут до 11 часов и по воскресеньям — с 4 часов 30 минут до 6 часов вечера. В часы Раху, считают правоверные индусы, лучше не заниматься серьезным делом. По представлениям верующих, в такие часы следует особо тщательно выполнять предписанные ритуалы.

Не забывает календарь ежедневно предупреждать об особо благоприятных утренних и вечерних часах. 3 января 1977 года, как уверяет календарь, утром такого времени вообще не было. Зато календарь предрек, что

наиболее удачным будет время к вечеру того же дня с 3 до 4 часов пополудни. Календарь сообщает также о наступлении и об окончании *емакандама* — времени суток продолжительностью в полтора часа, когда в мире якобы проявляет самую высокую активность бог смерти Яма. Время это приходится на разные часы дней недели и обычно не совпадает с временем Раху. *Гулихей* — время, благоприятствующее всяким делам, как правило, длится 90 минут: по понедельникам оно длится с 1 часа 30 минут до 3 часов пополудни, во вторник — с 12 часов до 1 часа 30 минут и т. д. Указывая благоприятные часы того или иного дня, календарь не забывает конкретизировать и расшифровывать это понятие. Тамил, посмотрев в календарь, может узнать, что 3 января 1977 года — день, особо благоприятный для таких начинаний, как пахота, сев или уборка урожая (на Юге Индии снимают не один урожай в год и уборка может вестись параллельно с севом). В этот день крестьянам, согласно календарю, должна сопутствовать удача также и при покупке домашнего скота.

Чтобы добраться до рынка, жителям деревень нередко приходится преодолевать значительные расстояния. Поэтому календарь дает и такие советы: в какие часы и в каком направлении поездка окажется наиболее удачной. *Сулам — кижаккы!* — крупными буквами выведено на листке за 3 января 1977 года. И суеверный крестьянин, увидав эти строки, вынужден отправиться не на ближний базар, расположенный к востоку от селения, а на дальний — на юге, севере или западе, потому что по понедельникам грозный трезубец (*сулам*) бога Шивы направлен на восток (*кижаккы*). Стоит ли искушать судьбу и накликать на себя божью кару?

Трудно сказать, сколько средств, сил и энергии тратится впустую теми ортодоксально настроенными верующими, которые скрупулезно следуют всем традиционным предписаниям индуистского календаря, — такой статистики пока нет, но несомненно одно: прямые и косвенные потери здесь немалые.

Герои, поэты, идолы...

Не забывает календарь сообщать о праздниках общенационального, общетамильского и местного значения. Так, 3 января, согласно календарю, в Тамилнаде

было сразу несколько праздников. Первым упоминается день поминовения Вирапандия Каттабоммы. Понятно, что тамильский календарь включил имя героя как святое для памяти народной.

Этот же календарный листок напоминает, что в тамильском городке Тирупперунтурей проводится праздник колесницы в честь шиваитского святого Маниккавасахара, того самого, который находил «рубиновые слова».

В день памяти Маниккавасахара, говорится далее на том же листке календаря, в городке Тирупперунтурей в честь поэта проводится *тэр* — праздник колесницы. Обычно на торжество собирается много народа. Под звуки музыки и ликующие крики присутствующих из храма торжественно выносят бронзовую или серебряную скульптуру причисленного к лику святых поэта (нередко такие фигуры покрыты позолотой). Высота скульптуры около метра. Ее торжественно водружают на колесницу, пышно украшают гирляндами свежесрезанных благоухающих цветов. В колесницу впрягаются сотни добровольцев, и под восторженные песнопения она катит по улицам, прилегающим к храму. Поклонники поэта со всех концов штата прибывают сюда, чтобы отдать дань своему кумиру. Местные барды читают стихи, посвященные поэту, в храмах звучат его гимны. Тамильская пресса дает подробные отчеты о состоявшихся торжествах.

3 января 1977 года, сообщает календарь, в столице штата Мадрасе в шиваитском храме Кандасами, то есть Муругана, младшего сына бога Шивы, проводится праздник колесницы. В основе своей его элементы совпадают с описанным выше праздником *тэр*. Разница заключается, пожалуй, в том, что *тэр* в честь Маниккавасахара проводится в память реально существовавшего поэта, в то время как второй праздник посвящен богу.

В это время в известном своими святынями городе Чидамбараме проходит процессия под названием *бавани* — в честь бога Шивы. Бавани характеризуется тем, что изображение бога не возят на колеснице, а устанавливают на специально предназначенном для этой цели паланкине, богато украшенном цветами и окуриваемом благовониями. Паланкин торжественно обносят вокруг храма, отдавая дань уважения условному изображению Шивы — символу вечного союза мужского и женского начал, основе и залогоу продолжения жизни и созидания.

Подобный праздник местного значения проводится в

некогда блистательной столице древнего Тамилнада Мадурасе. Здесь тоже устраивают бавани в честь Шивы.

Таким образом, только за один день в штате насчитывается пять местных празднеств. Естественно, что известная часть населения в этот день занята проведением торжеств, которые также требуют немалых расходов. В виде пожертвований эти средства поступают в храмы.

В сводной таблице, прилагаемой к календарю, приводятся благоприятные для свадеб дни в каждом месяце года. Обычно число их колеблется от месяца к месяцу — от трех до десяти дней в каждом. В 1977 году, например, больше всего благоприятных для заключения брачных союзов дней было в марте, мае и июне. Меньше всего (по три дня в месяц) — в январе, апреле и августе. В этой же таблице указаны официальные общендийские и тамильские национальные праздники — их число достигает восемнадцати. Кроме них есть еще храмовые общендийские празднества — их насчитывается более 45. В дополнение к этому календарь перечисляет несколько десятков местных храмовых праздников, процессий и торжественных шествий или купаний идолов в реках или священных водоемах. Не забывает календарь отметить главнейшие католические (в совокупности они составляют десять дней в году) и мусульманские праздники (их число равно восьми).

Общендийский календарь, например, за 1981 год с учетом национальной специфики разных народов страны насчитывает 94 крупных праздника. Мы не будем касаться здесь таких общендийских праздников, как *дипавали*, *холи*, *наваратри* и других — они уже описывались советскими авторами, а их проведение в Тамилнаде мало чем отличается от празднования в других штатах Индии.

Новое и новейшее время добавило в календарь дни памяти выдающихся людей Индии, боровшихся за независимость страны, — Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру, и день Международного праздника солидарности трудящихся всего мира 1 Мая, Международный женский день 8 марта и другие. Таким образом, за год в тамильском календаре набирается немало памятных дат, праздников и торжеств.

ЕЩЕ О ПРАЗДНИКАХ

Понгаль — обновление жизни

На дневной и ночной базарных улицах
многокрасочных
Подняты в предвкушении праздника
яркие флаги.

Поэма «Мадурайкканьжи»

Во многих литературных памятниках прослеживаются упоминания о понгале — ярком старинном народном празднике, пользующемся огромной популярностью в Тамилнаде. Понгаль — преисполненный солнца и радости, человеческой теплоты и счастья праздник труда земледельцев, чистый и простой, как сама жизнь крестьянина. Слово «понгаль» переводится как «бурление, клокотание, брызжащая радость, счастье».

Этот ежегодный праздник приходится на первые дни месяца *тай* (понгаль отмечается с 13 по 16 января). «Когда придет месяц тай, появляется дорога и происходит обновление», — гласит тамильская поговорка. Из шести сезонов тамильского года понгаль падает на сезон ранней росы. Отшумели дожди, прошел месяц созревания урожая, минул сезон уборки овощей, фруктов, индийских пряностей. Опустевшие за год закрома принимают новый урожай. Полным ходом идут работы на маслодавильных, рисоперерабатывающих и сахародобывающих предприятиях. Течет тягучий *меласса* — черный сахар, выпариваемый из пальмового сока, золотой рекой льется растительное масло из-под прессов. Идет интенсивный сбыт сельскохозяйственных продуктов на местных рынках, а многие из них отправляются и за рубеж, в том числе в Советский Союз.

Месяц тай — время пополнения семейного бюджета крестьянина. В дни понгаля, когда крестьяне подсчитали свои скромные доходы, можно начинать конкрет-

ные переговоры о свадьбе — ведь за год подросли дочери и сыновья. Наступает короткий период отдыха. В это время по всему Тамилнаду начинается массовая подготовка к празднику. Исключение составляют семьи, лишившиеся за прошедший год кого-либо из близких. Многочисленные индийские источники с редким единодушием называют понгаль главным из праздников тамильского народа.

Праздник длится несколько дней. Широко отмечается он и в Республике Шри Ланка, в Малайзии и в других странах, где живут тамилы. Веками вырабатывались ритуалы, связанные с проведением понгаля. Запечатленные в памяти народной, они дошли до наших дней.

Задолго до праздника и в деревнях, и в городах ведутся интенсивные работы по обновлению жилищ: на стены домов наносят смесь глины, коровьего навоза и извести, на крышах меняют пальмовые листья, стены изнутри расписывают новыми узорами из красной глины. Специально к празднику крестьяне устраивают во дворах несколько очагов, торжественно украшают их шафрановыми листьями. Хозяйки не забывают заботливо украсить веточками и листьями разных растений кастюли, горшки и прочую утварь. Накануне праздника старую, ветхую и вышедшую из употребления одежду и прочие предметы женского и мужского туалета, а также предметы домашнего обихода, собрав в одно место, сжигают — ведь понгаль следует встречать в новых платьях, освободившись от всего старого и ненужного. По обычаю люди стараются забыть в этот день все ссоры, обиды и неурядицы. Понгаль следует встречать чистыми и телом и душой.

Накануне понгаля в тамильских семьях царит необычный подъем. Девушки достают заветные тетради, в которых они делают рисунки будущих узоров *колама*, наносимых на пол дома или веранды и на землю. Тетрадь с удачными рисунками ходит по рукам, узоры бесконечно варьируются. В дни понгаля на улицах и тротуарах можно увидеть множество сочетаний линий — изображения цветов, колесниц, сцены из эпических сказаний «Махабхараты» и «Рамаяны». Всем членам семьи покупают новые одежды, хозяйки запасаются подарками и деликатесами.

Первый день понгаля — своего рода прелюдия к основному торжеству. Этот день называется *Похи пандихей*, или праздником в честь Похи (одно из имен веди-

ческого бога Индры, повелителя дождя и громовержца). В Тамилнаде бытует общендийская легенда о том, как темнокожий бог Кришна (он же тамильский Каннан) перестал воздавать почести Индре. Разгневанный Индра наслал на землю сильные ливневые дожди, грозя затопить все вокруг. Кришна не растерялся. Он поднял гигантскую гору и, как зонтом, прикрыл ею людей и животных, спасая от холодных дождей. Это случилось как раз в начале нового лунного месяца тай. Долго дивился Индра находчивости и силе юного бога и остановил потоп. Таким образом, гласит легенда, своим возникновением праздник понгаль обязан самому Каннани.

День Похи как бы завершает в середине января прохладное время года и открывает дорогу теплу и солнцу, обновлению природы. Первый день праздника — это своего рода проявление благодарности Индре. Крестьяне спешат умиловить владыку стихии, просят его посылать дождь в нужное время.

После Похи следуют три дня собственно понгалья, первый из которых (понгаль Солнца) отводится чествованию светила, которое с этого дня начинает подниматься все выше.

Еще не наступил рассвет первого дня понгалья, а на очагах уже греют воду. Члены семьи, преисполненные радостного волнения, готовятся встретить восход Солнца, совершив омовение и облачившись в новые наряды.

С первыми лучами небесного светила в большом глиняном горшке в каждом доме закипает вода. Подобно тому, как мы восторженными возгласами встречаем приход Нового года, так и тамилы радостными восклицаниями «Понгаль-понгаль! Понгаль-понгаль!» — возвещают приход праздника, то есть момент, когда Солнце первыми лучами коснется закипающей в этот момент воды. Женщины, не теряя времени, быстро опускают в кипяток рис, добавляют туда в определенной пропорции молоко, ароматические масла, перец, кунжутные зерна, фрукты и сушеный виноград. Пряный и бодрящий отвар первой должна отведать самая младшая невестка в доме либо женщина наиболее почтенного возраста. На соседних очагах готовятся другие вкусные блюда — ведь в эти дни придут с визитами друзья и родственники, тонкие ценители и знатоки национальной кухни. Сразу оговоримся, что в дни понгалья, как, впрочем, и в другие праздники, алкогольные напитки — вещь недопустимая.

Прежде чем семья отведает свежеприготовленные

блюда, хозяйка должна предложить угощение Солнцу. Ставится отдельная тарелка с пищей духам предков. Эти блюда затем скармливают воронам. Люди угощают друг друга сладкими стеблями сахарного тростника.

В меню последователей вишнуизма и шиваизма в обычные и в праздничные дни нетрудно заметить различия.

Предположим, вы попали в гости в семью вишнуитов. Здесь вам предложат лишь вегетарианские блюда. В семьях шиваитов вам предложат мясные блюда, но говядину здесь не едят.

Если вам встретился ресторан с надписью «Милитэри саппаду» («Армейская еда»), значит, данный ресторан располагает богатым набором мясных блюд. Во времена колониализма военнослужащие из числа индусов общались к мясной еде, поэтому выражение «армейская еда» стало синонимом мясных блюд, так же как «континентальная пища». Сотни тысяч представителей небрахманских каст — в основном невегетарианцы, и для них существуют столовые, где готовятся мясные блюда из свинины, баранины или домашней птицы.

У каждого народа есть свои излюбленные блюда. Человек вообще консервативен в своей приверженности к национальным блюдам. В Европе бытует мнение, будто в Индии живут лишь вегетарианцы.

Действительно, многие индийцы и сейчас не употребляют в пищу мяса. Но и невегетарианцы составляют огромную часть населения страны. Это в основном трудящиеся массы — ремесленники и крестьяне. Нетрудно заметить, что в Индии по мере продвижения на юг страны пища становится все более острой и пряной. Дело в том, что южане употребляют в пищу большое количество перца и пряностей для возбуждения аппетита, обычно падающего в условиях жаркого климата. Не только религиозные, экономические, но и другие факторы способствовали росту отрицательного отношения к мясу, в первую очередь — это климатические условия. В южных штатах Индии климат жаркий и влажный, поэтому жителям нет нужды есть мясо в таком количестве, как жителям холодных районов земного шара.

На завтрак, на обед или на ужин первыми подаются сладкие блюда — *паясам*. Они помогают вырабатывать обильную слюну, которая легко растворяет крахмал, содержащийся в рисе. Отварной рис подают на второе. Для стимуляции деятельности пищеварительных желез

применяются различные специи, смешанные с тамарином, маслом, солью, перцем и другими приправами. Непременным компонентом завтрака, обеда и ужина являются различного рода лепешки из рисовой муки. Широкой популярностью пользуется *самбар* — острое блюдо из гороха и приправ. Десерт состоит из фруктов или отварного риса, смешанного с кислым молоком, снимающим ощущение остроты от приправ.

Повсюду готовят лепешки из рисовой или пшеничной муки — *идли, досей, путти, пури*. Их заправляют кофе или чаем. Широко используют рисовый отвар *садам*.

На обед готовят протертый перченый *суп расам* либо жидкий отвар из бобовых и риса.

Очень многое зависит в семье от достатка, принадлежности к тем или иным слоям населения. Здесь на обед подают баранину, свинину или жареных кур, умеют вкусно готовить овощные блюда, приправляя их специями, соленые, высушенные и смешанные с пряностями овощи и маринованные овощи и фрукты. Популярно в Индии *кари*, или *кэри*, — «бог» всех острых и пряных приправ. Кари бывают сырые и вареные; кари — это также благоухающее овощное блюдо с жгучими приправами — *кайгэри*. Есть и порошок кари, в состав которого входит измельченный кориандр, стручковый перец *чилли*, куркума, тмин, пажитник, чеснок, соль и другие компоненты.

Тамильская кухня славится не только острыми и пряными блюдами. Есть здесь и множество сладких блюд, таких, как *кулканду* (розы, выдержанные в меду), *кесари* — сладкое блюдо из пшеничной муки, шафрана и сахара.

Обычно перед трапезой тамилы тщательно моют руки и после этого правой рукой уже не прикасаются ни к чему, кроме пищи. Они едят правой рукой, а левой берутся за листья-тарелки с пищей и за металлические подносы. После еды снова моют руки, полощут рот, энергично массируя пальцами правой руки десны. Во время еды перед каждым ставится стакан с холодной водой. Ею утоляют жажду перед едой и уменьшают жжение во рту от специй и приправ. В заключение любой трапезы подают бетель — свернутый в трубочку лист бетеля, смазанный гашеной известью и посыпанный кусочками ореха арековой пальмы. Считается, что сок бетеля очень полезен.

Итак, в первый день понгаля детишкам делают щед-

рые подарки и дают деньги на кино. Студентам и школьникам дарят книги и учебные пособия. Слышится барабанный бой, звучит музыка, идут состязания певцов и поэтов, а придирчивые слушатели присуждают призы победителям, сумевшим наиболее ярко отразить тему понгаля. Лучшие стихи публикуются, а затем передаются по радио. В штате демонстрируются новые фильмы, устраиваются спектакли, концерты, уличные представления.

Второй день праздника понгаль называется *мáтту понгаль* — «понгаль в честь крупного рогатого скота». Утром коров и быков моют, наряжают, опрыскивают ароматической водой и обильно кормят. Рога животных в дни понгаля украшают медными колокольчиками, на шею вешают монетки, ракушки. Идет подготовка к *мáньсу вирáтту* — своего рода демонстрации лучших и сильных экземпляров животных и одновременно к своеобразному состязанию мужчин.

На деревенскую площадь, где собирается много народа, приводят быков, к шее которых привязаны призы будущим победителям. Громкая музыка, барабанный бой и подзадоривающие возгласы толпы воодушевляют смельчаков, отважившихся на схватку с животными. Они туго повязывают вокруг бедер кусок ткани, заматывают голову полотенцем и выходят в круг. Бык взволнован шумом толпы и напряжен. Единственное оружие бойца — его сила и ловкость. Быки, правда, не так свирепы, как те, которые участвуют в корридах. Тем не менее претендент на приз должен догнать ускользящего быка, изловчиться и сорвать с его шеи приз, после чего он может принести его к ногам своей счастливой избранницы. В древних хрониках зафиксированы даже случаи самоубийства юношей, не сумевших справиться с быком. Ведь это значило для юноши не просто моральное поражение. Оно свидетельствовало и о его неспособности к тяжелому крестьянскому труду, доказывало, что он не в состоянии справиться с тяготами семейной жизни. Естественно, что в наши дни это состязание — всего лишь демонстрация силы и мужества. Правда, и сейчас иногда отец самой красивой девушки при свидетелях клянется, что выдаст замуж свою дочь лишь за победителя состязания.

После состязания довольные зрители обмениваются впечатлениями и продолжают веселиться под звуки оркестра.

Следующий день — *канны понгаль*, или понгаль девушек. Члены семей отправляются с визитами к родственникам, друзьям или принимают гостей у себя дома. Для семейных людей этот день считается *канум понгаль* — «понгаль встреч». Девушки меняют наряды, особенно тщательно одеваются и готовят себе специальные блюда. Они освобождаются от работы. В день канум понгаль невесты, которым уже назначены свадьбы, прощаются с беззаботной юностью и готовятся к брачной жизни. Девичники у тамилок пользуются большой популярностью, особенно в эти дни. В древних тамильских стихах ярко описан этот живущий до сих пор в деревнях обычай девушек собираться на берегу реки и вместе купаться. На рассвете они будят друг друга песней:

Подруженька наша тугоухая,
Да ты, оказывается, все еще спишь!
Мы знаем, как ты влюблена в постель свою благоуханную,
Но все же соизволь встать.
Разве ты не слышишь наших песен?
Вставай, соня, и пойдем с нами!..

Девушки громко поют песни, разговаривают и танцуют. Днем они посещают родственников, соседей, где получают подарки. До поздней ночи слышатся веселый смех, музыка, оживленные разговоры, песни...

Заканчивается короткий межсезонный отдых крестьян и их верных помощников — коров и буйволов, отзвенел чистый и солнечный понгаль с его искрящейся и бурлящей радостью. Наступают трудовые будни.

Уйдут в далекие страны суда, груженные индийскими бананами, ананасами, манго, апельсинами или специями. И мы, вкушая эти нежные плоды, мысленно благодарим индийского крестьянина за его труд...

Многие устаревшие обряды, верования и обычаи уходят в прошлое. Но понгаль — вечно молодой праздник труда — продолжает свое шествие.

Когда приходит в Индию Новый год?

Понгаль — это своеобразная репетиция перед встречей Нового года. Когда же приходит в Индию Новый год? Этот вопрос не столь уж и праздный, потому что многие народы и общины Индии встречают его приход в разное время. У христиан, например, он наступает в те же дни, что и в Европе. На Севере и Юге Индии —

свой Новый год. Тамильский Новый год вступает в свои права 13 апреля, с начала теплого сезона.

Новый год приходит на землю тамиллов в период, когда весна уступает место лету. Середина апреля для тамильских крестьян — это начало нового сельскохозяйственного и календарного года. С того же времени начинается новый финансовый год штата. Незыблемые и традиционные формы встречи Нового года сохранились в деревне. Накануне Нового года крестьяне подвергают придирчивому осмотру сельскохозяйственные орудия. Неисправную соху или борону они несут к плотнику и к кузнецу. В домах наводится чистота и порядок. К вечеру, предшествующему наступлению Нового года, все приготовления должны быть завершены. Рано утром в первый день нового года крестьяне отправляются на работы в поле.

В этот торжественный день первой борозды нового года по традиции в поле выходят все жители деревни. Считается, что первую борозду должен проложить сам хозяин земли. Исключение составляют батраки, которым всю жизнь приходится трудиться на чужих полях. К полудню крестьянки приносят на поле праздничный обед. Здесь же присутствуют вездесущие ребятишки, слышится веселый смех, шутки, всюду царит праздничное настроение.

После обеда опять работа, однако в этот день пахоту прекращают намного раньше обычного. Снова крестьянин забрасывает соху на ярмо, и волю под крики и свист пахарей бегут домой, там их ждет обильная еда и питье. Много лестных слов услышит в свой адрес хозяин того вола, который первым покажется на деревенской улице. Между тем женщины и девушки уже запаслись сосудами с куркумовой водой. Едва пахари появляются на пороге дома, как на них обрушивается своеобразный душ. Избежать такого обливания никому не удастся. Это своего рода дань культу плодородия, воды, дождя.

После ужина крестьяне отправляются на деревенскую площадь. Там они веселятся до утра, поют песни, танцуют и играют в разные игры.

В городах, особенно в брахманской общине, в среде интеллигенции и служащих, встреча Нового года происходит по-иному. На видное место в доме выставляют большое зеркало. Его обрамляют шелковым сари, украшают цветами и драгоценностями, если таковые имеют-

ся. По обеим сторонам зеркала ставят наполненные маслом кокосового ореха два светильника в форме цветка из пяти лепестков. Между светильниками кладут книги, несколько серебряных монет и зернышки девяти видов растений. Каждый предмет имеет здесь вполне определенное и конкретное значение. Одежда, драгоценности и деньги символизируют достаток. Книги — знание и то, что весь Новый год будет благоприятным для семьи, а зернышки — хлеб и богатый урожай. Цветы для индийской женщины не только символ красоты, но и знак, что в Новом году она не станет вдовой.

Наступил Новый год. Наутро старшие члены семьи подходят к зеркалу и долго в него смотрятся. Считается, что первый взгляд, брошенный на свое отражение, будет способствовать успехам в течение всего года. После этой церемонии старшие осторожно будят детей. Прикрыв им ладонью глаза, они подводят малышей к зеркалу, показывают на их отражение, поздравляют с Новым годом и вручают подарки. Все домочадцы облачаются в новые одежды.

По традиции, унаследованной от предков, в этот день никто не должен сердиться. Ругань и сквернословие строго возбраняются, забвению предаются и старая вражда и неприязнь. Если в прошлом году между какими-то людьми была ссора, то обидчик в наступившем году обязан всячески показывать, что он сожалеет о случившемся, и должен сделать все, чтобы загладить свою вину. Тот, кому нанесена обида, в свою очередь, выказывает полную готовность пойти на примирение.

В день Нового года люди особенно приветливы, веселы и щедры друг к другу. Так как традиция запрещает в этот день говорить неправду, злословить, клеветать, воровать и совершать другие безнравственные поступки, тамильские острословы шутят по этому поводу, что все суды в Новый год оказываются без работы. Весь первый день Нового года посвящается отдыху, развлечениям, посещениям кино, театра или уличных представлений. К этому дню приурочивают премьеры новых фильмов и спектаклей. Правда, далеко не все городские жители могут встретить приход Нового года вкусными блюдами, богатыми подарками или новыми одеждами. К встрече Нового года приходится готовиться, тщательно взвешивая свои материальные возможности. Праздничные блюда в таких семьях очень скромны и просты. Рано утром тамилы насыпают на банановый лист свежепри-

готовленную рисовую кашу и ставят ее в северный угол комнаты. Это — своего рода угощение предкам. Другой лист с рисом приносят в жертву добрым силам и духам, после чего рис скармливают воронам. Рисом, подносимым предкам, кормят детишек, как бы передавая им добрые напутствия и пожелания.

Рикши, портовые грузчики, кули, мелкие торговцы-разносчики и прочий трудовой люд даже в этот день не знают отдыха. Далеко не всегда приход Нового года сулит им радостные перемены. О десятках тысяч этих неутомимых тружеников в Тамилнаде говорят, что их радость и праздники спят так же глубоко, как город, утомленный блеском, веселой суетой и яркими зрелищами...

Праздник читтирей

Два праздника приходится на месяц читтирей — Новый год и начало весны. Праздник в честь месяца читтирей — это по преимуществу земледельческий праздник.

Свои названия тамильские месяцы получили от соответствующих созвездий. Читтирей — это также и 14-е лунное созвездие. Именно в месяц читтирей, считается, звезды располагаются особо благоприятно. Этот месяц начинается, когда Луна входит в созвездие Читтирей. Наиболее благоприятный день этого весеннего месяца — период полнолуния читтирея. Как полная и без ущерба Луна, так и жизнь будет весь год радостной и счастливой. О том, что праздник этот древний, свидетельствуют поэмы «Манимехалей» и «Повесть о браслете». Читтирей — это праздник Индры, которому придавалось и придается большое значение. Не зря тамилы говорят, что если какая-либо деревня не отмечает его, ее ожидает тяжкое испытание. Не случайно владыка города Пукара пожал горькие плоды, отказавшись праздновать читтирей: город был поглощен морем.

Праздник читтирея длится 15 дней и привлекает сотни тысяч тамилы со всех уголков страны. Местом проведения этого грандиозного национального праздника по традиции служит древняя столица Тамилнада Мадурай. Главными событиями праздника считаются женитьба бога Шивы на Минакши (тамильское имя богини Парвати), а также прибытие на это пышное торжество брата невесты Каллажахара, или Ажахара («Красавец»),

и купание его в реке Вайгей. Это не кто иной, как сам бог Вишну, обитающий в одном из храмов в 11 километрах от Мадурая на горе Ажахара.

В то время, когда идут подготовительные работы к главным событиям (они происходят 17—18 апреля), статую Каллажахара на могучей колеснице несколько дней везут к Мадураяю. По пути в храмах разыгрываются действия, имитирующие десять аватар Вишну и привлекающие тысячи паломников. Легенда гласит, что когда Каллажахар прибыл в Мадурай, оказалось, что он опоздал на церемонию бракосочетания сестры. Обидевшись, он повернул золотого коня прочь, но жители города умолили не покидать их и не лишать божественной милости. Чтобы умилостивить Каллажахара, они понесли его вместе с конем на берег реки, где торжественно искупали в священных водах, умерив таким образом пыл «Красавца» и заслужив его прощение.

До сих пор тамилы наслаждаются этой процессией — они торжественно несут гигантскую золоченую статую коня с сидящим на ней всадником к месту купания. Тысячи глиняных статуэток-богов сбрасывают участники праздника в воды реки Вайгей. Звучит музыка, разыгрываются сцены на мифологические сюжеты. Этот праздник как бы символизирует единение двух главных ветвей индуизма — шиваизма и вишнуизма.

Тамилы рассказывают легенду о мудреце Мандуга, который для обретения *мокши* (конечное освобождение от тяжелой цепи перерождений) отправился именно на праздник читтирей в Мадурай. Эта и другие легенды и мифы, касающиеся читтирея, — свидетельство того большого значения, которое придают тамилы неповторимому по яркости национальному празднику.

Праздники — это еще и многочисленные концерты, состязания поэтов, демонстрация грации и изящества в народных танцах и уличных представлениях, которыми так славится Индия.

РИТМЫ ЖИЗНИ

Лишь крылья расправим — и аттам павлина,
вместе сойдясь, рисуем игрой;
гнев обуял нас — и аттам тигровый
в общем кругу создаем мы порой.
И буйный пораттам⁶³ покажем мы людям,
если нас вынудят наши враги.

Тамильская крестьянская песня

Как грациозны и изящны фигуры жительниц Индии, облаченных в сари, в этот древнейший и вечно молодой наряд! Утонченную прелесть фигуры подчеркивают складки одежды, создавая впечатление, будто перед вами индийская богиня, изваянная резцом прославленного мастера. Говорят, что сари носят более двух тысяч лет, и никакие ухищрения капризной европейской моды не могут смутить царицу одежд Индии — сари.

Одежда не должна сковывать движений — вот исходный принцип великого мастера, которым всегда и во всем был индийский народ. Множество свободно ниспадающих складок сари во время движения создают неповторимую игру линий и красок. Вместе с тем сари — это еще и своеобразный веер, так как складки во время ходьбы колеблются и обвевают тело, а это немаловажный фактор в условиях жаркого климата. Такой же простой и удобной выглядит несшитая одежда мужской части населения.

Сари как бы создано для движения. Именно оно подчеркивает поразительную красоту и совершенство женского тела.

Движение вообще осознается в Индии как одно из ярчайших и привлекательнейших проявлений жизни, как нечто прекрасное, возвышенное, порой непостижимое, но всегда чарующее.

Словом «аттам» тамилы обозначают все, что связа-

⁶³ Пораттам — «боевой танец» (тамил. яз.).

но с движением. Спортивные игры — аттам; танцы и сложнейшие движения исполнителей — аттам; игра актеров, жестикуляция, мимика, детские игры, плескание в воде — аттам.

Наиболее своеобразными и оригинальными представляются исполняемые самодеятельными и профессиональными актерами танцы и некоторые виды спортивных игр.

Аттам уходит корнями в крестьянскую жизнь, тесно связан с сезонными работами и являет собой неотъемлемую часть культуры тамильского народа. Аттам-танец — это своего рода жертва богам, так же как и храмовые процессии. Открытое и светлое искусство аттама — подарок зрителям.

Столетиями отбирались и шлифовались отдельные элементы танцев, бережно передавались сыновьям и дочерям. Некоторые аттамы тамилы заимствовали у соседних народов Индии, они попали на землю тамиллов в трансформированном виде.

Есть общенациональные аттамы, известные по всему Тамилнаду, и аттамы местного значения. Каждый аттам вобрал в себя элементы танца и драмы. Здесь присутствуют элементы комедийные, а также гротеска и пения. Не всегда, может быть, удастся проследить истоки того или иного аттама. Но многие из них в той или иной мере имитируют работу крестьян и ремесленников, демонстрируют мужество, силу и доблесть народных героев. В аттаме чувствуются трудовые ритмы жизни народа, определяемые во многом сезонами года. Один из таких танцев — *караха аттам*.

Вода. Что может быть драгоценнее для земледельца? Вода — это сама жизнь.

Однако, когда месяцами ясно и безоблачно, а на землю падают лишь все иссушающие лучи солнца и трескается земля, мелеют реки и пересыхают колодцы, тогда крестьяне все чаще с тревогой посматривают вверх и их сердца полны страха. Но есть еще надежда на милость богов. Только надо принести жертву! И, конечно же, лучшим даром будет аттам. Потому что боги, как и люди, очень любят исполненные благородства и тайной страсти танцы, которые им дарят красивые женщины. И если боги желают вечно наслаждаться танцами прекрасных, как гирлянда цветов, смуглокожих женщин, пусть они сохранят им жизнь и пошлют на землю дождь. А благодарные люди исполнят караха аттам, ритуальный танец с кувшином. «Если бы иссякли

небеса, то боги не услышали бы более ни одной молитвы тех, кто населяет земную твердь»,—говорится в знаменитом «Тируккурале».

Не будут забыты во время караха аттама песнопения пахарей, прославляющих царицу рек Тамилнада — Кавери. «Будь слава, Кавери! Твое величественное течение под ликующие возгласы празднующих — это плодородные страны властелина Чолы, громкие клики воинов которого наводят страх на врагов»,—пели еще в древнем Тамилнаде.

Караха аттам до наших дней донес обычай земледельцев поклоняться воде, рекам, дождям и богам, которым якобы подвластны силы природы. Дождь и ливни в сознании крестьян персонифицировались в божества: «О богиня дождя, Пейюмальamma, пошли нам дождь и сделай плодородной землю! Расколи небо острыми жалами молний и низвергни на леса, поля, деревни и города золотые струйки благословенных вод!» — поется в старинных тамильских песнях. Песни в честь богов дождя до сих пор бытуют у крестьян. Сейчас караха аттам — как ритуальный, так и профессиональный танец.

Чтобы умиловить богов, караха аттам должен исполняться самой красивой девушкой деревни. По крайней мере так было еще в недалеком прошлом. Современная традиция сделала уступку, допустив к участию в танце широкий круг любителей, в том числе и мужчин. В любом случае аттам исполняется людьми безупречного поведения и воспринимается ими как весьма ответственное и почетное поручение.

Исполнители предстают перед зрителями в соответствующем наряде. При этом они натирают тела пеплом навоза священной коровы и сандаловой пастой. Никто точно не знает, кем и когда были установлены такие правила, но они есть, и им следует повиноваться. Как знать, может, точное исполнение всех элементов ритуала вызовет слезы восторга у повелителя стихии и они прольются на землю обильным дождем? И тогда зазеленеют поля и рощи и не надо будет бояться голода.

Небожители должны видеть символ испрашиваемого у них дара — воду. Поэтому основным атрибутом при исполнении ритуального танца служит *карахам* — раскрашенный кувшин, куда наливают воду и с которым исполнители выступают впереди процессии. Воду берут из священных водоемов. Лучше всего, если это будет вода, доставленная из Ганга или Кавери. Кувшин с

водой предназначен для танцовщицы. Ее партнер выступает с кувшином, наполненным зернами риса.

Вот исполнители совершают первые, полные грациозные движения. Музыка помогает им обрести ритм. Сначала карахам закачался, готовый упасть. Но еле уловимым движением танцовщица возвращает ему устойчивость. Все громче, торжественней звучит музыка. Первые, еще робкие движения постепенно превращаются в четкий танцевальный рисунок, зрители громко выражают свое одобрение. Танец продолжается. Поражает слаженность движений изящной девушки, приятен слуху мелодичный перезвон браслетов. Кувшины словно слиты с телами танцующих.

Караха аттам, родившись в крестьянской среде как магический ритуальный танец земледельцев, получил огромную популярность в Тамилнаде и за его пределами. Он исполняется по разным поводам. Под этим названием танец прочно вошел в репертуар профессиональных танцевальных трупп. Его можно видеть в кинофильмах и на подмостках театра. Праздничные процессии в День Республики не обходятся без демонстрации караха аттама, занимающего почетное место среди танцев народов Индии и пользующегося неизменным успехом у зрителей.

Судьбы и желания богов, по представлениям верующих индусов, в чем-то похожи на людские и вольно или невольно несут отзвук судеб человеческих. Люди женятся — и боги вслед за ними спешат назвать прекрасных возлюбленных своими женами; у людей рождаются дети — и богини тоже (быть может, не в таких муках: на то они и богини) рожают прелестных небожителей. Наделять богов человеческими чертами — особенность сознания древних народов мира. Не составляет в этом смысле исключения и Индия.

Говорят, что в Индии насчитывается более трех миллионов богов. Будем справедливы: в этом случае речь зачастую идет не о числе богов, а о количестве имен, под которыми они выступают. Только в Тамилнаде одни и те же боги известны под десятками имен. Вот общеизвестный пример.

Весьма популярный у тамилос бог Муруган носит имя Велан, что значит «Копьеносец», Баласубраманиян — «Юный Субраманиян», Девасенадипади — «Предводитель армии богов». Есть у него и другие имена, и все это он — Субраманиян. Последнее имя встречается

в пуранах. Под этим именем, как гласит легенда, бог спас мир от жестокого демона темноты Сура Падмана. Под именем Муругана он оказал немало добрых услуг человеческому роду, тому самому, воображение которого родило его самого. Наиболее почитаемо святое место — горы Пажани — местопребывание Муругана. В свое время, гласит легенда, эти горы находились в окрестностях обители Шивы, в Гималаях. Шива частенько ими любовался.

Шива повелел одному из демонов, охранявшему жилище Муругана, отнести горы на мыс Каньякумари. Груз был не из легких, но, так как это делалось в честь младшего сына Шивы, демон, желая получить у бога испрошенный им дар, взялся совершить невиданный доселе подвиг и перенести через всю Индию горы. Демон отыскал подходящее «коромысло», прикрепил к нему с двух сторон горы и, взвалив на плечи груз, зашагал и благополучно доставил подарок бога из Гималаев на юг Индии.

Эта легенда объясняет истоки танца *кавади аттам*. Смысл его в том, чтобы, исполнив замысловатый танец с необычным грузом, получить просимый дар, подобно тому как это случилось с демоном.

Существует несколько видов кавади аттама, исполнение которого требует незаурядной выносливости, сноровки, ловкости и мастерства.

Кавади аттам — танец с напоминающим коромысло шестом, к которому прикреплен груз. Его устанавливают на плечи исполнителя. Традиция предписывает держать в зубах дротик; руки при этом должны быть свободны.

По отдельным элементам танцев можно судить о том, в какой среде они рождены. В данном случае — в процессе труда земледельцев. В поисках облегчения тех или иных работ изобретательный крестьянин натолкнулся на мысль об использовании шеста для переноски тяжестей. Это могли быть вода или зерно, глина для постройки жилища, навоз или земля для сооружения валика вокруг покрытого водой рисового поля. Кавади удобно и тем, что находящийся на шесте груз освобождает руки — обстоятельство немаловажное для крестьян.

Существует несколько видов кавади, так же как и способов водружать его на плечи. О том, что крестьянин, несущий на себе тяжесть жизни, представленной в виде

шеста с грузом, был всегда готов взяться за оружие для защиты своего рода, дома и полей, свидетельствует дротик в зубах исполнителей. Танец проходит под звуки музыки и песнопений *кавади синду*, исполняемых идущими за танцором участниками. Сложенные на простом языке, мелодичные и ласкающие слух, *кавади синду* стали народными. Все чаще древние *синду* используются сейчас поэтами для рассказа о новых временах, наступивших после ухода колонизаторов.

Трудовые ритмы, некогда возведенные в культ ритуальных танцев и отраженные в народных формах танцевально-драматических представлений, отчетливо видны и в танце *пиннал колаттам*. «Пиннал» — значит «плетение, вышивание» и ассоциируется с изготовлением нити, пряжи, ткани, циновок, дорожек, одежды и т. п. Это танец девушек, которые держат концы разноцветных лент, привязанных к верху шеста или вращающемуся устройству на его вершине. Девушки держат в руках палочки (*коль*), напоминающие веретено, к которым привязаны нижние концы лент, и, танцуя, заплетают и расплетают ленты. Другая разновидность этого танца — *коль аттам* — исполняется без лент. Этот танец считается привилегией девочек-подростков. Вот как объясняет легенда происхождение *коль аттама*.

Жил некогда демон по имени Пасуван. Был он строптивного и неукротимого нрава. Много натерпелись от него юные жены, пока не пришла им счастливая мысль использовать невиданный прежде танец с палочками. Злой демон был очарован зрелищем танца и с тех пор отказался от жестокого обращения с людьми.

В Тамилнаде *коль аттам* пользуется огромной популярностью. Во время танца девочкам предоставляется возможность блеснуть грацией, показать свое умение в коллективном танце. Постукивая палочками, они движутся по кругу, образуя различные танцевальные фигуры. *Коль аттам* — своего рода танцевальный хоровод. Он возник в тамильской деревне и посвящен приходу весны. Танцевальные хороводы с песнопениями длятся две недели. Ныне *коль аттам* «шагнул» на городские улицы и площади, наполнился новым значением, сохранив при этом свои характерные черты.

Не увядает искусство еще одного тамильского танца крестьянок — *кумми аттам*, исполняемого под ритмы особых песнопений. В отличие от других крестьянских танцев *кумми* воплощает в себе неудержимый порыв и на-

кал страстей. Совместная работа в поле, взаимная поддержка и помощь в трудные минуты — все выражено в бурном и темпераментном танце кумми.

Не менее известен танец *оиль кумми аттам*. Это тщательно разработанная система грациозных жестов, мимики и движений танцовщицы. Непременным атрибутом его, как и почти всех национальных танцев Индии, считается надетый на ноги исполнительниц набор маленьких колокольчиков из меди, серебра или золота.

Отдельно стоят народные танцевальные представления тамиллов с участием одного-двух артистов, изображающих каких-либо животных.

Тамилы сумели сохранить и развить лучшее из танцевального наследия.

Есть еще и *мараккаль аттам*. Этот редчайший вид танца существует в Тамилнаде и поныне. Правда, теперь он известен под другим названием — *пойккаль кудирей аттам* — «танец пальмирового коня».

Для его исполнения требуется особый костюм внушительного веса в 20 килограммов. В ход идут ткань, бумага, волокно, кусочки цветного стекла, ветошь и прочие материалы. Сложность изготовления «пальмирового коня» обуславливает его высокую стоимость, достигающую иногда до пяти-восьми тысяч рупий. Участники танца — мужчина и женщина — надевают свои оригинальные костюмы, натягивают на ноги деревянные копыта, так что «коня» они практически несут на себе. Затем танцевальная пара выходит на сцену и под аккомпанемент музыки начинается представление, куда входят танцы, песни и изложение тех или иных сказаний. Небезынтересно отметить, что в выступлениях с деревянными лошадками сохранились некоторые элементы, заимствованные у маратхов.

Исполнение танца требует длительных упражнений, высокого мастерства, выносливости и силы. Еще в недавнем прошлом искусством танца могли наслаждаться только раджи да высокопоставленные английские чиновники. В свободной Индии это детище народа возвращено его создателю. Красочный танец привлекает многотысячных зрителей — любителей и почитателей народного искусства.

Есть и танец маль, или *маиль аттам* («танец павлина»). Он связан с богом Муруганом, в честь которого устраиваются эти танцы. Муругана изображают шестиликим и двенадцатируким, сидящим на павлине с ору-

жем в руках. Юный участник надевает маску павлина и исполняет танец.

В истории тамильской драмы важное место занимали и продолжают занимать кукольные представления. Куклы изготавливаются из дерева или кожи, глины или тряпок. Эти представления пользуются успехом и часто длятся всю ночь. Считается, что куклы своими танцами привлекают добрых духов и отпугивают нечистую силу.

Теруккутту — театр под открытым небом

В январе, когда в Тамилнаде устанавливается прохладная погода, по вечерам в городах и деревнях устраивают теруккутту — уличные представления. Теруккутту — прекрасное искусство, родившееся в тамильской деревне в незапамятные времена и дожившее до наших дней. Это старинное театрализованное драматическое представление с участием самодеятельных актеров. Число зрителей — а ими по преимуществу являются бедные слои населения, крестьяне и рабочие — от 15—20 и более. Теруккутту — своего рода театр под открытым небом, и устраивается он в беднейших кварталах города или просто на деревенской улице. В тяге к теруккутту особо ощущается стремление людей к духовной жизни, потребность в коллективном общении, желание уйти в мир героев теруккутту, таких близких простым труженикам по духу.

Кино и театр не всегда доступны трудящемуся, так как траты на билет даже в самый дешевый кинотеатр ощутимо сказываются на скудном семейном бюджете. К тому же в кинозалах душно, да еще часто идут западные боевики на малопонятном для широких слоев населения английском языке, так что тут нет той приподнятой праздничной и непосредственной атмосферы, которая царит на теруккутту, где демонстрируют свои таланты артисты-любители: разыгрывая всевозможные сцены, они танцуют, поют и играют на музыкальных инструментах.

Теруккутту идет при свете газовых ламп или факелов. Тут же снуют торговцы жареными орехами или сладостями. На теруккутту обычно собираются после ужина, и длится оно не менее 10 часов. Теруккутту — дело серьезное и поэтому не любит спешки и суеты.

Для проведения теруккутту не нужно никаких специальных подмостков. Достаточно ровной и просторной

площадки. Исполнители располагаются лицом к сидящим прямо на земле зрителям. Музыканты находятся чуть поодаль. Представление идет обычно в сопровождении четырех музыкантов. Сцена огорожена плетеными из бамбука, тростника или травы ширмами. С помощью их на сцене делают две выгородки.

Перед началом представления музыканты, ударяя в большие барабаны, приветствуют зрителей. Вторящие им звуки медных тарелок приковывают внимание присутствующих. Смолкают шум, смех, веселые крики и возгласы — начинается теруккутту!

Пока исполнители, находясь за ширмой, надевают костюмы и готовятся к выходу, представление ведет шут — конферансье, непрменный участник теруккутту.

— *Ванденея комали! Ванденея комали!* («А вот и шут — он тут как тут!») — громко напевает он, находясь за плетеной циновкой, поддерживаемой двумя помощниками, словно стесняясь показаться публике и интригуя ее.

Затем шут торжественно появляется перед публикой. Видя разодетого любимца, зрители приходят в неопиcуемый восторг. Подразнив их своим появлением, шут скрывается снова, с тем чтобы вскоре выйти и повести забавный и веселый разговор со зрителем. Его остроты, импровизированные шутки, смешные четверостишия, куплеты, полные иронии и сарказма, вызывают взрывы смеха среди зрителей.

Многим достается от умного и веселого шута: жадным ростовщикам, деревенским богачам, взяточникам и казнокрадам, неуживчивым соседям, спекулянтам и даже дикторам мадрасского радио. Выступление шута — своего рода театр одного актера. Тому, кто в первый раз присутствует на теруккутту, не верится, что перед ним не актер-профессионал, а крестьянин, только что вернувшийся с поля. И сколько жизни, оптимизма и силы в его выступлении!

Повеселившись вместе со зрителем и настроив его на добродушно-веселый лад, рассказав сюжет драмы, которая сейчас разыграется перед глазами почтенной публики, шут уступает место исполнителям. По его знаку циновка убирается и перед зрителями появляются актеры.

Согласно традиции, каждый участник представления, находясь за ширмой, должен исполнить песню, характеризующую представляемый им образ. Так актер, ис-

полняющий роль владыки Луны, в своей песне оповещает о том, что он уже воссиял над погруженным во мрак миром, неся свет, радость и счастье всем влюбленным. Кроме того, этот актер должен начать представление с танца, который длится не менее сорока восьми минут — традиционного индийского часа. Во время танца герой поет, восхваляя себя и свои деяния. Если же традиционного танца и песни не будет, то зрители не дадут потом прохода своим односельчанам-актерам:

— Горе ты, а не артист! Песню толком не мог спеть. Махараджа, мол, я, властелин Луны, а у самого ноги не той стороной вставлены!

Обычно каждый актер выступает в теруккутту в одной, отведенной ему роли. Зрители зачастую наизусть знают текст, каждую реплику героев и даже, случается, подсказывают слова.

В основе теруккутту лежит драматическое начало. Обычно исполняются эпизоды из древнеэпических поэм и сказаний — «Рамаяны», «Махабхараты», «Поэмы о браслете» и ряда пуран — религиозно-эпических литературных произведений. Особой благосклонностью и любовью у тамиллов пользуются сцены из национальной «Поэмы о браслете». Она повествует о трагической истории Ковалана и его любимой жены Каннахи. Много веков прошло с тех пор, как была создана эта поэма, но эпическая героиня Каннахи продолжает жить среди тамильского народа.

...Ковалан, сын богатого и уважаемого купца знатного рода из древнего и прославленного города Пукара, только что взял в жены прелестную, словно распутившийся благоуханный цветок лотоса, красавицу Каннахи — юную и непорочную дочь честных и благородных родителей. Однажды Ковалан увидел выступление несравненной танцовщицы Мадави, и она пленила его воображение. Забыв свой долг и тщетно ожидавшую его жену, Ковалан дни и ночи проводил со знаменитой танцовщицей. Много дней пронеслось, прежде чем Ковалан опомнился и вернулся к своей супруге. Ни единый упрек не вырвался из груди исстрадавшейся Каннахи, для которой супружеский и семейный долг был превыше всего. Но обеднел дом Ковалана, все свое богатство он истратил на танцовщицу. Горько пожалел Ковалан о том, что сделал, но жена сказала:

— Не надо убиваться. Главное — мы вместе. Прода-

дим мой старинный браслет, и удача вернется к нам снова.

Мужество вернулось к Ковалану, и он вместе с Каннахи отправился пешком в далекую блистательную столицу Мадурай, надеясь продать по сходной цене браслет жены из чистого золота.

Когда Ковалан, взяв браслет жены, прибыл на улицу ювелиров и показал его мастеру, тот решил не упускать случая. Он попросил Ковалана подождать, а сам, подобрав подол одежды, опрометью кинулся во дворец и сообщил царю, что редкой красоты браслет, похищенный у царицы, наконец найден. Ничего не подозревавшего Ковалана схватили и тут же казнили. Браслет Каннахи, точь-в-точь похожий на украденный у царицы, был возвращен царице. Негодяй-ювелир, тот самый, который украл браслет царицы, торжествовал. Обезумевшая от горя Каннахи помчалась во дворец и предстала перед могущественным царем:

— О царь, я — Каннахи из величественного Пукара. Это мой муж убит по твоему повелению. Знай же — он не вор! Слышишь, это мой браслет! Внутри него спрятан драгоценный алмаз. Вели принести браслет — и ты сам убедишься в этом!

Царь знал, что в браслете его супруги была спрятана жемчужина. Когда ему показали найденный браслет, то в нем оказался алмаз!

Громко застонала Каннахи и закричала так, что ее услышали жители города:

— Люди! Здесь, в великом городе, убили моего ни в чем не повинного мужа. Знайте, что вместе с неправедным царем я предаю огню дворец и столицу Мадурай!

И Каннахи вырвала свою левую грудь, запыхавшую огнем, и швырнула на землю. Взвилось пламя, которое стало поглощать город и царский двор.

— Пусть останутся невредимыми все, кто ни в чем не виновен, — мужчины и женщины, старики и дети! — вскричала Каннахи. — И да обратится в пепел все, что погрязло во лжи и обмане!

И в тот же миг блистательная столица Южной Индии была ввергнута в пучину огня. Уцелели только честные труженики и те, кто не сходил с добродетельного пути. Каннахи же была вознесена на небеса, где соединилась со своим любимым мужем...

Сюжет поэмы необычайно популярен у тамилы и часто включается в программу теруккутту. Представле-

ние длится почти до рассвета. Посмотреть теруккутту приходят также и жители соседних деревень. Они остаются здесь ночевать, а отдохнув, отправляются назад.

Пройдет много дней, а зрители все еще будут вспоминать игру односельчан на теруккутту, часто повторять понравившуюся им остроту шута. А самодеятельные актеры вернутся к своему нелегкому крестьянскому труду. Они сослужили добрую службу односельчанам, похвала которых — самая высокая для них награда.

В последнее время в городах любители-драматурги сами пишут сценарии теруккутту, небольшие пьесы, сценки и диалоги. Впечатляет яркая реалистичность изображаемого, далекая от мистицизма и загадочности. Здесь все зримо и правдоподобно. Характерно для теруккутту то, что все действующие лица используют разговорный тамильский язык, чуждый книжной выпренности и словесной пышности. Иногда составным элементом теруккутту являются кукольные представления. Их тут же дают бродячие кукольники.

Многие характерные для старинного теруккутту черты — песнопения за занавесом, мужчины в женских ролях, шут, музыканты — типичны для многих форм индийского народного театра, и все это сохранилось в Тамилнаде до наших дней. В период после достижения Индией независимости тамильский кинематограф и профессиональный театр стали обращаться к теруккутту, сочетая живое, подлинно народное искусство уличных представлений с современными спектаклями. Тамильский народ создал древнюю форму театра, бережно передавал основные его черты и дух из поколения в поколение. Он же является хранителем лучших традиций теруккутту.

Все шире проникает в индийскую деревню грамотность, но народ хранит и развивает теруккутту, как и другие древние формы своего искусства.

Сельская интеллигенция, которой в деревнях становится все больше, всячески поддерживает старинное народное искусство тамиллов, помогает сохранять самобытные песни, народные танцы и умение играть на древних музыкальных инструментах.

«КОНЦЕРТ ДЛЯ МОРСКОЙ РАКОВИНЫ И ОРКЕСТРА ИНДИЙСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ»

Чтобы воспроизвести семь тонов, нужно было настроить две струны, дающие тонику и высокую ноту, находящуюся в центре. По ним можно было настроить терцию. Затем, настраивая струну с низким тоном и две струны в части тоники, настраивали сексту.

Иланго Адигаль. Повесть о браслете

Знарок индийской музыки В. Паттанджали различие между традиционной индийской и европейской системами музыки объясняет тем, что «одновременная передача звуков создает гармонию в западной музыке. Индийская музыка движется по кругу, и последовательное расположение звуков создает „мелодию“ в нашей системе»⁶⁴.

Известны две основные индийские музыкальные системы (североиндийская — *хиндустани* и южноиндийская — *карнатак*). Земли, лежавшие между крупнейшими реками Южной Индии Кавери и Кришной, назывались *Карнатака дешам* — «страна Карнатака». Сейчас Карнатакой называют один из южных штатов Индии, бывший Майсур. В соседнем с ним Тамилнаде издавна существует тамильская музыкальная система — *теварам*. Не исключено, что система карнатака своими корнями уходит в теварам. Обе системы роднит необычайная мелодичность.

В системе ритмики индийской музыки определяющим считается *матра* — единица длительности звука. Несколько матр образуют определенные размеры — *талы*. Индийские музыканты особо подчеркивают, что раги не имеют окончаний, они представляют собой «открытую»⁶⁵ форму. Это позволяет музыканту максимально раскрыть

⁶⁴ «Индия». 1977, № 4, с. 15.

⁶⁵ «Индия». 1973, № 3, с. 28—29.

свое индивидуальное мастерство и талант, создавать тончайшие оттенки и созвучия, повинуюсь исключительно своему внутреннему чувству и оставаясь в то же время в рамках заданной раги. Исполнитель в известной степени импровизирует. Его задача исчерпывается, когда он чувствует, что свойственное раге настроение полностью передано слушателям. Поэтому один и тот же музыкант может каждый раз по-новому исполнять одну и ту же рагу, выводить в ее пределах собственные кадении, отражающие сиюминутное вдохновение и настрой.

В последние годы индийская музыка активно ищет собственные пути — создаются оркестры, при этом музыканты пытаются избежать механического заимствования западных образцов. В то же время, считают крупнейшие мастера индийской музыки, не следует полностью замыкаться в рамках традиционности — нужно не забывать и о музыкальных достижениях народов других культур, переносить их на индийскую почву. Так, достаточно успешными оказались опыты по введению унифицированной нотной системы по европейскому образцу для записи партитур. Нет сомнения, что дальнейшие поиски талантливых индийских композиторов и музыкантов принесут свои замечательные плоды.

Тамильская музыкальная система, являющаяся сейчас неотъемлемой частью общеиндийского музыкального наследия, представляется одной из древнейших на юге Индии. Самобытность и оригинальность многих музыкальных шедевров, созданных гением тамильского народа, не вызывают сомнения. Подтверждением тому служат гимны альваров и наямаров, достигших своего расцвета в V—XII вв. н. э. Эти гимны почти в неизменном виде исполняются в Тамилнаде и в наше время при большом стечении народа.

Самые ранние из дошедших до нас памятников тамильской литературы (датируемые I—III вв. н. э.) содержат упоминания о высокоразвитой музыкальной культуре тамильского народа. *Исей* по-тамильски значит «музыка». Это понятие воплощает в себе поэтическое видение реального мира древними тамильскими композиторами и мастерскую передачу его с помощью музыкальных средств и актерской игры. Как мы уже писали, тамилам было известно не менее пяти *пан* — основных, узаконенных традицией типов мелодий и исполнения — *куру́ньжи*, *му́ллей*, *па́лей*, *ма́рудам* и *ней-*

даль. В музыкальной системе тамиллов пан — то же, что и североиндийская рага.

Для воспроизведения каждого из пяти типов мелодии существовало пять видов музыкальных инструментов под названием *яж*, или *йааль*, — тамильская лютня. Упоминание об этих особенностях тамильской музыки и инструментах сохранилось в «Толкаппиям». Древняя грамматика называет сложившиеся к тому времени четыре группы исполнителей: *куттары* — «танцоры и драматические актеры»; *панары* — «певцы, аккомпанировавшие себе на инструментах»; *порунары* — «исполнители и сочинители боевых и воинственных песен»; *вирали* — «музыканты, танцовщицы и драматические актрисы».

Собрание классической тамильской поэзии «Десять песен», созданное в первые века нашей эры, зафиксировало разделение этих групп на подгруппы, что явилось, видимо, следствием объективной необходимости в более узкой специализации музыкантов. Основной музыкальный инструмент *яж* тоже претерпел изменения. Появился *яж* с семью струнами — *чиру яж*, секретами игры на котором владели *чируппанары*, а также *махара яж* — лютни больших размеров с семнадцатью струнами, на которых виртуозно играли *перумпанары*. Известна и *сакота яж* — с четырнадцатью струнами.

Музыкальная культура тех далеких веков была зафиксирована в теоретических сводах, составленных, по-видимому, в строгих и четких поэтических формах. К сожалению, большая часть этих бесценных свидетельств культуры не сохранилась, о них только упоминается в тех или иных источниках.

Уже в те времена тамильским композиторам и музыкантам были известны понятия, которые можно определить такими терминами, как терция, кварта, секста, септима и др. Были канонизированы определенные мелодии.

Особой любовью в народе пользовались и продолжают пользоваться лютни — *яж*. Сложенная игра на *яж*, сопровождаемая ударами барабана, создает неповторимый музыкальный рисунок, очаровывает сердца слушателей, готовых часами внимать тончайшим переливам родной музыки. Любопытно, что слово «*яж*» дало название крупнейшему городу в Шри Ланке, где живут тамилы. *Джафна* — видоизмененное произношение тамильского слова «*яжпанам*».

Крупнейшие композиторы и поэты стали почитаться

как святые — факт сам по себе беспрецедентный в истории музыки народов мира: например, имена Муттусами Дикшитара, Пурандара Даса и Тьягараджи стали в Индии бессмертными.

К сожалению, нам мало известно о жизни крупных музыкантов далекого прошлого. Куда больше фактов имеется о жизни и творчестве крупнейших мастеров южноиндийской музыки более позднего времени: Тьягараджи, Муттусами Дикшитаре, Гурумурти Шьяма, творивших в XVIII веке; непревзойденных мадрасских музыкантов XIX века Вина Куппийар, а также Аруначале Кавираяре и др. Они способствовали дальнейшему развитию национального музыкального творчества, придали музыке светский характер, проложили новые пути в мире музыкальных звуков. Если храмовая музыка веками существует почти без изменений, то светское южноиндийское музыкальное искусство живет своей жизнью и развивается в русле общеиндийской культуры.

Бессмертные ритмы Тьягараджи

Мы уже упоминали десять вечнозеленых деревьев и кустарников, раскрывающих бутоны своих соцветий, согласно повериям, только в те минуты, когда к ним приближается женщина или когда звучат гимны божественного Тьягараджи (1767—1848), добавляют индийцы, верящие в целебную силу чарующих звуков великого музыканта. Гармония жизненных и умственных сил слушателя, по мнению индийцев, определяется совершенством звукоряда, родившегося в душе композитора. Определенным образом подобранные комбинации звуков музыки могут просветлять людей, но они могут и привести их на грань небытия. Пример тому — особая система барабанных ритмов, используемая в южноиндийских храмах с целью изгнания «нечистого» у страдающих душевными заболеваниями верующих.

Музыка Тьягараджи раскрепощает, вливает в сердце человека силу и мужество. Тьягараджа был современником Моцарта, хотя едва ли он слышал о великом европейском композиторе. В Индии Тьягараджу считают святым, доказывают, что он был ниспослан свыше, чтобы звуками своей божественной музыки принести людям благую весть о наступлении *критаюги* — эпохи добра, равенства и справедливости. Индийцы любят говорить,

что Тьягараджа — нищий, оставивший миру несметные богатства.

Его имя вошло в историю. Тьягараджа прожил всю свою жизнь в небольшой деревушке Тирувейяр. Окутанная легендами и преданиями река Кавери разливается здесь широко и привольно, в нее впадают четыре притока. В старинном брахманском роду великого композитора любовь к музыке была необычайно велика. Отец Тьягараджи был шиваитским *бхактом* — приверженцем Шивы. Свое имя Тьягараджа получил в честь местного деревенского божка, защитника и хранителя золотисто-зеленых полей, раскинувшихся вдоль Кавери.

Местные жители с гордостью рассказывают, что быстрые воды священной реки оттачивают не только камни — они делают умы обитателей здешних мест острыми, словно лезвия бритвы. Иначе чем объяснить, что именно в этих краях родился гениальный математик-самоучка Рамануджан, а вблизи этих мест вырос один из крупнейших философов Азии Шанкарачария (VIII в. н. э.)?

Здесь же расцвел талант прославленного Тьягараджи. Возможно, свои способности он унаследовал от деда, незаурядного импровизатора и придворного музыканта. Когда закончилось традиционное для брахманского сына образование и талант юного Тьягараджи стал набирать силу, выяснилось, что благосостояние семьи ухудшилось. С тех пор композитору многие десятилетия сопутствовала нищета.

Южноиндийская музыкальная традиция достигла высочайшего своего выражения и расцвета в творчестве Тьягараджи. Благодаря ему светская музыка получила мощный импульс к дальнейшему развитию и отошла от храмовой, веками живущей почти без изменений. Тьягараджа значительно расширил систему раг, наполнил их дыханием реальной жизни, народными напевами. Не безучастное божество, а человек занял место главного героя в музыке композитора. Для этого Тьягараджа должен был вступить в труднейший спор с тысячелетней традицией, сломать ее и предложить нечто принципиально новое — задача, которая по плечу лишь великому из великих, ибо требовалось создать совершенство.

Тьягараджа чувствовал, сколь трудна и непостижима тайна совершенства, он мучительно искал собственный путь к нему, шел сквозь неизведанное, навстречу смутно угадываемому идеалу. И тогда, когда ему показа-

лось, что в своих поисках он уже зашел в тупик, ему открылась простая истина: совершенство, которое он так долго искал, его идеал — это нечто постоянно изменяющееся.

Красота вовсе не заключена в чем-то застывшем, даже если это фигура Шивы, вершащего свой космический танец. Пусть для божества одно движение — всего лишь миг в бесконечности бытия, но для всего живого — это смена многих поколений. Тьягараджа интуитивно угадал, что поиски ускользающей сущности совершенства длятся бесконечно, всю жизнь. В конечном счете и поэт-бхакт, страстно ищущий путей, ведущих к слиянию с божеством, неосознанно стремится к идеалу прекрасного, а найдя его, сам растворяется в искомом, его поиск закончен, цель достигнута.

Для истинного поэта поиски совершенства отражены в его стихах о боли, страданиях и счастье человека, у музыканта — в звуках мелодии, в которой слышны колыбельные песни, крики погонщика волов, мольба нищего, плач ребенка. Музыка, считал Тьягараджа, не только помогает человеку в поисках идеальных отношений, она должна идти дальше — жить для человека, помогать ему. Каждый пройденный этап для истинного музыканта — это всего лишь крошечная ступенька на «лестнице», ведущей к высотам идеальной гармонии, тысячу нитей связанной с реальной жизнью. Настоящий поэт и композитор не может успокоиться, даже достигнув необозримых высот совершенства. Успокоение — смерть для творца музыки. А что может быть нелепей на века застывших звуков?

Тьягараджа прекрасно понимал, что многие храмовые гимны давно исчерпали себя. Жизнь рождала тысячи новых красок, сочетаний звуков. Эти волнующие ритмы грозили безвозвратно уйти, раствориться в шедших на смену им новым. И если не привести в стройную систему красоту быстротечной жизни, она навсегда растает во времени и никогда не дойдет до сердец будущих поколений. Выстраданный опыт прошлого следует передать потомкам.

Однако храмовые мелодии прошлых веков для этой цели казались слишком абстрактными, столетия безжалостно остановили их развитие. Следовало преодолеть их существенный недостаток — стремление утешить верующего с помощью умозрительного божества. Новые времена требовали иной музыки.

Свое внимание Тьягараджа обратил на образ божественного Рамы, созданного человеческим воображением, близкого и понятного каждому индусу. В эпическом сказании «Рамаяна» слились воедино победы, падения, поражения и торжество человеческого духа.

Прославляя Раму, Тьягараджа создал гимны высокого гуманистического звучания. Музыка Тьягараджи лишена абстрактности. Она наполнилась близким людям земным опытом бытия. Его раги не затуманивают пути индивидуума к своему идеалу, они снимают с души скверну мелочного суетного существования. Страстное желание соприкоснуться с таким идеалом слышится в рагах, исторгающих ласковые звуки, уговоры, просьбы, приказ, мольбу, лесть, даже брань. В ритмах Тьягараджи живет целая гамма человеческих эмоций. В музыке Тьягараджи мощно прорывается вера людей в свои силы. Вместо страстной молитвы — уверенность человека в себе.

Как всякое большое искусство, музыка Тьягараджи ломает сковывавшие ее каноны прошлых лет. Слушая «безбрежную» мелодию прославления земного Рамы — то стремительную, бурную, горячую, неистово-темпераментную, то спокойную и плавную, человек осознает связь своего «я» с идеалом совершенства. В масштабах музыкальной культуры народов Юго-Восточной Азии гений Тьягараджи представляется подлинной вершиной человеческого духа.

Тьягараджа прожил более восьмидесяти лет. Он оставил людям 2400 песен, при исполнении которых используются более чем двести раг. Уже при жизни композитор познал славу и почет. По освященной веками традиции, великие мудрецы, поэты и композиторы увековечиваются в памяти индийцев как святые. Отсюда идет обычай почитания знаменитых соотечественников. Ежегодный фестиваль музыки в честь Тьягараджи носит характер ритуала, лишённого налета мистицизма. Стихийно сложившийся обычай проведения фестиваля имени Тьягараджи поддерживается уже более ста тридцати лет.

Ежегодно в начале января в Тирувейяр стекаются почитатели великого композитора, известные музыканты и певцы. Трехдневный музыкальный фестиваль начинается хоровым пением возле места, где скончался Тьягараджа. Теперь здесь возведено красивое здание, построенное на пожертвования музыкантов. Оно стало глав-

ным местом народного фестиваля, официально признанного еще в начале нашего века. Программа праздника включает в себя выступления примерно сотни лучших музыкантов Индии, на каждое из которых отводится не более пяти минут. До фестиваля музыканты проходят конкурс в своих штатах. За пять минут музыкант должен показать свое мастерство и продемонстрировать виртуозность. Это — серьезное испытание, если учесть, что слушатели — профессионалы. Выступления музыкантов транслируются по радио, о них пишется в прессе.

В программе фестиваля — посещение дома Тьягараджи и проведение представления, на котором артисты разыгрывают сцены из жизни композитора. В последний день фестиваля его участники с пением торжественно идут по тем же местам Тирувейяра, где некогда бродил нищенствующий Тьягараджа. Этот многоголосый хор исполняет благословляющие память композитора песни, которые как бы подхватываются чистыми водами Кавери.

Индийский Горький

Музыкальное и песенное искусство народов Индии сыграло огромную роль в период национально-освободительной борьбы. Сохраняя свои лучшие черты, наследие прошлых веков в то же время получает новое осмысление, все более отражая насущные нужды сегодняшнего дня. Блестящим примером такого музыкального направления можно назвать тамильскую народную труппу Сивагири Горького, много сделавшего для возрождения искусства игры на тамильской лире — *виллесе*. «Если на улице звучит виллесе, в храме некому зажечь светильники», — поется в народной тамильской песне.

Для миллионов индийцев имя великого пролетарского писателя Максима Горького — символ новой России. Оно мгновенно облетело огромный субконтинент и дошло до небольшого тамильского городка Сивагири (округ Тирунелвели), где в 1933 году в семье батрака Муккайдэвара родился единственный сын. Мальчика назвали Горький. Его родители верили, что имя прославленного писателя, вышедшего из народных низов, послужит их сыну талисманом и принесет ему удачу и счастье. Едва ли знали родители-батраки, что в свободной Индии

ему суждено стать столь популярным, а возрожденное им искусство игры на вилисее получит всенародное признание.

Биография Сивагири Муккайдэвара Горького типична для многих народных самородков, чей талант расцвел после получения Индией независимости. Семья не могла обеспечить мальчику полного школьного образования, но врожденная музыкальная одаренность привлекла к нему внимание знатоков. С. М. Горький стал увлеченно заниматься игрой на вилисее и вскоре достиг немалых успехов.

В Тамилнаде в течение многих веков развивалось искусство исполнения народных песен, танцев и сказаний в сопровождении вилисея — музыкального инструмента, похожего на лук (*вил*), длиной в несколько метров. Вил увешан медными бубенцами и крепится к большому глиняному сосуду — резонатору. Игра на вилисее сопровождается ударами в небольшой звучный барабан. Медные тарелки «подчеркивают» в нужных местах ритмы. Для создания своеобразного музыкального фона низкого звучания ударяют обтянутыми кожей палочками по резонатору. Традиционные представления с вилисеем включают элементы музыкальной драмы и декламации, когда сказитель напевным речитативом повествует о том или ином событии.

Крестьяне готовы часами слушать полные грусти и лиризма песни о мужественных защитниках народа, о простых, добрых и несгибаемых людях своей страны.

С. М. Горький начал постигать полузабытые в период британского колониализма тайны владения вилисеем и тщательно изучать опыт своих предшественников. Один из них — Вадивель Четтияр, получивший известность в среде музыкантов еще в начале нашего века. Под аккомпанемент вилисея он напевал слушателям истории из народного эпоса и сказаний. К 1950-м годам выдвинулся музыкант Н. С. Кришнан. Его репертуар значительно расширился и приблизился к реальной жизни народа. Н. С. Кришнан страстно воспевал героев *сатьяграхи* — движения за неповиновение английским властям, декламировал стихи о национально-освободительной борьбе, клеймил поджигателей второй мировой войны.

С. М. Горький — талантливый представитель следующего поколения мастеров игры на вилисее. Его главная заслуга состоит в том, что он сумел в старинные формы влить новое содержание. В ноябре 1953 года родился

известный нынче ансамбль «*Вилисей кужувинар*». Основными целями он провозгласил не только возрождение старинного народного искусства, но и максимальное приближение своего репертуара к жизни трудящихся, популяризацию народного музыкального и песенно-драматического искусства.

Истинное искусство, считают участники ансамбля, может выполнить свою высокую миссию, только если оно станет служить подлинным интересам широких масс населения. С первых своих шагов ансамбль опирался на помощь крупных знатоков народного фольклора и музыки, таких, как профессор Н. Ванамамалей, известных писателей — Ч. Рагунадана, Т. К. Сивасанкара и др. Значительную поддержку ансамблю оказали коммунисты штата, руководители Крестьянского союза, Союза рабочих, учебные центры и просто любители. Ученые и музыканты помогли ансамблю в выработке верных принципов художественного воплощения творческих замыслов.

...Закончилось традиционное приветствие. Меняются музыкальные ритмы, настраиваясь на эпическое звучание. Сильный голос сказителя выводит первые узоры известной в народе музыкальной баллады о пахаре Маруду, которого жена просит купить ей на базаре шелковое сари.

Зрители отлично знают, что у Маруду жалкие гроши и о шелковом сари можно только мечтать. Но как может тамиль сказать любимой «нет»? Свой отказ герой баллады облачает в условно-поэтическую форму. Подразумевая несуществующих в его нищенском хозяйстве быков и землю, Маруду поет о том, что быки куда-то забрели и поэтому вспахать землю и вырастить, затем продать хлопок он сможет только тогда, когда отыщет их, а уж потом купит жене сари. Далее в балладе говорится о том, как Маруду вступил в борьбу с английскими колонизаторами. Трагическая судьба бедного пахаря, дерзнувшего выступить в защиту крестьян и убитого вместе с сыном, хорошо знакома южанам.

Особенность использованной С. М. Горьким композиции баллад и преданий в том, что в повествования органично вплетаются рассказы о тех или иных важных политических и экономических проблемах сегодняшней жизни Индии, о задачах и решениях, принимаемых Союзом крестьян и рабочих, о борьбе трудящихся.

За двадцать пять лет своего существования ансамбль

дал более трех тысяч представлений. В его репертуаре есть и антикастовые песни, как, например, «Муттуппаттан», повествующая о брахмане, женившемся на девушке из «низкой» касты и убитом за отступничество от древних традиций.

«Октябрьская революция» — так называется обширный цикл песен и баллад о революции 1917 года в России. Он впервые был показан тамильским рабочим и крестьянам в октябре 1977 года, в 60-летнюю годовщину Советской власти. Языком музыки, стихов и песен ансамбль С. М. Горького доносит до простых тамиллов правду о первом государстве рабочих и крестьян. Под звуки тамильской лиры ансамбль повествует о жизни В. И. Ленина, в популярной форме доносит идеи коллективизации, социализма и коммунизма. Доступным для слушателей языком музыки и песни ансамбль рассказывает о совершающихся в современном мире сложных процессах.

Ансамбль выступает в Тамилнаде, Керале, Карнатаке. Его слушают на митингах, собраниях и съездах. Юбилейное трехтысячное выступление ансамбля явилось триумфом народной музыки. Древний вилисей, возрожденный талантом С. М. Горького, продолжает служить народу.

Некоторые в Индии считают, что ансамбль имеет большие прибыли. По этому поводу С. М. Горький неизменно говорит, что там, где царствует Сарасвати (богиня искусства), не всегда найдется свободное место для Лакшми (богини удачи и богатства). Ансамбль дает свои концерты бесплатно. Неоднократно выступал он по радио, снимался в кино. Более тридцати мастеров игры на народных инструментах подготовил ансамбль за годы своего существования. В ноябре 1983 года прогрессивная общественность Тамилнада отметила его тридцатилетний юбилей. «Тем, кто не слышал чудесной музыки ансамбля, советуем: идите на его концерт. Популяризируя искусство и знания, просвещая простых людей труда, ансамбль делает великое дело для своего народа»⁶⁶, — писал индийский журнал «Санги».

Музыкальное и песенное творчество тамильского народа развивалось параллельно классической музыке. Одним из древнейших музыкальных инструментов была для тамиллов *чанги* — морская раковина, по имени которой названа одна из традиционных тамильских нот.

⁶⁶ «Санги» («Мир»), 15.III.1963 (на тамил. яз.).

Жители приморья славились искусством игры на морских раковинах. Для этой цели чанги обрабатывались и полировались, после чего они становились пригодными для воспроизведения достаточно сложных музыкальных мелодий. Звучанию чанги придавалось магическое значение, оно связывалось со светлыми и добрыми силами. По утрам во дворцах тамильских правителей слышались громкие звуки чанги.

Особенно ценились раковины с линиями, идущими вправо. И поныне считается, что такая раковина приносит ее владельцу удачу, благополучие и счастье. Видимо, здесь сказалось влияние индуизма, согласно которому правая сторона всегда считалась счастливой.

Чанги были непременным музыкальным инструментом на свадьбах и праздниках. Боевые сражения в древности сопровождались трубным звуком больших морских раковин, от которого, по свидетельству «Махабхараты», обращалась в паническое бегство армия неприятеля. С развитием более совершенных инструментов, сделанных руками человека, значение чанги как музыкального инструмента стало падать. Секреты изготовления из раковин музыкального инструмента и умения играть на нем были утеряны. Однако многолетние поиски и изучение описаний чанги в древних источниках натолкнули музыкантов на верный путь. В результате индийская музыка обогатилась еще одним, казалось, безвозвратно утерянным, инструментом.

Современная чанги — это крупная морская раковина с мундштуком, обладающая высокими резонирующими свойствами. Одним из энтузиастов, получившим признание в мире индийских музыкантов, стал Т. С. Махалингам. Более двадцати лет овладевал он искусством игры на чанги, затем стал первоклассным музыкантом и получил поддержку Мадрасской музыкальной академии. С ее помощью он основал школу игры на этом инструменте. Его виртуозная игра вызывает неизменное восхищение слушателей. Как знать, не станем ли и мы когда-нибудь слушателями, скажем, «Концерта для морской раковины и оркестра индийских инструментов»?

«Поющие» камни

Подтверждением огромной роли музыки в жизни тамилы служат не только дошедшие до нас тексты лите-

ратурных памятников. На юге Индии сохранились редчайшие творения неизвестных мастеров, создавших скульптуру и архитектурные элементы храмовых зданий из «поющего» камня.

— Нужен ли скульптору или архитектору музыкальный слух? — такой вопрос многим может показаться странным.

Однако в Южной Индии вам без колебаний ответят утвердительно и покажут удивительные творения — музыкальную каменную скульптуру.

Искусство обработки камня издавна знакомо южноиндийским мастерам. Здесь встречается гранит, который тулко звучит при ударе. *Исей каль* — «поющий» камень — так называют его тамилы. Древние зодчие подметили высокие резонирующие свойства определенного вида камня и стали использовать его при строительстве храмов.

Колонны, статуи богов, всадников, жертвенные камни, ступеньки, выполненные из «музыкального» камня, встречаются во всех южных штатах Индии — в Андхра-Прадеше, Карнатаке, Керале. Но больше всего этих шедевров сохранилось в Тамилнаде. Бережное отношение индийцев к музыке, их тонкое чувство ритма и гармонии нашли свое выражение в умении сочетать скульптуру с музыкой.

Возможно, что еще далекие предки тамилы, обитавшие, согласно легендам, в погруженной сейчас на дно Индийского океана стране Лемурии, были знакомы с искусством обработки камня. В умелых руках каменотесов шершавый гранит после тщательной обработки приобретал резонирующие свойства. Одни блоки при ударе «гудели» на низких октавах, подобно отдаленным раскатам грома, другие издавали нежные и чистые звуки, напоминающие звон капли, постепенно замирающие в «глубине» камня. Творения из «поющего» камня — синтез таланта архитектора, скульптора и музыканта. Много шедевров погибло в результате войн или стихийных бедствий, но и то, что сохранилось, вызывает неизменное восхищение.

В окрестностях тамилнадского городка Тарасупурама есть древний храм, ступеньки которого выложены плитами из «музыкального» камня, причем каждая ступенька воспроизводит присущую только ей высоту тона. Здесь решающую роль играла толщина камня, его плотность и, видимо, определенный способ кладки с приме-

нением специальных связующих элементов. Не последнюю роль играла компоновка отдельных частей архитектурного ансамбля в целом. В результате достигалась желаемая цель: при постукивании бамбуковой палочкой по ступенькам можно воспроизвести несложную гамму.

Примерно в 30 километрах к югу от Мадраса, в районе Тируккажикунрама, находится небольшая возвышенность Сандживи. На территории здешнего храма Шивы среди сотен плит показывают «музыкальную». Она отзывается на каждое прикосновение мелодичным звоном.

Больше всего сохранилось в Тамилнаде *исей кал тун* — «музыкальных» колонн, представляющих собой неотъемлемые элементы архитектуры храмов. Разным частям филигранно выполненной колонны соответствует разная высота тона. Отдельные колонны или группы их можно видеть в небольшом тамильском городке Тади-комбу или в Альвартирунагаре. Между мысом Каньякумари и столицей штата Кералы Тривандрумом (Тируванандапурам) находится уютный городок Сучинрам, который тоже славится «музыкальными» колоннами. Встречаются они и в городе Калаккаду (дистрикт Южный Аркот). Высота «музыкальных» колонн колеблется от одного до двух метров, диаметр — тоже различный. В поперечном сечении эти колонны представляют собою цилиндр, шести- или восьмиугольник. Основание и верхняя часть колонны украшены богатым орнаментом из каменных цветов и тщательно соразмеренными изображениями мифологических персонажей.

Одна из таких «музыкальных» колонн украшает знаменитый храм богини Минакши в Мадуре. Эта колонна, будучи частью архитектурного ансамбля, служит в качестве несущей конструкции и вместе с тем играет роль музыкального инструмента. Древний мастер должен был обрабатывать каменную глыбу, соблюдая требуемые параметры, с тем чтобы колонна могла выдерживать огромную вертикальную нагрузку, быть соотносимой по своим пропорциям с соседними конструкциями и вместе с тем не терять своих резонирующих свойств. Безвестный мастер блестяще справился со сложной задачей, математически точно рассчитав допустимые пределы уменьшения прочности каждой части колонны, которые при ударе издадут звуки различной высоты тона.

Таковыми предстают перед нами редкостные «поющие» камни, шедевры архитектурного искусства Азии, изумляющие нас и сегодня.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Специалисты-индологи изучают историю, язык, литературу и культуру тамильского народа. Но для широкого круга читателей написано так мало, что если спросить: кто такие тамилы? — очень немногие смогут хотя бы приблизительно ответить на этот вопрос.

А ведь именно с этим народом связано много легенд, преданий и смелых исторических гипотез. Сейчас тамилы живут («сейчас» означает здесь последние две — две с половиной тысячи лет) в юго-восточной части Индии в штате Тамилнад, что значит «Земля тамиллов». Его площадь — свыше 130 тыс. кв. км, а население — около 50 млн. человек. Правда, тут живут не только тамилы, но также большие группы представителей соседних народов Южной Индии, говорящих на языках той же семьи, к которой принадлежит и тамильский (или тамиль), и выходцев из более далеких штатов страны, где говорят на языках, совсем не похожих на тамильский. Но «Земля тамиллов» и есть земля тамиллов, и они составляют здесь абсолютное большинство населения.

Морское побережье Тамилнада протянулось почти на тысячу километров — песок, песок и песок. Его омывают теплые воды Бенгальского залива, которые индийцы называют «шелковыми», а южная оконечность штата — она же и южная оконечность всей Индии — мысом вдается в неповторимую «смесь» вод, влекомых ветрами и течениями и принадлежащих не только Индийскому, но и Тихому и Атлантическому океанам. Россыпи золотистого песка, перемешанного с мелкими морскими раковинами, а вокруг до горизонта — волны и ветер. В глубину материка уходят поля, пальмовые плантации, сады, огороды, каменные холмы, деревни, города и храмы...

Красивая и жаркая земля.

Тамилы невысоки, тонкокосты, в большинстве своем темнокожи, их черные и большие глаза отличаются «бриллиантовым блеском».

Женщины-тамилки из среды трудящихся слоев населения носят короткие домотканые сари, обычно без нагрудных кофточек, а мужчины — маленькие набедренные повязки и тюрбаны. Темные полуобнаженные люди от зари до зари работают в полях под палящими лучами солнца: пашут землю на буйволах, вручную сажают рисовую рассаду, вручную жнут созревшие злаки, вручную тяжелыми пестами в высоких ступах «рушат» зрелые зерна и вручную с плетеных широких совков ссыпают их, отвеивая на ветру полову. А на земле, словно красные лужайки, — огромные пятна рассыпанного для просушки жгучего перца, без которого не может обойтись на кухне ни одна тамильская хозяйка.

Пальмы здесь стриженные — листья идут на покрытие крыш, а иногда на изготовление стен бедных крестьянских и рыбацких хижин. У более зажиточных слоев населения — дома глинобитные, а у бо-

гатых — кирпичные. И в деревне сразу можно отличить квартал, заселенный членами «низких» каст, от кварталов, где живут члены каст, по традиции считающихся «высокими», или «чистыми».

Традиции, вспоенные не только столетиями, но тысячелетиями, до сих пор еще ощутимо проявляются во многих сторонах жизни народа, что и отметил автор этой книги.

Знакомясь с материалами, собранными автором за время работы в Тамилнаде, я была поражена его острой наблюдательностью и жадным стремлением узнать как можно больше о каждой черте жизни тамиллов, об их хозяйстве, быте, вере и поверьях, легендах и праздниках — словом, обо всем, что узнали и мы, совершив вместе с ним и благодаря ему увлекательное путешествие по земле такого далекого от нас и такого древнего народа.

Истоки истории тамиллов теряются в не изведанных еще наукой глубинах времени. Много догадок и гипотез высказывалось по этому поводу учеными разных стран. Две из них особенно интересны. Первая предполагает родство тамиллов, как и других южноиндийских народов, тоже говорящих на языках дравидийской семьи, с древним населением Восточной Африки, возможно и Египта эпохи первых династий. Полагают, что это загадочное родство можно связывать и с континентом (или цепью островов?), некогда соединявшим Африку с Индией, а затем скрывшемся в водах океана, — ведь предания о потопе есть и у народов Малой Азии, и в Индии. Доказывают это и сходством традиционной несшитой одежды, которую носят и там, и тут, и наличием одинаковых круглых хижин на восточном побережье Африки и на западном берегу Индии, и еще целым рядом фактов.

Согласно же второй гипотезе, именно дравидоязычные народы, и в том числе предки тамиллов, были исконными жителями Индии и создали древнейшую цивилизацию Южноазиатского субконтинента, известную, по месту первых находок, под названием цивилизации долины Инда, или цивилизации Хараппы.

Долина Инда — северо-запад субконтинента. Дальше к западу лежат страны Переднего Востока и Малой Азии. Цивилизация эта датируется IV—III тысячелетиями до н. э., и создавшие ее люди были не только земледельцами и строителями, возводившими городские здания из обожженного кирпича и прокладывавшими в землю под своими городами сложную сеть водоотводных каналов, тоже облицованных кирпичом, — нет, они были также и мореходами и купцами. В раскопках обнаружены и иноземные вещи и изображения судов. Может быть, на них плавали по Аравийскому морю и добивались до Африки?

Эта цивилизация распалась во II тысячелетии до н. э., и люди под давлением исторических обстоятельств стали продвигаться на восток и на юг страны и, оседая отдельными группами и племенами по всей ее территории, дошли до южных ее областей и здесь расселились. Сейчас ученые пытаются расшифровать письмены этой цивилизации и, по мнению большинства из них, за исходный рубеж в раскрытии тайн умершего языка должен быть принят тамильский.

Куда же уходят корни истории и традиций тамиллов? И в какое тысячелетие?..

Много народов приходило на субконтинент из других стран. Арии, или арийцы, древние соседи и, возможно, родственники предков славян, — с бескрайних просторов причерноморских и прикаспийских степей — во II тысячелетии до н. э., древние иранцы — в I тысячелетии до н. э., греки, ведомые Александром Македонским, —

вслед за иранцами, среднеазиатские скифы и белые гунны — в первые века н. э., арабы — в IX—X вв., а затем завоеватели, сменяя друг друга, волнами перекатывались через северо-западные горные перевалы из Афганистана, Ирана, Средней Азии. И завершились все эти нашествия колонизацией Индии европейцами — португальцами, французами и, наконец, англичанами.

Каждый из приходивших сюда народов оставлял свою печать на истории страны и вносил свой вклад в развитие ее духовной и материальной культуры.

Большинство тамилы исповедуют индуизм, религию, которая сложилась в древности в результате сложного взаимодействия местных верований и культов с идеологией ариев, которые, расселяясь по стране, смешивались с ее населением и внедряли повсюду свои обычаи и поклонение своим богам, усваивая одновременно и местные обычаи и веру. Вот так и вышло, что в индуизме в целом появилось тридцать три миллиона богов, и в каждой области страны есть свои, самые древние, самые привычные из них. В этой книге автор рассказывает нам о таких «родных» божествах тамилы, упоминая и о том, что этот народ почитает и общих богов индуизма.

Из смеси обычаев и нравов местных и множества пришлых народов сложились ритуалы, церемонии и обряды, собственные большинству населения Индии, но имеющие свои особенности, оттенки в каждом штате, даже в отдельных районах и областях. Больше того — эти особенности выявляются и у отдельных групп населения одного и того же города или села: «высокие» касты, например, запрещают браки вдов, а «низкие» разрешают, в праздниках, проводимых первыми, не могут участвовать вторые и т. п. Причем сходство таких особых черт и оттенков прослеживается в Индии, так сказать, по горизонтали — у всех «высоких» обычаи более сходные, как и у всех «низких», чем у обоих слоев населения друг с другом. Поэтому многие описания и зарисовки автора, относимые им к Тамилнаду, могут показать нам по принципу указанного сходства ряд сторон жизни близких по социальному положению групп из среды других народов страны.

Это довольно ценная черта работы, сообщающая ей более широкий познавательный характер, чем было, видимо, задумано автором.

К целому ряду его наблюдений необходимо добавить слова «как и везде в Индии», что я и позволяла себе иногда делать при редактировании книги. Но для нас важны указания и описания, касающиеся именно тамилы. И их в книге достаточно.

Особенно интересны, например, и совсем новы для нас сведения о магии чисел и о приметах, связанных с разными числами и цифрами. Удивительную живучесть этой магии в Тамилнаде (и в Индии в целом) можно попытаться объяснить тем, что она помогает запоминанию чисел и манипулированию ими. К ней обращаются уже в школе и даже раньше — в семье, где еще совсем маленькие дети. И эта своеобразная мнемоника способствует восприятию информации и удержанию ее в памяти, тем более что большую часть элементов этой магии можно (и должно) объяснить вполне материальными категориями.

Уместно вспомнить и о том, например, что число «восемь» издревле занимает в мировоззренческих концепциях индийцев важное место: буддизм предписывал восьмичленный путь спасения, в индуизме есть обряды, которые содержат восемь элементов или должны повторяться восемь раз, известны 100+8 имен бога, 100+8 молитв

м т. п. И в книге мы встречаем рассказ и о восьми путях достижения истинного познания — об известной тамилам издревле категории философии и логики, и о наборе восьми лекарственных средств, и о восьми страстях души, и об иных проявлениях влияния этого числа, как и ряда других, на умы и чувства людей.

В не менее новой для нас главе об именах приводятся содержательные сведения и пояснения, которые, к сожалению, нигде в нашей литературе до сих пор не появлялись. Ведь антропонимия — наука об именах людей — интересна прежде всего своей историчностью: в системе имен часто оказываются как бы законсервированными на долгие годы древние общественные структуры, семейно-брачные институты и многие обычаи, уже не сохраняющиеся в памяти новых поколений. Хочется надеяться, что наши индологи-языковеды опубликуют работы об анализе состава имен у разных народов Индии.

Очень хороши этнографические зарисовки автора, касающиеся обычаев, связанных с семейными событиями. Это не фотографии и, главное, не беспристрастные наблюдения чужеземца. С глубоким пониманием и горячим сочувствием пишет он, например, об обрядах, связанных со смертью, и вовлекает читателя в искреннее сопереживание горю вдовы, которое и в Тамилнаде, и в среде всех индусов из «высоких» и «средних» каст является горем, умноженным на бесконечность. Действительно, нам трудно себе представить, что означает вдовство у индусов, особенно для молодой женщины (а ведь даже детские браки еще не полностью изжиты в этой стране). Утрата усугубляется неизмеримо тяжелым комплексом резко изменяющегося отношения к вдове со стороны всех окружающих, всего общества в целом. «Ты виновата в смерти мужа, ты проклята богами, ты грешила в своих прошлых перерождениях, и за это воздастся тебе» — вот что читает вдова во взорах не только всех родственников и знакомых, но и каждого встречного. Ее боятся, ее сторонятся, ее ненавидят.

И несмотря на то, что новые общественные отношения меняют старые обычаи, несмотря на то, что еще в 1950-х годах были приняты законы, запрещающие преследование вдов, разрешающие им вторичное замужество и дающие им право наследовать часть имущества покойного мужа, все же застойность традиционного отношения к вдовам нарушается медленно. Лишь в среде образованных и, более того, европеизированных горожан они пользуются широкими социальными правами и лишены комплекса личной вины, хотя и тут очень редко выходят замуж вторично. В более же широких слоях индусской общины (повторяю — не в «низких» кастах, где общество не подавляет вдов) их участь не только печальна, но зачастую трагична.

Надо отдать должное жадной наблюдательности автора, который донес до нас, советских читателей, все особенности столь незнакомого нам индусского (здесь — в частности, тамильского) похоронного обряда, как кремации, так и погребения. Он умудрился увидеть и разузнать все — как маслом поливают костер, и чем присыпают и смачивают тело покойного, и как несут к месту кремации, и как хоронят, и в каких именно случаях происходит то или другое. Все эти сведения не только интересны для читателя, они ценны и для ученых: советских этнографов-индологов так мало, что они уже поэтому не могут уделять внимание этим первейшим по своей важности для них вопросам и не имеют возможности изучать их на месте. А старые обычаи в это время постепенно уходят, как вода в

песок, и с ними вместе — закодированные в них бесценные данные.

Главы о тамильском календаре и о праздниках тоже чрезвычайно интересны и напоминают хорошо отснятый цветной документальный фильм. В диапазон описаний уместилось много материалов, касающихся не только тамиллов, но несущих информацию и обо всей Индии, — от распространенной в стране веры во влияние планет на судьбы людские до таких деталей быта, как антиалкогольные традиции, особо соблюдаемые, как это ни парадоксально звучит, в дни праздников.

Типична для индусов и красочно описанная в книге бескровная коррида — ведь быков здесь никто не пытается убивать не только потому, что это священное животное, но и потому, что вообще в Индии зрелище насилия и кровавых сцен издревле отвратительно для каждого человека. Взрывы религиозно-общинной розни или межкастовых столкновений провоцируют иногда проявления крайней жестокости, но эти действия и сами провоцируются спекуляциями на религиозном или кастовом самосознании, которое в таких случаях может оказаться сильнее всех традиционных психических тормозов, и в том числе исповедуемой в той или иной мере всеми доктрины *ахимсы*, то есть ненасилия, неубийства, неповреждения чужой жизни.

С глубокой симпатией и все с той же нигде не изменяющей автору наблюдательностью он описывает и танцы, и народный театр тамиллов, корнями своими тоже уходящие в толщу тысячелетий.

В книге нет рассказа о *бхарата-натьям*, классическом тамильском стиле танца, который стал уже общеизвестным. Когда-то его исполняли только девушки *девадаси* — «рабыни бога» — под каменными сводами храмов бога Шивы. В независимой Индии, где большое внимание уделяется развитию всех форм народного искусства, этот танец стали изучать профессиональные танцовщицы и вывели его из-за стен храмов на площади, на эстраду и в театры. Артисты часто выезжают за рубеж, демонстрируя миру изумительно отточенное искусство «языка жестов» и пластическую красоту и выразительность поз. Многие из них были и в нашей стране. Советские люди видели этот танец по телевидению и даже некоторые талантливые наши танцовщицы стали изучать и исполнять несложные отрывки из него. Он описан также в работах наших специалистов.

Глубокая и искренняя симпатия автора к индийцам, полное отсутствие стремления «сыграть на экзотике», старание осмыслить и правдиво донести до читателя все незнакомые нам явления жизни тамильского народа, сделать его ближе и понятней — все свидетельствует о том, что сохраняется у нас прекрасная традиция всестороннего изучения жизни дружественных нам народов Индии. У истоков этой традиции стоял Афанасий Никитин, а достойными продолжателями были Герасим Лебедев, И. П. Минаев, А. Е. Снесарев и другие русские путешественники и исследователи, никогда не спекулировавшие на показе мистики или чудес (чаще всего придуманных для заманивания доверчивых читателей), внимательно и сочувственно вглядывавшиеся в жизнь индийцев, в их горе и радости, чаянья и успехи.

Надеемся, что книга Виталия Фурники вызовет интерес советских читателей — на каждой странице в ней можно найти что-то новое и до сего времени никем не описанное. Эту книгу с полным правом можно отнести к числу ценных вкладов в великое дело укрепления дружбы между советским и индийским народами.

Н. Р. Гусева.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Terra Phantasia, или кто такие тамилы	7
От рождения...	18
Четыре ступени жизни человека	30
Эта вечная радость	42
Как стать взрослым	63
Главная ступень жизни человека	69
Извечный союз	74
...До погребального костра	91
«Магия» чисел	104
Поток времени	139
Еще о праздниках	158
Ритмы жизни	169
«Концерт для морской раковины и оркестра индийских инструментов»	181
<i>Н. Р. Гусева.</i> Послесловие	195

Виталий Петрович Фурька

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТРА (тамилские этюды)

Утверждено к печати редколлекцией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор *Э. О. Секар.* Младший редактор *Г. А. Аристова.* Художник *Э. Л. Эрман.* Художественный редактор *Б. Л. Резников.* Технический редактор *В. П. Стуковнина.* Корректор *М. К. Киселева*

ИБ № 15314

Сдано в набор 10.11.84. Подписано к печати 22.04.85. А-04376. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,5+0,42 вкл. на мел. бумаге. Усл. кр.-отт. 11,55. Уч.-изд. л. 11,74. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5648. Зак. № 736. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

